

ГРАНИ

GRANI

62

1966

Postverlagsort: Frankfurt/Main, November 1966

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год издания XXI

№ 62

1966 год

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

3

Российские документы по делу А. Синявского и Ю. Даниэля

ПИСЬМО СТАРОМУ ДРУГУ 7

1. ДОКУМЕНТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ СЛЕДСТВЕННОГО ПЕРИОДА

Призыв к «митингу гласности» 5. 12. 1965 года. Гражданское обращение 19

Призыв группы «СОПРОТИВЛЕНИЕ» 20

Письмо жены Ю. Даниэля Первому секретарю ЦК КПСС 22

Письмо жены Ю. Даниэля Генеральному прокурору СССР и Председателю КГБ 25

Письмо жены Ю. Даниэля Председателю Верховного суда СССР 27

Письмо жены А. Синявского Л. Брежневу, Генеральному прокурору СССР и Председателю КГБ 28

Заявление жены А. Синявского Председателю Верховного Суда СССР 32

Письмо редактора журнала «Синтаксис» А. Гинзбурга А. Н. Косыгину 33

Письмо кандидата физико-математических наук В. И. Левина в редакцию газеты «Известия» 38

Письмо искусствоведа Ю. Герчука редактору газеты «Известия» 44

Письмо литературного критика Н. Роднянской в Президиум Верховного Совета СССР 50

Письмо научного сотрудника АН СССР В. Д. Меникера в Московский суд 53

Заявление литературоведа В. В. Иванова в юридическую консультацию 58

Письмо искусствоведа И. Голомштока в Верховный суд РСФСР 63

Письмо поэта-переводчика А. Якобсона в Московский суд 69

2. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО СУДЕБНОМУ ПРОЦЕССУ

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛУ Ю. ДАНИЭЛЯ 77

Допрос свидетеля Гарбузенко 77

Допрос свидетеля Хазанова 79

Допрос свидетеля Хмельницкого 82

СВИДЕТЕЛЕЙ ЗАЩИТЫ — НЕТ. Очная ставка Даниэля с Азбелем	84
ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛУ А. СИНЯВСКОГО	85
Допрос свидетеля Петрова	85
Допрос свидетельницы Докукиной	86
Допрос свидетеля Ремезова	88
Допрос свидетеля Голомштока	92
ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЗАЩИТЫ ПО ДЕЛУ А. СИНЯВСКОГО	95
Допрос свидетеля Дувакина	95
РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ О. ТЕМУШКИНА	97
РЕЧЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ А. ВАСИЛЬЕВА	105
РЕЧЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ З. КЕДРИНОЙ	108
РЕЧЬ КИСЕНИШСКОГО, АДВОКАТА Ю. ДАНИЭЛЯ (Пересказ)	110
РЕЧЬ КОГАНА, АДВОКАТА А. СИНЯВСКОГО (Пересказ)	111
РЕПЛИКИ ПРОКУРОРА, А. ВАСИЛЬЕВА И З. КЕДРИНОЙ	114

3. ДОКУМЕНТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ НАСТРОЕНИЯ ПОСЛЕ ПРОЦЕССА

Письмо 5-х граждан Л. И. Брежневу	119
Письмо 62-х писателей в Президиум XXIII съезда КПСС и в Президиумы Верховных Советов СССР и РСФСР	127
Телеграмма ученых и писателей в Президиум XXIII съезда КПСС	129
Открытое письмо писательницы Л. Чуковской М. Шолохову	131
ПИСЬМО Ю. ДАНИЭЛЯ ИЗ КОНЦЛАГЕРЯ В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»	136

Сообщение, переданное редакцией журнала «ГРАНИ» прессе	138
Обращение издательства «Посев» к писателям, поэтам, литературным критикам и деятелям искусства и науки, к литературной молодежи и студенчеству	141

ОТ РЕДАКЦИИ

Этот номер нашего журнала мы целиком посвящаем публикации документов по делу А. Синявского и Ю. Даниэля, полученных нами из России. Тридцать восемь печатаются нами сейчас, остальные готовятся к публикации.

Документы ходят по стране в виде сборника и представляют собой своеобразную «Белую книгу» по делу арестованных и сосланных в концлагерь писателей А. Синявского и Ю. Даниэля. В книге этой содержатся документы не только касающиеся непосредственно процесса, но и выражающие реакцию российской общественности на это большое и важное событие.

Сборнику документов предпослано в качестве передовой «Письмо старому другу». В нем автор и, по-видимому, составитель сборника дает подробный политический анализ «дела» писателей Синявского и Даниэля. Затем документы распадаются на три части по хронологическому признаку:

- 1) Документы, касающиеся следственного периода.
- 2) Дополнительные документы по судебному процессу (основные были опубликованы нами в «Гранях» № 60 за 1966 г.).
- 3) Документы, отражающие настроения после процесса.

В скобках под недатированными документами поставлены нами предположительные даты.

Сами документы не нуждаются ни в каких комментариях. Они говорят за себя сами. Единственное, может быть, что стоило бы отметить, это общую для всех писем, защищающих обоих писателей, включая сюда и письма их жен, линию утверждения прав и законности в государстве. Борьба за осуществление в жизни существующих официально, но нарушаемых на каждом шагу самой же властью статей конституции велась всеми, как мы видим из писем, на основании документов, оставшихся после XX и XXII съездов и признаваемых партией и правительством до сегодняшнего дня.

В сущности, и Синявский с Даниэлем на самом процессе строго придерживались той же общей принятой линии; и в этом автор статьи «Письмо старому другу» видит победу не только самих писателей, но и той российской общественности, которая, наравне с судимыми писателями, боролась одновременно и за них, и за права и свободу творчества во всей России.

Достойное и мужественное поведение осужденных писателей полностью соответствует такому же достойному и мужественному поведению их друзей — знакомых и незнакомых людей, откликнувшихся душой и умом на этот неравный поединок интеллигенции с тоталитарной властью.

Трезвые и зрелые оценки во многих письмах общего положения в стра-

не, критика существующих порядков, поведения органов суда и МГБ, конкретные конструктивные предложения правительству, разговор всех авторов писем с открытым забралом, — с полным указанием своих имен и зачастую адресов, — дружеское объединение представителей интеллигенции в группы целенаправленного действия, — все это открывает нам, впервые за десятилетия, подлинное лицо российской общественности, противоположной так называемой «советской общественности».

Как мы видим, борьба за Синявского и Даниэля, имена которых стали для России синонимами борьбы за свободу творчества и соблюдение законности, шла жестокая. Нет основания думать, что она прекратилась в настоящие дни: публикуемые в этом номере журнала документы, собранные в России чьими-то заботливыми руками воедино — один из фактов сегодняшней борьбы. К сожалению, многое узнается «пост-фактум». К сожалению, самыми любимыми игрушками «свободного мира» являются сенсации. Помощь, оказанная Западом арестованным писателям и борющейся за них России, давно уже прекратилась вместе с сенсацией, как будто Синявский и Даниэль не погибают сейчас в лагерях особого режима, а давно выпущены на свободу. Из России же слышатся всё те же настойчивые просьбы: продолжайте писать, продолжайте будоражить мир, помогайте нам в нашей борьбе за Синявского и Даниэля, за наши права и свободу!

Мы надеемся, что эти документы снова всколыхнут круги западной общественности, и иностранные писатели, критики, журналисты снова приложат все силы, чтобы помочь своим гибнущим на каторге коллегам, а вместе с этим и всем их друзьям, так отчаянно боровшимся и борющимся за те элементарные права и свободу, о которых люди по эту сторону черты почти и не вспоминают, как не вспоминают о воздухе, которым дышат.

Российские документы

по делу

А. Синявского

и

Ю. Даниэля

ПИСЬМО СТАРОМУ ДРУГУ

Ты просишь меня написать о своем мнении касательно процесса Синявского и Даниэля. «Касательно» — я редко употребляю этот словесный оборот и применил его только для того, чтобы подразнить академика Виноградова, председателя комиссии экспертов на этом удивительном процессе.

Но шутки в сторону! Тема процесса, ход судопроизводства, результат суда — всё, о чем ты знаешь из газет сам, не дает права шутить.

Ты удивляешься, что в зарубежных радиопередачах так мягок тон в отношении этого процесса, хотя, разумеется, процесс всколыхнул весь мир гораздо глубже, шире, большее, ответственнее, чем во время пресловутого дела Пастернака. Это и понятно: нелепый случай с нобелевским лауреатом не затрагивал, в сущности, принципов советского общества. Тот элемент духовного террора, который был в истории с Пастернаком (чуть было не сказал: в процессе Пастернака) здесь перерос в террор физический. Расправа с писателями была самой что ни на есть реальной, отнюдь не аллегорной, а риторической фигурой. Прошу прощения, что я пользуюсь литературоведческими словами, но это в духе, в тоне процесса.

Процесс Синявского — первый открытый политический процесс при советской власти, когда обвиняемые от начала до конца — от предварительного следствия до последнего слова подсудимых — не признавали себя виновными и приняли приговор как настоящие люди. Обвиняемым по сорок лет — оптимальный вариант возраста подсудимого на политическом процессе. Первый процесс за четыре с лишним десятилетия. Не мудрено, что к нему приковано внимание всего мира.

Со времени дела правых эсеров — легендарных уже героев революционной России — это первый политический (такой) процесс. Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...

У нас с тобой в памяти бесконечно омерзительные «раскаяния», «показания», «исповеди» героев процессов тридцатых годов, таинственных процессов, сама организация которых скрыта от нашего общества. А ведь это не гротеск, не научная фантастика. Тайна, которую все знают, и которую государство не хочет

раскрыть в очередном покаянном заявлении. Ибо покаянные заявления бывают не только у частных лиц, но и у государств. XX и XXII съезды партии были такими покаянными заявлениями, вынужденными, правда, но все же покаянными.

Пресловутых «признаний» в этом процессе нет. Это первый процесс без этой преступной «специфики», которой дышало сталинское время — не только каждый суд, но каждое учреждение, каждая коммунальная квартира.

Случись это двадцать лет назад — Синявского и Даниэля застрелили бы в каком-нибудь подвале МГБ или пустили на следственный «конвейер», когда следователи меняются, а обвиняемый стоит на месте много часов, много суток, пока воля подследственного не будет сломлена, психика подавлена. А то вводят сыворотку, подавляющую волю, по страшному примеру открытых процессов 30-х годов. Или если не готовят к открытым процессам, то убивают прямо в коридоре... И букет следственных статей был бы совсем другой: 58-я статья — измена родине, вредительство, террор, саботаж.

Почему именно этих статей не «шьют» в этом новом процессе? Нет, сдвиг есть, время идет. Но нужно помнить, что Синявский и Даниэль написали первые вещи в 1956 году, сразу после XX съезда партии. Синявский и Даниэль поверили правде, которая была только что сказана. Поверили и стали ее укреплять, ибо с трибуны XX и XXII съездов партии повести Синявского и Даниэля не могут быть осуждены даже с точки зрения «социалистического реализма» (что и понял отлично Арагон и ряд западных коммунистов).

Нужно помнить, что Синявский и Даниэль первыми принимают бой после чуть ли не пятидесятилетнего молчания. Их пример велик, их героизм бесспорен.

Синявский и Даниэль нарушили омерзительную традицию «раскаяния» и «признаний». Как это им удалось сделать? Как, не зная о поддержке Западом их дела, их судьбы, Синявский и Даниэль сумели провести процесс наилучшим образом?

Я напомним тебе начало процесса. После объявления состава суда и всех прочих формальностей, включая огласку фамилий экспертов, которых почему-то нигде не печатали, как будто эксперты сделали что-то позорное, стыдное, дурное, согласившись участвовать в подобном судилище и просят сохранить их имена в тайне, как хранится тайна фамилий доносчиков и стукачей — юридические прецеденты такого рода бывали безусловно — защита внесла предложение приобщить к делу специальные заяв-

ления литературоведа В. В. Иванова, писателя К. Г. Паустовского и Л. З. Копелева. И Иванов, и Паустовский, и Копелев давали литературный анализ повестей Терца-Синявского и Аржака-Даниэля. Заметим здесь же, что Иванов — лингвист с мировым именем — тот самый человек, который просил суд дать ему возможность участвовать в процессе в качестве защитника. Ведь есть же общественные обвинители — даже два (З. Кедрина и А. Васильев — солиднее фигур в писательском мире не нашлось). По закону защитником может быть любой. Как мы видим на процессах блатарей, хулиганов, воров — там могут действовать общественные защитники.

Суд отказал в просьбе В. В. Иванова.

Суд отказал в приобщении к делу заявлений В. В. Иванова, К. Г. Паустовского и Л. З. Копелева.

Атмосфера сгущалась.

Защита обратилась к суду с просьбой начать судебное разбирательство с допросов Синявского, надеясь, что Синявский сумеет дать тон процессу.

Суд отказал в просьбе защиты.

Процесс начался.

Суд ошибся. В лице Даниэля суд встретил вполне грамотного и уверенного в своей правоте человека.

Даниэль начал с отказа от одного из своих показаний, данных во время предварительного следствия: Даниэль показывал тогда, что передал свой роман Синявскому, а сейчас он уточнил, что он вспомнил — дело было много лет тому назад, в квартире Синявского он передавал, но не в его присутствии.

Виват юстиция! И процесс начался!

Синявский и Даниэль сумели удержать процесс на литературоведческой грани, в лесах гротеска и научной фантастики, не признаваясь и не признавшись в антисоветской деятельности, требуя уважения к свободе творчества, к свободе совести. В этом великая принципиальность этого процесса. Синявский и Даниэль держались смело, твердо и в то же время очень осторожно, говоря каждую фразу очень обдуманно и не позволяя заманить себя в сети, которые раскидывал не столько прокурор, сколько председатель суда.

Ничего не было бы проще — заготовить и произнести политическую речь, что, дескать, с детства ненавидел, выступаю как борец, разоблаченный, обличенный, умираю (вариант: прошу прощения у родной власти!).

Ничего не было бы проще и ничего не было бы вреднее. Та-

кая позиция была бы победой прокурора и суда, вернула бы страну в невыносимое положение, когда автору известной «птички божией» полагался бы концентрационный лагерь, как вреднейшему тунеядцу. И за «птичку божию» начали бы судить, усматривая в ней намек на государственный строй и считаясь с текстом «птички божией» только как риторической, гражданской поэзией.

Синявский и Даниэль в эту ловушку не попались.

Да и в самом деле, почему антисоветчики Синявский и Даниэль, а не прокурор, который, отвечая на вопрос Синявского, заявил, что не напечатал бы его повестей на родине? Кто тут приносит больше вреда России?

Синявский и Даниэль отрицали свою вину в антисоветской деятельности. Еще бы! Любые произведения такого плана могут принести только пользу.

Подумай, старый товарищ! В мужестве Синявского и Даниэля, в их благородстве, в их победе есть капля и нашей с тобой крови, наших страданий, нашей борьбы против унижений, лжи, против убийц и предателей всех мастей.

Ибо что такое клевета? И ты, и я — мы знаем оба сталинское время — лагеря уничтожения небывалого сверхгитлеровского размаха, Освенцим без печей, где погибли миллионы людей. Знаем растление, кровавое растление власти, которая, покайся, до сих пор не хочет сказать правду, хотя бы о деле Кирова. До каких пор! Может ли быть в правде прошлой нашей жизни граница, рубеж, после которой начинается клевета? Я утверждаю, что такой границы нет, утверждаю, что для сталинского времени понятие клеветы не может быть применено. Человеческий мозг не в силах вообразить тех преступлений, которые совершались.

Лучше уж суду держаться в рамках чисто литературной дискуссии, как и предложил Синявский. Суду будет спокойнее вести разговор о прямой речи, об авторской речи, о гротеске, о научной фантастике. Просто спокойней, и всё!

Лично я не сторонник сатирического жанра, не сторонник сатирического направления в литературе, хотя и признаю всё его равноправие, допустимость, возможность. Мне кажется, что наш с тобой опыт начисто исключает пользование жанром гротеска или научной фантастики. Но ни Синявский, ни Даниэль не видели тех рек крови, которые видели мы. Оба они, конечно, могут пользоваться и гротеском и фантастикой.

Повесть Аржака-Даниэля «Говорит Москва», с его исключительно удачным гоголевским сюжетом «дня открытых убийств»,

вряд ли в чисто реалистическом плане может быть поставлена рядом со стенограммами XXII съезда партии, с тем, что было рассказано там. Тут уже не «день открытых убийств», а «двадцать лет открытых убийств».

Нет, лучше держаться в рамках чисто литературной дискуссии. Однако председатель суда Л. Смирнов, самый крупный судебный работник Советского Союза (по одному этому можно судить о той круговой обороне, которую заняли власти к началу процесса), предпочел выбрать второй вариант — осудить за контрреволюционную агитацию и пропаганду и «закатать на всю катушку», сколько позволяет предъявленная статья. Синявский — 7 лет, Даниэль — 5 лет.

Для чего же этот процесс был осчастливлен участием председателя Верховного Суда?

Прежде всего — для симуляции демократии. Второе — Смирнов должен был показать пример подхода к такого рода делам в будущем, дать «эталон» с тем, чтобы не было ошибок, которые наделала Савельева, судившая Бродского в Ленинграде. Если бы в деле Синявского и Даниэля была бы Савельева, она бы задержала подсудимых, не дала бы им слова сказать. Л. Смирнов был послан, чтобы симулировать демократию — жест такого же плана, что и неожиданный курбет Тарсиса, переплывшего перед самым процессом Ламанш.

Расчет на живое свидетельство Тарсиса не оправдался — дескать, он осудит Синявского, а к тому же параноик, бездарен.

Кстати, аргументация с помощью выписки болезни психоневрологического диспансера, касающаяся Тарсиса, Есенина-Вольпина — убедительна, если вспомнить Чаадаева.

Тарсиса пришлось лишиться гражданства по тому же самому закону 38 года, который ввел смертную казнь для родственников лиц, к которым применялась статья «измена родине». Закон был принят, когда с военного корабля (кажется, «Советская Украина») в Клайпеде сошел на берег матрос. Реки крови были пролиты после принятия этого закона в 38 году.

Но прости мне это отступление в сторону Тарсиса. Возвращаюсь к Синявскому.

Процесс этот, проведенный, как уверяет печать, «с полным соблюдением всех процессуальных норм», на деле представляет грубейшее нарушение этих норм. Если для обоснования жестокости приговора «Правде» (22 февр.) приходится вернуться к ленинским высказываниям начала революции, то это само по себе фаль-

сификация. Меняется весь мир, не меняются только догмы советского права, рассчитанные на кратковременность действия.

Смирнов вел этот процесс не только для Запада в качестве симуляции демократии. Для всех его многочисленных помощников на всей обширной территории Советского Союза процесс был учебным занятием, учебным семинаром, практическим занятием для сдачи экзамена младшим судебным работникам. Сдача экзамена на тему, как симулировать демократию. Но и необходимость симуляции тоже о многом говорит. Вынужденность ее.

Синявский и Даниэль осуждены именно за то, что они писатели, ни за что другое. Нельзя судить человека, видевшего сталинское время и рассказавшего об этом, за клевету или антисоветскую агитацию.

Не менее классически выглядело обвинение Синявского (настойчиво произнесенное Кедриной и перенесенное с газетной статьи в залу суда) в антисемитизме. Не более, не менее! Но запах этого обвинения столь неприятен, что в судебный протокол Л. Смирнов дал указание его не включать. Мотив хорошо знакомый. В то время, когда усиленно цитировалась сталинская цитата 30-х годов об антисемитизме как о худшем виде национализма, подручные Сталина убивали Михоэлса. И еще: следствие по этому процессу вызвало не только протест глухой, но и явный в виде небывалого с 1927 года события — демонстрации у памятника Пушкину 5 декабря 1965 года, в которой участвовали студенты и преподаватели университета.

Словом, суд не дал ответа о виновности Синявского и Даниэля. Признание подсудимых — слишком важный элемент советского правосудия. Без него как-то не вьются победные венки ни для членов суда, ни для прокурора, ни для общественных обвинителей.

Напротив, это Синявский и Даниэль вписали свои имена золотыми буквами в дело борьбы за свободу совести, за свободу творчества, за свободу личности. Вписали на вечные времена.

Кстати, насчет золотых букв. Общественный обвинитель Васильев патетически взывал к памяти 73-х писателей, погибших на войне, на фронте, чьи имена высечены на мраморной доске в ЦДЛ. От имени погибших он обвинял Синявского и Даниэля.

Если бы на этом процессе дали выступить общественному защитнику, тот защитил бы Синявского и Даниэля именем писателей замученных, убитых, расстрелянных, погибших от голода и холода в сталинских лагерях уничтожения.

Это — Пильняк, Гумилев, Мандельштам, Бабель, Воронский,

Табидзе, Яшвили — сотни фамилий включены в этот грозный мартиролог. Эти мертвецы, эти жертвы времени, которые могли бы составить славу литературы любой страны, поднимают голос в защиту Синявского и Даниэля!

По решению XXII съезда партии всем жертвам сталинского произвола обещана посмертная реабилитация и надписи на обелиске. Где этот обелиск? Где мраморная доска в Союзе писателей, где были бы золотыми буквами высечены имена погибших в сталинское время? Этих имен втрое, вчетверо больше, чем на мраморной доске, о которой упомянул общественный обвинитель.

Вывод. Дело Синявского и Даниэля — первый советский открытый процесс, политический, когда обвиняемые по 58-й статье не признавались в своей вине.

Синявский и Даниэль держались хорошо и, по-видимому, та пресловутая фармакология, с помощью которой готовились процессы в 30-х годах, а также знаменитый конвейер и выстойка, занимавшие столь прочное место в юридической практике 30-х годов, здесь не применялись. Синявский и Даниэль не скрывали своего авторства, они только отметали и разбивали обвинения неписательской сути дела.

Ни «сыворотка правды», ни «конвейер» не применялись в этом процессе. И сразу стало видно, что в Советском Союзе есть люди, которые могут защищать свою правду и принимать несправедливый приговор твердо. Воля и психика этих людей не подавлены.

Здесь судили писателей, а свое писательское звание Синявский и Даниэль защищали с честью.

И еще одну важную подробность вскрывает этот процесс: Синявский и Даниэль никого не стремились «взять по делу», не тянули своих знакомых в водоворот следствия. Отсутствие нечеловеческих средств подавления человеческой психики сделало их волю способной к борьбе, и они победили.

Еще несколько замечаний.

Первоприсутствующий (так эта должность называлась в классической литературе) Л. Смирнов мужественно пробирался через литературоведческие дебри. Ему довелось пополнить свое образование рядом специальных терминов, обогатить свой багаж понятием прямой речи, речи героя, законов гротеска, сатиры. Кажется, Л. Смирнов должен был понять, что литература — дело не простое, что даже литературоведение — дело не простое, и теория романтизма значительно отличается от теории судебных доказательств. Почему же для расчета копки канавы вызывают ин-

женера, а в деле литературы не нужны никакие специальные знания, никакая квалифицированная экспертиза? Почему о романе может судить, и не только судить, но и осудить в самом буквальном физическом смысле, любой человек, а для копки канавы этого суждения мало? Почему? Литературные эксперты вместе с академиком Виноградовым понадобились Смирнову только для того, чтобы установить соответствие Синявский-Терц и Даниэль-Аржак. Формально подтвердить то, в чем никто из обвиняемых не запырлялся. Кстати, что это за безымянность такая? Состав суда известен, фамилии общественных обвинителей известны, только фамилии экспертов скрыты от публики. Что за скромность девичья такая, явно неуместная? Может быть, экспертам стыдно было участвовать в этом судилище и они выговорили себе право тайны? Тайны вкладов. На всякий случай вот фамилии экспертов: академик Виноградов (председатель), Прохоров, Дымшиц, Костомаров и др.

В деле погромные отзывы: С. Антонова, А. Барто, Б. Сучкова, академика Юдина.

Л. Смирнов упустил одну блестящую возможность — взвалить всё на плечи экспертов и сохранить свое доброе имя в глазах Международной ассоциации юристов, которая теперь клянет на все лады своего вице-председателя за судебный произвол. Стоило только суду поставить перед экспертами следующие вопросы: 1. Может ли жанр гротеска содержать в себе клевету на государство (примеры открытых судебных процессов)? 2. Может ли жанр научной фантастики содержать в себе клевету на государственный строй (примеры открытых судебных процессов)?

Получив от экспертов ответы на эти вопросы, суд снял бы с себя моральную ответственность, а академику Виноградову с помощниками пришлось бы или раболепно принять на себя всё возмущение общественности в случае положительного ответа, или дать отрицательный ответ и подтвердить победу Синявского и Даниэля.

Л. Смирнов счел, что оба ответа хуже. Само обращение к литературной экспертизе будет победой Синявского, и он не поставил этих вопросов перед анонимными экспертами. А может быть, председателю суда и в голову не пришло использовать экспертизу таким образом.

«Правда» с возмущением пишет, что западная пресса сравнивает Синявского и Даниэля с Достоевским и Гоголем. Не западная пресса, а советский литературовед Зоя Кедрина в статье, опубликованной в «Литературной газете» перед процессом, излагая

«Любимов» Синявского и «Говорит Москва» Даниэля, рассуждает пространно, что вот жанр общий, но все-таки Синявский и Даниэль, пожалуй, не дотянули до Кафки, Достоевского и Гоголя. Таков откровенный смысл ее статьи. Здесь же с блеском излагается ослепительный сюжет повести «Говорит Москва», и читатель невольно думает, что если до Гоголя Даниэль и не дотянул, то очень и очень немного.

Расцвет жанра фантастики во всем мире особенно привлекает внимание к работам Синявского и Даниэля. Оказывается, и фантастика не годится. Что было бы, если бы Рей Бредбери жил в Советском Союзе, и сколько бы он получил лет — 7? 5? Со ссылкой или без нее?

Всякий писатель хочет печататься. Неужели суд не может понять, что возможность напечататься нужна писателю, как воздух.

Сколько умерло тех, кому не дали печататься? Где «Доктор Живаго» Пастернака? Где Платонов? Где Булгаков? У Булгакова опубликована половина, у Платонова — четверть всего написанного. А ведь это лучшие писатели России. Обычно достаточно было умереть, чтобы кое-что напечатали, но вот Мандельштам лишен и этой судьбы.

Как можно обвинять писателя в том, что он хочет печататься?

И если для этого нужны псевдонимы, пусть будет псевдоним, в этом нет ничего зазорного. Какой же путь к печатанью?

Нет, Даниэль и Синявский не двурушники, а борцы за свободу творчества, за свободу слова. Обвинение их в двурушничестве есть двурушничество самой чистой воды, худший вид двурушничества. Никто не имеет права называть двурушником человека, который сидит в тюрьме.

В этом процессе, при всей его предрешенности, есть одно любопытное обстоятельство: Синявскому и Даниэлю была предъявлена только одна статья Уголовного кодекса, т. е. «Хранение, изготовление, распространение» — то, что раньше называлось «контрреволюционная агитация» или ст. 58, пункт 10. Синявскому и Даниэлю не предъявлено пункта 11 (организация), хотя, казалось бы, что удерживало распустить этот цветок поярче?

Безымянность обращает на себя внимание не только в составе экспертной комиссии. Секретариат Союза писателей СССР подписал свое письмо в «Литературную газету», развязное по тону, оскорбительное по выражениям — без перечисления фамилий секретарей Союза писателей СССР. Что это за камуфляж? Письмо написано недостойным, оскорбительным тоном. Хотелось бы

знать, кому персонально сей тон принадлежит. На всякий случай сообщаю состав секретарей Союза писателей СССР: Федин, Тихонов, Симонов, Воронков, Смирнов В., Соболев, Михалков, Сурков.

Редакционная статья «Правды» возвращает нас к худшим временам сталинизма. Весь тон статьи, вся аргументация, оперирующая ленинскими цитатами, затрепанными от частого употребления, именно в сталинские годы — о Каутском, о демократии капиталистической, демократии пролетарской культуры, словом, вся эта софистика за сорок лет усвоена нами отлично, и практические примеры достаточно ярки в нашей памяти.

От суда не ждали «либерального подхода», а чтобы суд отошел от кровавых дел, от практики террора.

Цитата из Горького, подкрепляющая рассуждения, как нельзя более к месту. Горький оставил позорный след в истории России 30-х годов своим людоедским лозунгом: «Если враг не сдается — его уничтожают». Море человеческой крови было пролито на советской земле, а Горький освятил массовые убийства.

Советское общество приговором по делу Синявского и Даниэля повергается снова в обстановку террора, преследований.

Советское правительство сделало очень мало для сближения Востока и Запада. Такого рода акции, как процесс Синявского и Даниэля, могут только разрушить эту связь.

Мне кажется, мы больны одной старинной болезнью, о которой столь убедительно писал Петр Долгоруков свыше ста лет назад:

«Многие из соотечественников наших говорят: «Не нужно рассказывать иностранцу истину о России, следует скрывать от них язвы отечества». Эти слова, по нашему мнению, совершенно противны и здравой логике, и личному достоинству, и отчизнолюбию, истинно просвещенному. Не говоря уже о глубоком отвращении, внушаемом всякой ложью каждому человеку честному и благородному, надо быть ему наделену необъятной порцией самонадеянности, чтобы вообразить себе возможность всех обмануть. Люди, желающие скрывать и утаивать язвы, похожи на опасных больных, которые предпочли бы страдать и умирать скорее, чем призвать на помощь искусного врача, который бы их исцелил и возвратил бы им обновленные свежие силы. Для России этот врач — гласность!»

*1. Документы, касающиеся
следственного периода*

ПРИЗЫВ К «МИТИНГУ ГЛАСНОСТИ»

5. 12. 1965 ГОДА

ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Несколько месяцев тому назад органами КГБ арестованы два гражданина: писатели А. СИНЯВСКИЙ и Ю. ДАНИЭЛЬ. В данном случае есть основания опасаться нарушения закона о гласности судопроизводства. Общеизвестно, что при закрытых дверях возможны любые беззакония, и что нарушение закона о гласности (ст. 3 Конституции СССР и ст. 18 УПК РСФСР) уже само по себе является беззаконием. Невероятно, чтобы творчество писателей могло составить государственное преступление.

В прошлом беззакония властей стоили жизни и свободы миллионам советских граждан. Кровавое прошлое призывает нас к бдительности в настоящем. Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть последствия вовремя не остановленного произвола.

У граждан есть средства борьбы с судебным произволом, это — «митинги гласности», во время которых собравшиеся скандируют один-единственный лозунг «Тре-бу-ем глас-но-сти су-да над...» (следуют фамилии обвиняемых), или показывают соответствующий плакат. Какие-либо выкрики или лозунги, выходящие за пределы требования строгого соблюдения законности, безусловно являются при этом вредными, а возможно и провокационными и должны пресекаться самими участниками митинга. Во время митинга необходимо строго соблюдать порядок. По первому требованию властей разойтись — следует расходиться, сообщив властям о цели митинга.

Ты приглашаешься на митинг гласности, состоящийся 5 декабря с. г. в 6 часов вечера в сквере на площади Пушкина, у памятника поэту.

Пригласи еще двух граждан посредством текста этого обращения.

ПРИЗЫВ ГРУППЫ «СОПРОТИВЛЕНИЕ»

5 декабря 1965 года в Москве на площади Пушкина состоялась демонстрация в поддержку требования гласности по делу писателей А. Синявского и Ю. Даниэля.

В нарушение самых элементарных демократических норм власти насильственно разогнали демонстрацию.

Под давлением властей администрация гуманитарных факультетов МГУ провела гнусную кампанию расправы над студентами, оказавшимися в момент демонстрации на площади Пушкина.

Расправляясь с молодежью руками услужливого партийно-административного чиновничества, власть пытается замаскировать проводимые ею репрессивные мероприятия. Но свирепость псов только подчеркивает склонности дрессировщиков.

Отвечая на вопрос об аресте Синявского и Ю. Даниэля на пресс-конференции по случаю присуждения Нобелевской премии, М. Шолохов сказал: «Нужно писать честно и честно смотреть в глаза своей власти, а не завоевывать популярность, печатаясь на Западе...» В чьи глаза рекомендует честно смотреть заигрывающий с властью М. Шолохов? В глаза распоясавшихся политических держиморд? В глаза раболепствующих партийно-административных карьеристов или в глаза официозных демагогов и шарлатанов? И вообще странно, что М. Шолохов так долго не может разглядеть на физиономии «своей» политической власти пару поблескивающих жандармских медяшек вместо глаз. И, на наш взгляд, удивительно, что Нобелевская премия за 1965 год была присуждена человеку, мыслящему в объеме моралиста из официозной агитбригады, и, к тому же, умеющему «честно» смотреть сквозь розовые очки в бесчеловечные глаза узурпаторов.

В связи с разгоном демонстрации и последовавшей за этим расправой над студенческой молодежью — возникает вопрос: кто несет ответственность за все допущенные нарушения конституционных свобод? Очевидно — никто! Очевидно, власти не считают нужным реально обеспечивать провозглашенные Конституцией свободы, а наоборот, склонны поддерживать акты надругательства над демократией и поощрять проявления прямого и косвенного насилия над личностью.

Здесь уместно напомнить слова Пальмиро Тольятти из его

«Памятной записки»: «Проблемой, привлекающей наибольшее внимание, — это относится и к Советскому Союзу и к другим социалистическим странам — является, однако, проблема преодоления режима ограничений и подавления демократии и личных свобод, который был введен Сталиным».

Мы призываем вас к бдительности и сопротивлению. Мы призываем вас честно смотреть в глаза своей совести и не душить ее естественные проявления в петле всегда ошибочного расчета. Мы призываем вас заглянуть в глубины собственного Я, и если вы увидите жалкого мошенника, уже потерявшего собственную голову, но трясущегося за каждый волосок на потерянной голове, то мы призываем вас не обманывать самих себя.

«Сопротивление»

ПИСЬМО ЖЕНЫ Ю. ДАНИЭЛЯ
ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

*Первому секретарю ЦК КПСС
Генеральному прокурору СССР
В редакции газет «Правда», «Известия»,
«Литературная газета».*

12 сентября 1965 года мой муж Юлий Маркович Даниэль был арестован органами КГБ. Он обвиняется в том, что печатал свои произведения за рубежом под псевдонимом Николай Аржак. Следователь сообщил мне, что мой муж признает свое авторство и подтверждает факт опубликования своих произведений за границей, что авторство установлено с полной достоверностью и помимо признания моего мужа. Кроме того, мне сообщили, что произведения Николая Аржака являются клеветническими и антисоветскими, и, таким образом, Даниэль Ю. М. привлекается к ответственности по статье 70 УК СССР.

На допросе мне пересказали содержание произведений Н. Аржака, и даже в пристрастном, тенденциозном изложении эти произведения не могут расцениваться как антисоветские. Недавно я прочла четыре произведения Аржака — всё, что опубликовано под именем этого автора, и не вижу в них ничего такого, что можно было бы назвать антисоветской агитацией и пропагандой. Я утверждаю это и буду доказывать и отстаивать свое мнение как в частных беседах, так и в любой открытой публичной дискуссии. Я считаю, что открытые дискуссии, открытые, широкие обсуждения (при условии, что все участники этих обсуждений знакомы с произведениями целиком, а не по специально подобранным выдержкам и цитатам) — единственный способ установить объективно и беспристрастно идейную направленность художественной литературы и единственный метод воздействия на автора, если необходимо какое-либо воздействие.

Репрессии в отношении к писателям за их художественное творчество, даже политически окрашенное, расцениваются нашими литературоведами как акт произвола и насилия, даже когда речь идет о России XIX века; тем более это недопустимо у нас сейчас. Мне это казалось очевидным и несомненным. Но вот мой муж арестован. Три месяца сидит в тюрьме за художественное твор-

чество. Его произведения рассматриваются и оцениваются небольшой группой специально отобранных людей, в том числе следователем, который — как я поняла во время допроса — не умеет отличить гиперболу от фактографического описания, сатирическое или фантастическое произведение от документального отчета. Воздействие на писателя, критика его творчества начинается с его ареста и судебного следствия.

Мой муж, как я теперь знаю, опубликовал свои произведения за границей. Как бы ни расценивать его поступок с точки зрения морали, он уголовно ненаказуем. В нашем кодексе такие действия не квалифицируются как преступление, а «Декларация прав человека», подписанная и нашей страной, в ст. 19 утверждает «...право на свободу распространять идеи любыми средствами и не зависимо от государственных границ». Подписавшись под этими словами, наша страна признала это право в качестве моральной нормы, и вдруг люди, осуществившие его, преследуются в уголовном порядке.

Никакие другие доводы для ареста моего мужа выдвинуты не были.

Тюремное заключение является «мерой пресечения» и может быть применено к обвиняемому во время следствия по усмотрению следователя *в случае необходимости*. Какая была необходимость применять эту меру в данном случае? Что надо было пресекать? — художественное творчество? Всё это непонятно, и не только мне. Со времени ареста прошло уже три месяца, и за это время КГБ не дал никакой информации об этом деле, о характере обвинения. Отсутствие гласности, естественно, вызвало множество слухов и разговоров, от близких к истине до самых нелепых и неправдоподобных. Вместе с тем, официальные лица на официальных собраниях говорят о Синявском и Даниэле как о заведомо виновных людях, чья преступная деятельность и даже преступная сущность не подлежат сомнению. Тем самым нарушается основной принцип законодательства — презумпция невиновности. (Пропуск) ...вместе с такими неаргументированными, но авторитетными заявлениями — всё это придает слухам и сплетням определенный очернительный характер, предопределяет отношение к Синявскому и Даниэлю не зависимо от решения суда, может даже повлиять на это решение. Естественно, что я протестую против незаконного ареста моего мужа и против его очернения (хотя следственные органы без всяких оснований расценивали до сих пор мои устные протесты как разглашение материалов следствия и как воздействие на потенциальных свидетелей).

Итак, Синявского и Даниэля обвинили в действиях, которые не считаются по нашим законам преступными. Их арестовали, хотя был единственный резон для применения этой меры: попытка запугать обвиняемых. Их уже три месяца держат в тюрьме и не дают мне свидания с мужем. В ходе следствия органы КГБ допустили ряд незаконных действий — я пишу об этом в заявлении к Прокурору и Председателю КГБ (копию прилагаю).

Все это вместе с отсутствием гласности вызывает у меня (вероятно, и у многих других) опасение: не будет ли в дальнейшем в судебном разбирательстве нарушена законность, объективность и справедливость? Не предрешена ли судьба моего мужа — независимо от законов, по чьему-то произволу? Вся история ареста и следствия — от начала следствия до сегодняшнего дня — противоречит принципам демократии, внушает самые серьезные опасения и напоминает времена культа личности, осужденного партией.

Я требую немедленного освобождения из тюрьмы моего мужа и Синявского.

(Середина декабря 1965 г.)

Лариса Иосифовна Бухман

ПИСЬМО ЖЕНЫ Ю. ДАНИЭЛЯ ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ
СССР И ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КГБ

*Генеральному прокурору СССР
Председателю КГБ*

12 сентября нынешнего года мой муж Юлий Маркович Даниэль был арестован органами КГБ по обвинению в том, что он написал и опубликовал в разное время за границей ряд произведений, напечатанных под псевдонимом Н. Аржак. Относительно незаконности ареста по такому обвинению с точки зрения УК СССР я отправила письмо протеста в ЦК КПСС, газеты «Правда», «Известия», «Литературная газета» и в Прокуратуру СССР. Копию этого письма я прилагаю.

Однако, кроме этой незаконной акции в отношении моего мужа, следственные органы КГБ допустили ряд других, более частых нарушений и формы и духа нашего законодательства.

Пока ведется следствие, мой муж не может считаться виновным, не может считаться преступником, только суд решит, доказано ли обвинение, являются ли действия моего мужа наказуемыми по нашим законам, а если он виновен, то в какой мере. Между тем, старший следователь, подполковник Г. П. Кантов, утверждал в беседах со мной и во время допроса, что мой муж виновен и понесет наказание, — это утверждение высказывалось не как личное мнение следователя, а как достоверный факт. Такая предрешенность дела в процессе следствия заставляет меня сомневаться в объективности ведения дела и в том, что законы будут соблюдаться в дальнейшем. Кроме того, утверждение такого рода я рассматриваю как моральное давление на меня, свидетеля по делу, и убеждена, что не меньшее (а гораздо большее, вероятно) давление оказывается на моего мужа — отсутствие гласности, недопущение адвоката к делу в процессе следствия обеспечивают возможность произвола и незаконных действий со стороны следователя.

Итак, Г. П. Кантов говорил мне: «Ваш муж виновен и будет наказан за это». Г. П. Кантов, кроме того, не рекомендовал мне договариваться с адвокатом о защите по следующим мотивам: а) это мне материально не по силам, б) адвокат всё равно бесполе-

зен в этом деле и не повлияет на ход суда и его решение. Это говорит следователь, говорит заранее!

Я просила следователя, тем не менее, выяснить у мужа, согласен ли он на то, чтобы я вела переговоры с адвокатом; просила передать, чтобы муж не беспокоился о материальной стороне дела, не ставил свое решение в зависимость от вопроса об оплате. Мои слова были переданы мужу в такой редакции: «Ваша жена пойдет с шапкой по друзьям».

Следователь позволил себе косвенные угрозы: если я буду себя плохо вести («вы понимаете, о чем я говорю», хотя я абсолютно не понимаю, о чем идет речь), у меня могут быть неприятности по службе, «когда там узнают». Что узнают? Что муж под следствием? Но он ведь еще не признан виновным. А если бы и был признан, какие у меня могут быть неприятности и почему? Неужели мы возвращаемся к временам репрессий против семей осужденных, обвиняемых, подозреваемых людей? Но как иначе я могу понять угрозы следователя? Его слова и тон таковы, как будто это я обвиняемая. Меня не пугают эти — и любые другие — угрозы не потому только, что я не верю в их реальность (факт незаконного ареста моего мужа ставит под сомнение и мою неприкосновенность), но и потому, что мне нечего бояться: мне нечего терять, материальных ценностей я за всю свою жизнь не приобрела и научилась не дорожить ими, а мои духовные ценности останутся при мне при всех обстоятельствах. Но возмущает сам факт, что такие угрозы возможны в наше время. Я никого не прошу ни о каких одолжениях, снисхождениях, льготах, я требую соблюдения норм человечности и законности. Я имею право знать о состоянии моего мужа, о приблизительных сроках следствия от следователя — или же мне обязаны сообщить, у кого я могу наводить эти справки. Меня же направляют по замкнутому кругу: следователь — в приемную КГБ, из приемной — обратно к следователю. В приемной говорят, что они не имеют никакой информации, следователь подчеркивает, что оказал бы мне любезность, отвечая на мои вопросы, но что он не обязан и не хочет мне этого сделать.

(Середина декабря 1965 г.)

ПИСЬМО ЖЕНЫ Ю. ДАНИЭЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Председателю Верховного Суда СССР

Кто же в органах КГБ обязан удовлетворить мою естественную и законную заинтересованность в судьбе мужа?

Следствие располагает данными о моей интимной жизни и об интимной жизни моего мужа. Эти сведения не имеют никакого отношения к делу, не представляют никакого интереса с точки зрения государственной безопасности, получены они незаконным путем: просматривалась моя личная переписка, подслушивались разговоры в доме. Но самое возмутительное то, что эти сведения сообщались совершенно посторонним лицам, моим знакомым и знакомым моего мужа. Так, Гарбузенко Якову Лазаревичу, свидетелю по делу моего мужа, сообщили на допросе о моей личной жизни, с кем и когда я была в близких отношениях. Это беззаконие нельзя не только оправдать, но даже объяснить никакими деловыми соображениями. Единственное объяснение — демонстрация степени осведомленности следственных органов, попытка скомпрометировать меня в глазах моих друзей и знакомых, вызвать моральный шок у свидетеля.

Я протестую против этих и подобных им противозаконных приемов ведения дела. Все изложенные факты говорят не только о грубых нарушениях законности со стороны следователя Г. П. Кантова, но и об отсутствии контроля со стороны руководителей следственного отдела, со стороны прокуратуры.

Все эти нарушения норм законности и человечности, как и сам незаконный арест моего мужа и его тюремное заключение в течение 3-х месяцев, всё это внушает мне обоснованные опасения, обоснованный страх: не совершаются ли и другие беззакония, о которых я не знаю, так как муж в тюрьме, а у нас за всё время не было ни одного свидания. Где гарантия того, что к моему мужу не применяются меры физического или морального воздействия? Где гарантия того, что аналогичные противозаконные действия не будут предприниматься в других случаях?

Копию этого письма я прилагаю к упомянутому выше письму в ЦК КПСС, в прокуратуру, в газеты.

(Середина декабря 1965 г.)

ПИСЬМО ЖЕНЫ А. СИНЯВСКОГО Л. БРЕЖНЕВУ,
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР И ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КГБ

*Первому секретарю ЦК КПСС
Генеральному прокурору СССР
Председателю Комитета Государственной
Безопасности
В редакцию газеты «Правда»
В редакцию газеты «Известия»
В редакцию «Литературной газеты»*

8 сентября этого, 1965 года органами КГБ был арестован мой муж Андрей Донатович Синявский.

В предъявленном мне ордере на обыск было сказано, что А. Д. Синявский «подозревается в изготовлении, хранении и распространении антисоветской литературы».

Из вопросов, которые мне задавали на многочисленных допросах и «беседах» разнообразные следователи, из выступления тов. Куницына на открытом партийном собрании в Институте истории искусств Министерства культуры СССР мне стало известно, что моего мужа обвиняют в том, что он печатался за границей под псевдонимом «АБРАМ ТЕРЦ».

На одном из допросов мне показывали подписанное Синявским признание этого факта.

В первую минуту я, как каждый человек, переживший 1937 год, врачей-убийц 1953 года и прочие необоснованные репрессии сталинского времени, от страха, горя и потрясения забыла про все наши черным по белому написанные законы, начиная от Основного Закона — Конституции, кончая прикладным ее выражением — Уголовным Кодексом.

Когда прошло естественное в данной ситуации шоковое состояние и я смогла трезво разобраться в происходящем, то мне стало абсолютно ясно, что я столкнулась с вопиющим беззаконием. Некоторое время я ждала, что КГБ и Прокуратура исправят сделанное зло, но следствие идет уже четвертый месяц, конца ему не видно, а т. к. не надо было повода ни для ареста, ни для такого следствия, мне остается обратиться с этим письмом к вам. Очень может быть, что результатом этого письма будет мой арест (мне постоянно этим угрожают, и в свете совершающегося без-

закония я могу ожидать чего угодно), но даже естественный страх перед подобными репрессиями не может меня остановить, ибо попираются все юридические нормы, попирается элементарное человеческое достоинство.

1) Я ознакомилась со всеми произведениями, опубликованными под именем Абрама Терца, и, не зависимо от того, писал их Синявский или кто-либо еще, утверждаю и буду утверждать впредь повсюду, что в них нет ничего антисоветского, что это беллетристика и только беллетристика, которая не содержит никаких политических выпадов, никакой антисоветской агитации и пропаганды.

2) Проза Терца, его композиционная манера, стилистика, словесные обороты, некоторые философские идеи (кстати сказать, ничего общего не имеющие с политикой) могут нравиться или не нравиться, но несходство литературных вкусов и оценок не повод для ареста писателя.

Во всяком случае, так я привыкла думать после XX-го съезда.

Я поняла бы самую неприязненную и непримиримую критику, ибо словом и только словом можно спорить с литературой, со словом, но против ареста *любого* писателя за его творчество я категорически протестую, так как это противоречит положению нашей Конституции о свободе слова, свободе печати.

Тем более, что Синявский — не первый советский писатель, напечатавшийся за границей. Всем известны прецеденты — Горький, Станиславский, Пастернак, Евтушенко и т. д. — почему все вышеуказанные авторы находились под защитой нашей Конституции, а Синявский — нет? И не позорит ли наше государство подобное незаконное мероприятие?

Я понимаю, что ошибки признавать трудно, но лучше всё же признать их сейчас и исправить, пока не осрамились мы с делом Синявского на весь мир, как уже было с «Доктором Живаго» и с делом Бродского.

Сколько же можно совершать нелепости?

Могут возразить: Вы, скажут, так горячо защищаете Синявского из сугубо личных побуждений, муж он вам, как-никак, мы понимаем, тоже ведь люди...

Предугадывая подобные сентенции, прилагаю к этому письму один из типичных рассказов Терца — «Квартиранты». Те из вас, кто проживает в коммунальных квартирах, поймут, про что этот рассказ, клеветнический ли он, антисоветский ли. (Я же, например, в подобных условиях живу уже 35 лет, а Синявский —

40). Можно ли автора этого рассказа арестовать за «изготовление, хранение и распространение антисоветской литературы»? По моему, нет. Прочие произведения Терца имеют так же мало отношения к антисоветчине, как и этот.

Могут возразить: сами по себе, скажут, произведения Терца, может быть, и не очень крамольны, так, мистическая муть какая-то, но (с пафосом!) их издают всякие антисоветские издательства, и это очень вредно для нашей Родины. Но широко известно, что роман Кочетова «Секретарь обкома» был издан самым антисоветским издательством и прокомментирован как произведение, разоблачающее и порочащее советский строй. Известно также, что страница «Литературной газеты», посвященная травле Пастернака, была целиком перепечатана во многих реакционных зарубежных газетах. Если автор ответственен за то, кем и как используются его произведения, то арестованы должны быть и Кочетов, и «Литературная газета», и авторы материалов, напечатанных на пастернаковской странице. Но их никто не привлекает к ответственности.

Законен ли в таком случае арест Синявского? Нет, нет и нет!

3) Многие действия, сопровождающие незаконный арест А. Д. Синявского, имеют такой же незаконный характер:

а) В ордере на обыск предписывалось изъять антисоветскую литературу — изъяли Цветаеву, Мандельштама, Пастернака, Ахматову, Гумилева, Ремизова, Хомякова и прочих авторов, которые никогда антисоветскими писателями не были, причем и книги, и рукописные материалы (за немногими исключениями) были изъяты без *описи*; мне даже не дали толком ознакомиться со всем имуществом, которое вынесли из моего дома.

б) Методы ведения следствия зачастую ничего общего не имеют с гарантированными нашими законами нормами: меня систематически запугивают, регулярно намекают, что я на свободе человек временный, что меня готовятся арестовать, а на последнем допросе следователь мне прямо сказал, что он меня вышлет из Москвы. Подслушивают все мои разговоры, вскрывают все мои письма (содержание разговоров и писем текстуально излагается и мне, и другим свидетелям на допросах), следят за каждым моим шагом. Многих моих знакомых вызывают и при этом объясняют им, что общение со мной грозит им, как самое малое, неприятностями по службе и т. д.

в) Если такое давление оказывают на меня и других свидетелей, находящихся на свободе, то можно себе представить, как воздействуют на Синявского в тюрьме. Все чаще и чаще я имею

поводы подозревать, что к Синявскому применяют меры насилия. По этому пункту письма я хотела бы беседовать с секретарем ЦК или с Генеральным прокурором *лично*. Я не знаю, что *именно* делают с моим мужем, но я знакома с Синявским уже десять лет, и всё, что передает мне следователь от него и про него сейчас, настолько не похоже на Синявского, что я абсолютно убеждена в его очень тяжелом состоянии. На все просьбы о свидании (даже по окончании следствия) мне отвечают неизменным отказом, и это тем более убеждает меня в справедливости моих самых страшных опасений...

ИТОГО:

Да, я прочла книги Абрама Терца;

Да, я считаю их прекрасной прозой, в которой нет ничего антисоветского;

Да, я готова подписаться под любой строчкой Абрама Терца (кто бы ни был этот автор)

и — если это преступление — сажайте меня вместе с Синявским, ибо мне не нужна свобода без Синявского, без возможности прямо и честно говорить то, что я думаю.

Я всего-навсего слабая женщина. У меня нет ни дач, ни машин, ни квартир, ни мебели, ни разных там ваших ковров-самолетов. Я никогда не занимала роскошных служебных постов. Сейчас у меня нет даже работы...

Все мое состояние:

моя жизнь + годовалый сын + любимые книжки.

Как видите, мне настолько нечего терять и не за что бояться, что я — одна из немногих советских людей — откровенно излагаю свое мнение. Многие думают так, как я. Но очень немногие вам про это скажут. Годы культа личности сделали свое дело, люди у нас запуганы, а случай с Синявским и Даниэлем слишком напомнил всем прежние страхи.

Я обращаюсь с письмом, которое не выдержано в строгой академической форме просьбы о помощи и заступничестве, но мне трудно сейчас выбрать выражения.

24 декабря 1965 г.

Майя Васильевна Розанова-Кругликова
Москва I-261, Ленинский проспект, 85, кв. 3.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЖЕНЫ А. СИНЯВСКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

*Председателю Верховного Суда СССР
Копии: Первому Секретарю ЦК КПСС
Председателю КГБ при СМ СССР*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Довожу до Вашего сведения, что 9 февраля 1966 г. сотрудник КГБ Олег Васильевич Чистяков через моих друзей супругов Меньшутиных и Н. Б. Кишилова угрожал разнообразными неприятностями мне и моему годовалому сыну за «запугивание свидетелей по делу Синявского», которым я якобы занимаюсь.

Я систематически общаюсь с А. Петровым и И. Голомштоком и не считаю возможным прекращать знакомство со своими друзьями только потому, что их приглашают свидетелями.

С третьим свидетелем по делу Синявского А. Ремезовым я встречалась крайне редко по причине десятилетней антипатии к этому человеку.

Думаю, что слова нежности, обращенные к друзьям, нельзя расценивать как подкуп; точно так же нельзя называть «запугиванием» изъяснение многолетней неприязни.

Действия же сотрудников КГБ вызывают недоумение. Еще в середине декабря в своем заявлении в адрес ЦК КПСС, КГБ и Прокуратуры СССР я указывала на недостойные методы ведения следствия. До сих пор ни одна из инстанций на мое заявление не ответила, и вдруг сегодня я получаю «привет» от КГБ в такой странной, противоречащей нормам законности форме.

Прошу это заявление приобщить к делу Синявского, а также оградить меня от возможности беззакония.

9. II. 66

М. В. Розанова-Кругликова (жена А. Д. Синявского)
Хлебный 9, кв. 9

ПИСЬМО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «СИНТАКСИС»
А. ГИНЗБУРГА А. Н. КОСЫГИНУ

*Председателю Совета Министров СССР
тов. Косыгину А. Н.*

Уважаемый Алексей Николаевич!

Я обращаюсь к Вам как к главе Правительства по вопросу, который горячо волнует меня уже несколько месяцев. 5 декабря, в День Конституции, я убедился, что не только я, но и еще сотни людей обеспокоены судьбой арестованных в сентябре органами КГБ писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля.

Арест Синявского и Даниэля поднимает целый ряд вопросов, решение которых относится к сфере деятельности главы Правительства.

*1. О сущности понятия «антисоветская пропаганда» и
применении этого понятия*

Синявский и Даниэль, которым предъявляется обвинение в том, что они печатались за рубежом под псевдонимами Терц и Аржак, могут быть привлечены к суду по ст. 70 УК РСФСР об антисоветской пропаганде. Что же такое антисоветская пропаганда на 49-м году существования советской власти?

Я ставлю этот вопрос потому, что сам дважды привлекался по этой статье, и оба раза следствие сводилось к тому, чтобы убедить меня, что мои действия направлены против советской власти. К концу первого следствия (в 1960-61 гг.) я готов был *согласиться* с этим, так как советская власть в трактовке следователя (старшего следователя по особо важным делам КГБ при СМ СССР майора Ушакова) выглядела лишь машиной насилия над личностью. Последующие годы убедили меня в ограниченности этой трактовки. В частности, почти все стихи, изъятые у меня при обыске и оставшиеся в архивах КГБ как антисоветские были опубликованы в советской печати — в журналах, газетах, поэтических сборниках.

Второе следствие (1964 г.) уже не могло не принять во внимание определенных сдвигов в сфере идеологии и ограничилось пресечением моих контактов с иностранцами. Результатом его было публичное самобичевание, опубликованное в «Вечерней Мос-

кве» 3 июня 1965 года под названием «Ответ господину Хьюгесу». Следователю удалось убедить меня в том, что вредно, если на Западе тебя считают оппозиционером. Нелепость публичного ответа на письмо, полученное за два с лишним года до этого, не смутила сотрудников КГБ, активно помогавших в написании и опубликовании этой статьи.

Сдвиги произошли и после 1964 года. Ранее «антисоветские» произведения становились вполне советскими и достойными печатания, менялось и отношение к контактам с западным миром.

Вот это и ставит вопрос о временности понятия «антисоветская пропаганда». Критика отдельных недостатков снизу — антисоветская пропаганда. Дошедшая доверху и воплощенная в решениях съездов и пленумов КПСС та же критика тех же недостатков — направляющая линия жизни страны. Снизу — «призыв к подрыву или ослаблению советской власти», сверху — «укрепление мощи советского государственного строя».

Закон же незыблем и неотвратим. Человек, раньше других поднявший голос в защиту чести и достоинства своей страны — государственный преступник, «правильно» осужденный по «духу и букве закона», «заслуженно» несущий кару. До сих пор находятся в заключении люди, протестовавшие против фальсификации истории КПСС, против злоупотреблений Н. С. Хрущева и других давно осужденных действий государства.

Итак, если следствию удастся убедить Синявского и Даниэля, что их произведения направлены против ныне принятых положений партии, то им суждено «пересидеть» все пересмотры этих положений.

2. О применении понятия «антисоветская пропаганда» к художественной литературе

Я знаком с повестью Терца «Суд идет», сборником «фантастические повести», статьей «Что такое социалистический реализм», с повестью Аржака «Говорит Москва». Я знаком еще с рядом произведений, в разное время вызывавших негодование КГБ и связанную с этим негодованием конфискацию их. Я не могу найти этому «негодованию» иную причину, нежели небанальность подхода авторов к действительности и ее литературному воплощению. Пример тому — «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака — книга великая, заслуженно удостоенная Нобелевской премии (повсеместное изъятие этой книги, очевидно, одна из частных задач КГБ).

Возможно, в действиях Синявского и Даниэля есть нарушение какой-то добровольно взятой на себя обязанности. Возможно, в Уставе Союза советских писателей, членами которого они, кажется, являются, имеется другое толкование понятия «социалистический реализм», нежели в статье Синявского. Может быть, повесть «Говорит Москва» написана в нарушение каких-то изложенных в этом Уставе правил. Кажется, использование псевдонима должно быть зарегистрировано в писательской организации.

Нарушение этих обязанностей — безусловно проступок. Но он полностью находится в компетенции Союза писателей, если они его члены, КПСС, если они члены партии, любой добровольной организации, вступив в которую они нарушили ее правила. Но к государству (а ст. 70 УК предусматривает преступление против государства) их действия не имеют отношения. Тот факт, что они родились в Советском Союзе, еще не отнимает у них права на самостоятельность мышления. Верность убеждениям, свое понимание пользы стране не являются монополией тех, кто стоит у власти. Синявский и Даниэль имеют право и на гнев, вызванный преступлениями прошлых лет, и на любовь к прошлому и свое понимание будущего страны. Литературная деятельность Синявского в своей стране (статьи в «Новом мире», книги о Пикассо и поэзии первых лет революции, вступительная статья к сборнику стихов Б. Л. Пастернака) доказывает право Терца на свое толкование, скажем, социалистического реализма.

Следовательно, единственно правильным (но, увы, до сих пор не применявшимся) решением было бы рассмотрение этого дела не судебными, а общественными — писательскими, партийными, профсоюзными организациями. К счастью для литературы, эти организации обладают не сетью исправительно-трудовых лагерей, а лишь продуманной и теоретически обоснованной системой общественного воздействия.

3. О роли КГБ в общественной жизни страны

Время сейчас, конечно, не сталинское, но и сегодня КГБ является серьезным тормозом на пути развития общественных форм жизни. Последний пример тому — «участие» сотрудников госбезопасности в мирной демонстрации 5 декабря на Пушкинской площади. Попытки развернуть лозунг с требованием гласности по делу Синявского и Даниэля или лозунг «Уважайте Конституцию», попытки сказать то же самое (не больше) вслух неизмен-

но кончались скручиванием рук и увозом пытавшихся в ближайшее отделение милиции или штаб народной дружины. За всем этим не без удовольствия следили ответственные работники Московского управления КГБ.

Это лишь последний, самый свежий факт. Если же смотреть глубже, то как, если не вмешательством в общественную жизнь, можно назвать арест Синявского и Даниэля и уже трехмесячное содержание их под стражей?

Если факт их авторства установлен и их собираются судить за содержание их произведений, то нет никакой нужды держать их в заключении до суда. Если даже считать, что их произведения подпадают в данный момент под действие ст. 70 УК, то все остальные их действия (например, использование псевдонимов, или пересылка рукописей за границу) не преследуются советским законодательством. Многомесячное заключение в одиночной камере (знаю по собственному опыту) крайне вредно сказывается на человеческой психике.

Заключение Синявского и Даниэля и полное отсутствие гласности по этому делу (как и по большинству дел КГБ об «анти-советской пропаганде») не дают возможности общественности самостоятельно судить о действиях обвиняемых и как-то контролировать законность действий КГБ, которую в данном случае грех не поставить под сомнение.

4. О следовании международным соглашениям

Статья 19 «Всеобщей декларации прав человека», принятой ООН и подписанной в 1948 году и Советским Союзом гласит:

«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и не зависимо от государственных границ».

Не имеют ли эти слова непосредственного отношения к случаю с Синявским и Даниэлем?

Я считаю своим правом и долгом обратиться к Вам с этими вопросами. Я далеко не убежден, что и они не будут признаны антисоветскими. Моя неуверенность достаточно обоснована. Меня можно привлечь и осудить и за пользование иностранными источниками информации (я слушаю зарубежное радио, так как о деле Синявского и Даниэля в нашей стране до сих пор ничего не напечатано), и за знакомство с книгами этих авторов и одобрение

их, и за участие в демонстрации 5 декабря, если кому-нибудь придет в голову назвать ее антисоветской, и за высказывание вслух того, о чем я пишу в этом письме. В тридцать седьмом, сорок девятом и даже шестьдесят первом годах сажали и не за такое.

Но я люблю свою страну и не хочу, чтобы очередные непроконтролируемые действия КГБ легли пятном на ее репутацию.

Я люблю русскую литературу и не хочу, чтобы еще два ее представителя отправились под конвоем валить лес.

Я уважаю Андрея Синявского — замечательного критика и прозаика.

(декабрь 1965 г.)

А. Гинзбург

Мой адрес: Москва, Ж-180.

Б. Полянка, д. 11/14, кв. 25.

ПИСЬМО КАНДИДАТА ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК
В. И. ЛЕВИНА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»

Уважаемая редакция!

Статья Дм. Еремина «Перевертыши», напечатанная в Вашей газете, вызывает горечь и недоумение. Читая ее, невольно вспоминаешь такие печальные эпизоды из истории нашей культуры, как недавнее дело И. Бродского, как травля Б. Пастернака, а раньше — А. Ахматовой и М. Зощенко, как кампания против «космополитов», или, из другой области, — как сессия ВАСХНИЛ. Углубляясь дальше в историю, вспоминаешь о гибели О. Мандельштама, И. Бабеля, И. Катаева и многих, многих других. Здесь, в статье Еремина, та же лексика и фразеология, та же демагогическая апелляция к гражданским чувствам читателя, которую помнят все и по 37-му, и по 46-49-му, и по 1953-му годам.

Между тем, вся система «доказательств», приводимых в статье, покоится на ложных (лучше сказать — лживых) основаниях. Основной довод Д. Еремина — ссылка на цитаты из повестей и рассказов А. Терца и Н. Аржака. Уже давно известно — известно каждому школьнику — что цитаты, вырванные из контекста, не могут дать представления о целом. А Еремин приводит даже не просто изолированные цитаты, но цитаты, взятые из прямой речи персонажей, или, в лучшем случае, из речи героя, от лица которого ведется повествование. Отождествление литературного героя (хотя бы такого, от лица которого ведется рассказ) с автором и его взглядов со взглядами автора представляет собой до смешного элементарную ошибку, понятную опять-таки любому школьнику, и тем более непростительную для писателя Д. Еремина. (Ср. хотя бы «Записки из подполья» Достоевского или повесть прогрессивной шведской писательницы Сары Лидман «Я и мой сын», написанную от лица оголтелого расиста). «Методом» Еремина можно доказать всё, что угодно и о ком угодно; хотя бы о Пушкине (цитатами из «Онегина») — что он мечтал о смерти своего дяди, а в перерывах предавался похотливым мыслям о женских ножках и персях; а из «Тихого Дона», например, понадергать столько антисоветчины, что и «Свободная Европа» позавидует.

Теперь по существу статьи. Прежде всего, Д. Еремин старательно ставит в кавычки такие слова, как «произведение», «по-

весь», давая тем самым понять, что всё это лишь бездарные писания, продиктованные исключительно ненавистью к Советской власти. Об этой «ненависти» потом, а сейчас хочу лишь сказать, что беспристрастный стилистический анализ вещей Терца и Аржака говорит о том, что эти произведения во всяком случае относятся к художественной литературе. Можно спорить об их литературных достоинствах и недостатках, манера автора может нравиться или не нравиться, но что это художественные произведения, что их авторы талантливы — в этом не может быть сомнения. В частности, А. Терц владеет очень широкой гаммой выразительных средств — от протокольно-лаконичного рассказа (в «Суд идет») до орнаментального стилизованного сказа (в «Любимове»), и это многообразие манеры выдает незаурядное мастерство. Основные вещи Н. Аржака («Говорит Москва» и «Искупление») по своим стилистическим особенностям принадлежат к так называемой «молодой» советской прозе (В. Аксенов, А. Кузнецов и др.) и нисколько не уступают по своим художественным достоинствам произведениям названных писателей. Вместе с тем, чувствуется, что ему тесно в рамках этой манеры, о чем говорит и тяга к символическим обобщениям в «Искуплении», и выход в сказовую прозу в мастерски написанном рассказе «Руки», и чисто сатирический «Человек из МИНАПа».

Содержание произведений Терца и Аржака в статье Еремина систематически искажается. Он пишет о «болезненном сладострастии», с которым они «копаются в сексуальных и психопатологических «проблемах». Это ложь. И у Горького, и у Шолохова, и у Бабеля, например, (если не уходить к Боккаччио и Рабле или Д. Х. Лоуренсу) сексуальные «проблемы» трактуются с наименьшей откровенностью — можно было бы при желании и это назвать «сладострастным копанием». Что касается психопатологии — то интерес к этой стороне жизни у Терца и Аржака — весьма умеренный (в «Искуплении» Аржака, «Ты и я» Терца) — и здесь можно вспомнить и Гоголя, и Гофмана, и Булгакова («Дьяволиада»), и Фолкнера — беру первые попавшиеся имена.

Еще один демагогический прием: «ничто им не любо в нашей стране, никаких святых не чтят они...» Это — уже упомянутым методом — иллюстрируется двумя цитатами: о Чехове и о классиках, — цитатами, в которых только очень наивный человек может увидеть выражение авторской мысли. Между тем, можно было бы процитировать хотя бы конец повести Аржака «Говорит Москва», где с большой и искренней любовью говорится о Москве. Можно было бы привести и много других примеров.

«Нашу Советскую Армию... эти «сочинители» пытаются очернить, оклеветать» — это просто ложь. Нигде ни у Аржака, ни у Терца нет ничего подобного.

Искажено в статье содержание повести Терца «Любимов». Например, говорится о том, «с каким смаком описывает Синявский-Терц крах коммунистического «эксперимента» и возвращение «любимовцев» к старым порядкам жизни». При этом не упоминается, что «старые порядки» — это наши теперешние советские порядки. Мне представляется, что основное в этой повести — это описание краха попыток волей одной личности построить идеальное общество, т. е. критика волонтаризма — идея, в которой я не вижу ничего криминального.

О повести Аржака «Говорит Москва» говорится, что в ней «рисуются чудовищные картины быта, выдаваемого за советский, показывается идиотизм людей, дисциплинированно занятых «идеей» всеобщей резни... Всеобщий ужас захватывает страну...» И это — ложь. Нет в повести никаких «чудовищных картин», «советский быт» — даже в рамках фантастической ситуации — рисуется в реалистических тонах, говорится всего лишь об одном убийстве, никакого «ужаса» — ничего этого попросту нет в повести, как нет «плохой эротики, пьяного разгула, разнузданного аморализма».

Наконец совершенно непонятны заключительные абзацы статьи, где говорится о том, что Терц и Аржак помогают тем, «кто хочет холодную войну превратить в горячую, кто не расстался еще с бредовой мечтой поднять руку на Советский Союз», что их произведения «направлены на разжигание вражды между народами и государствами, на обострение военной опасности». А раньше говорится о том, что они «брызжут ядом на все передовое человечество... на его священную борьбу за социальный прогресс, за демократию, за мир».

Такие пассажи, не имеющие абсолютно ничего общего с тем, что говорится в произведениях Терца и Аржака, представляют собой безответственную, злобную и демагогическую клевету.

Еще немного о методе Д. Еремина. О Синявском говорится, что он «пролез» в Союз писателей. Между прочим, имя Синявского в последние годы часто называлось в печати, когда говорилось о наиболее талантливых молодых критиках. Его (написанная в соавторстве) книга о Пикассо получила широкую известность. Еремин старательно пытается представить Синявского двурушником, печатавшим в советской печати нечто противоположное тому, что он печатал в зарубежной. Это тоже ложь. Цитаты, призванные

подготовить этот тезис Еремина, взятый из статьи Синявского о романе И. Шевцова «Тля» — действительно гнусном памфлете на советскую интеллигенцию. Борьба с явлениями, подобными «Тле», очевидным образом соотносится с критикой некоторых сторон нашей действительности, с которой мы встречаемся в повестях Терца, — и ни в коей мере не противостоит ей.

Наконец самое основное: произведения Терца и Аржака названы в статье «антисоветскими пасквилями», сказано, что эти произведения — «гнусное издевательство над самым дорогим для Родины и народа», об авторах говорится, что они испытывают «ненависть к нашему строю», что они «поступили на службу к самым оголтелым... врагам коммунизма». Итак, Еремин считает произведения Терца и Аржака антисоветскими и антипатриотическими. Их авторы объявлены врагами нашего строя и людьми, не любящими свою Родину.

Об «антипатриотизме». Начнем с того, что любовь к Родине — чувство глубоко интимное, личное — как любовь к женщине или искусству. Ни один человек не вправе требовать от другого — «люби Родину». Другое дело, что человек, не привязанный к своей стране, к ее языку, ее людям, ее пейзажам — духовно неполноценен, он обкрадывает сам себя, оказывается духовным кастратом, подобно человеку, для которого не существует искусство. Но еще раз повторяю: любовь эта — интимное чувство, которое нельзя афишировать, о котором не подобает кричать на площадях и на газетных страницах, — всякого рода патетические излияния на эту тему всегда, по словам Пастернака, «морально подозрительны» и, как правило, свидетельствуют как раз об отсутствии любви и о желании добиться каких-либо выгод для себя. Во всяком случае, Пушкин, Чаадаев или Лермонтов, которые никогда не афишировали свой патриотизм, и которые сказали немало горьких слов о России, были большими патриотами, чем Булгарин и Беккендорф.

Что касается «антипатриотизма» Синявского и Даниэля, то хочется еще раз вспомнить Чаадаева: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами... Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло... Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия». Под этими строками могли бы подписаться многие из лучших деятелей русской литературы. Могли бы подписаться под ними и Синявский, и Даниэль. Только равнодушные к своей

стране, соединенное со стремлением к собственному благополучию, может побудить к писанию розовых олеографий. XX съезд и критика культа личности не только открыли советским людям глаза на беззакония сталинского периода, но и показали неблагополучие во многих областях в теперешней нашей жизни. О многих из этих неблагополучий можно прочесть каждый день на газетных страницах; о более глубоких явлениях говорит наша современная советская литература. К сожалению, к числу неизжитых последствий культа личности относится и боязнь печатного слова. В последние годы все новые и новые темы выходили из-под спуда и получали доступ в печать. Появилась литература (художественная и публицистическая) о процессах, происходящих в нашей деревне, о репрессиях периода культа личности и т. д. И эта литература, конечно, сыграла огромную роль в оздоровлении обстановки в стране. И все же, до сих пор многие темы остаются запретными; называю наугад несколько: антисемитизм, проблема ответственности тех, кто творил беззакония в недавние годы, и ответственность тех, кто ничем не воспрепятствовал этим беззакониям (эта последняя проблема ставится в повести Аржака «Искушение»), проблема моральной деградации некоторой части нашей интеллигенции (затрагиваемая в «Говорит Москва» Аржака, в «Суд идет» Терца). Снятие запрета с этой и подобной тематики было бы только благом для нашего народа, как был благом для него XX съезд партии.

Так вот я утверждаю, что произведения Аржака и Терца продиктованы любовью к своей стране и ее народу, болью, вызванной бедами, пережитыми им, стремлением, чтобы эти беды не повторились, острым переживанием тех неблагополучий, которые и сейчас мешают нам жить. Это — литература большого гражданского накала, большой искренности, литература именно патристическая.

Советского читателя, воспитанного на более или менее «благополучной» литературе, многое в произведениях этих писателей может шокировать. Ну, в самом деле, слыхано ли что-нибудь подобное — «День открытых убийств»? А ведь небольшое и нетрудное размышление могло бы показать, что этот «день» — проявление широко распространенного в литературе приема: поставить героев в «предельную ситуацию», в которой все скрытые в обычном течении жизни черты — и высокие, и низкие — проявились бы с полной ясностью (постоянно применял этот прием, например, Достоевский). Но почему такая чудовищная «антисоветская фантазия» — «открытые убийства» в наше время, в нашем обществе?

Но ведь «Говорит Москва» — вещь и сатирическая, а что в сатире допустимо и даже необходимо преувеличение — это трюизм. В самом деле, кто видел когда-нибудь ну хотя бы градоначальника с фаршированной головой, как у Щедрина? Между тем, «День открытых убийств» — не такая уж фантазмагория — достаточно развернуть газеты 1937 или начала 1953 года. И разве не очевидно, что эта повесть направлена прежде всего на то, чтобы такие явления никогда больше не повторились.

Об «антисоветском» характере произведений Терца и Аржака. Если под антисоветской деятельностью понимать затрагивание любой темы, о которой «не принято» писать, то эти вещи — действительно антисоветские. Однако таким методом нетрудно объявить антисоветскими или заклеить каким-либо другим столь же одиозным ярлыком не угодное кому-либо произведение, вплоть до заметки в стенгазете, критикующей работу столовой — столовая-то наша, советская. Мне кажется, что действительно антисоветской может быть названа деятельность, направленная на подрыв основ советского государственного и социалистического экономического строя — основ, записанных в Конституции. Ничего похожего извлечь из произведений Терца и Аржака невозможно. В них критикуются отдельные институты нашего общества, отдельные его черты. Как правило, эта критика обращена в прошлое, относится к периоду культа личности («Суд идет»), в других случаях касается настоящего («Говорит Москва», где интерес автора сосредоточен главным образом на процессах, происходящих в среде творческой интеллигенции). Но никаких попыток ревизии основ советской государственности или социалистической экономики, никаких следов, скажем, стремления к реставрации капитализма, — что и означало бы антисоветский характер этой литературы — ничего этого невозможно отыскать в произведениях Терца и Аржака при всем желании.

Прошу прощения у редакции за столь разросшееся письмо.

(Середина января 1966 г.)

В. И. Левин, кандидат физ.-мат. наук

ПИСЬМО ИСКУССТВОВЕДА Ю. ГЕРЧУКА РЕДАКТОРУ
ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»

Уважаемый тов. редактор,

Прочитав в Вашей газете от 12 января статью Дм. Еремина «Перевертыши» и отклики на нее в номере от 17 января, я считаю своим долгом написать Вам, т. к. близко знаю людей, о которых в этой статье идет речь, и мне удалось также познакомиться с произведениями, которые в ней цитируются.

Уже много лет в нашей печати не появлялись статьи, написанные в таком тоне — переполненные грубыми ругательствами, истерическими восклицаниями, столь бессовестно передергивающие и перетолковывающие вырванные из контекста цитаты. Последнее делается тем легче, что предполагаемые авторы сидят в тюрьме и лишены возможности спорить, а подавляющему большинству читателей газеты не опубликованные в СССР произведения незнакомы.

Еремин применяет простейший прием: слова отрицательного персонажа, нарисованного в резко сатирических красках, приписываются автору, без оговорок выдаются за его мнение. В статье — три цитаты из рассказа А. Терца «Графоманы», написанного от первого лица, от лица бездарного непризнанного писателя, который живет впроголодь и исходит завистью, ненавистью, недоверием ко всем, кому «повезло» — к писателям, редакторам, к классикам. Это он, а не автор рассказа, ненавидит Чехова и классиков вообще, он видит в секретаре редактора «девчонку, доступную любому корректору...» Можно ли поверить Еремину, что он этого не понял? Весь тон статьи убеждает в том, что такое использование цитат — результат вполне сознательной ловкости рук, циничный расчет на то, что читателям не удастся сверить тексты.

А вот другой, но не более честный способ цитирования. В повести Н. Аржака «Говорит Москва» герой — на этот раз симпатичный автору и во многом, очевидно, выражающий его мысли — размышляет о средствах борьбы со злом, с насилием. Может быть, оружие? «Сорвать предохранительное кольцо. Швырнуть. Падай на землю...» и т. д. Но нет. Размышления идут дальше, герой отвергает террор, он не хочет крови, не хочет убийства. Еремин обрывает цитату *перед* этим поворотом в мыслях героя и по-

лучает нужный ему вывод: «По существу, — пишет он, — это провокационный призыв к террору!»

Естественно, что столь легко разделавшись с цитатами, Еремин чувствует себя еще свободнее, когда обращается к общему смыслу произведения.

Повесть Терца «Любимов» — сложная, нелегко поддающаяся анализу вещь. Попытка смаху, одной фразой определить ее идею заранее обречена на неудачу. Но для Еремина здесь все просто: «...поставлена задача доказать — не больше, не меньше — иллюзорность и несбыточность самой идеи коммунистического переустройства общества». Однако и это утверждение явно рассчитано на людей, не имеющих возможности проверить Еремина. Да, повесть Терца — произведение сатирическое. Да, она показывает в гротескной, фантастической форме крах попыток без труда, смаху, чисто словесным путем, «при помощи массового гипноза» (цитирую Дм. Еремина) добиться «всеобщего счастья»... Не тех ли самых попыток, которые теперь, уже после появления повести, широко обсуждались и осуждались у нас под названием «субъективизма и волюнтаризма»? И ведь если в финале Любимов возвращается «к старым порядкам жизни» — то это как раз *советские* порядки. Правда, жил Любимов той не очень завидной жизнью, какой живут многие наши маленькие города, оставшиеся в стороне от дорог, лишённые промышленности, а вместе с ней и больших перспектив роста. Не случайно проблема «маленьких городов» привлекает сейчас внимание многих советских публицистов. И если писатель показывает, что проблема эта не решается одним только «напряжением воли», достаточно ли этого, чтобы назвать его преступником?

То же самое, в сущности, можно сказать и о повести Н. Аржака «Говорит Москва». Это остро сатирическое произведение, посвященное, несмотря на гротескную фантастичность сюжета, вполне, к сожалению, реальным недостаткам нашей жизни. В том числе тем, которые еще раз проявились в самые последние дни в горячей готовности столь многих людей, не задумываясь, поддержать любую кампанию — например, призывать к расправе над авторами не известных им произведений на основании пяти оборванных фраз, процитированных газетой (см. «Известия» от 17 января).

Характерно, что, сосредоточивая свое внимание на немногих произведениях Н. Аржака и А. Терца, Еремин обходит другие, не менее значительные — роман Терца «Суд идет», посвященный судебному произволу времен культа личности, его развращающе-

му влиянию на людей не только причастных, но и прямо не причастных к нему, и повесть Аржака «Искушение», посвященную близкой теме — духовному наследию тех же времен, не распутанным до сих пор узлам взаимных обвинений и подозрений, нашей общей ответственности за творившуюся на наших глазах вакханалию доносов и репрессий. Оба эти произведения достаточно ясно показывают, чем вызван сатирический пафос книг Аржака и Терца, против каких сторон нашей жизни, против каких сил и какого наследия они выступают. Но ведь для Дм. Еремина стремление покончить с этим мрачным наследием, разрешить до сих пор не разрешенные вопросы общественной морали — это лишь «болезненный интерес к темным «проблемам жизни»! Не странно ли, что газета, нередко посвящающая свои страницы этим «темным проблемам» — спорным вопросам нашей морали и правосудия — предоставляет их теперь для публикации этой погромной статьи?

Чувствуя, очевидно, недостаточность своих аргументов для объяснения причин ареста писателей и своих нападков на них, Еремин прибегает к более общим обвинениям, которые никак не пытается аргументировать, и которые нельзя вывести из цитируемых им произведений. Тут и клевета на армию, «бессмертный подвиг которой спас народы Европы от истребления гитлеризмом» (он забывает только добавить, что один из обвиняемых — Ю. Даниэль — участник этого подвига, раненый на войне, которую он прошел рядовым). Тут и «разжигание вражды между народами и государствами» — тоже ничем не доказываемое, и т. д...

Еще одна характерная для Еремина частность. Он пишет: «Русский по рождению, Андрей Синявский прикрывался именем Абрама Терца. Зачем? Да только с провокационной целью...» и т. д... Я знаю многих советских писателей-евреев, чьи псевдонимы звучат вполне по-русски. Это не вызывает ни у кого удивления, мне не приходилось читать упреков этим писателям в каких-либо задних мыслях. Почему же русский автор, назвавшийся именем и фамилией, напоминающие еврейские, должен вызвать такой гнев и обвинение в том, что сделано это, якобы, для доказательства существования у нас антисемитизма? Странное доказательство! Но зато самые эти намеки Еремина на то, что не достойно «русского по рождению» называться еврейским именем — вполне достаточное доказательство существования антисемитизма, и не где-нибудь, а среди авторов, пишущих в «Известиях».

С пафосом защищает Еремин от критики А. Синявского некоего писателя, который, по его мнению, «выступает активным,

верным помощником партии, сыном своего народа», возмущенно цитирует статью Синявского, не упоминая, однако, кому она посвящена. И это не случайно. Ведь имя Ивана Шевцова, автора романа «Тля», разбору которого посвящена цитируемая статья Синявского, стало уже одиозным, — вся советская критика, самые разные газеты и журналы выступили единодушно против романа, посвященного пропаганде иллюстративно-натуралистического направления в искусстве и оплеывающего всех, кого оно не удовлетворяет, романа, положительные герои которого не знают других средств борьбы со своими противниками в искусстве, кроме многократных доносов на них. В чем же состоит «лицемерие» критика, всегда открыто боровшегося с такого рода литературой? Если по поводу не изданных в СССР произведений Терца и Аржака многие вынуждены будут верить Еремину на слово, то оценку критической деятельности А. Д. Синявского легко проверить.

Не являясь филологом, я все же утверждаю, что его многочисленные и весьма значительные критические и историческо-литературные статьи будут свидетельствовать в его пользу. Достаточно напомнить написанное им обширное предисловие к недавно изданным стихотворениям и поэмам Б. Пастернака — по существу, первую монографию о крупнейшем поэте нашего времени. Необычайная острота и свежесть восприятия стиха позволяет Синявскому раскрыть всю глубину и сложность ощущения жизни, свойственную большому поэту.

Вот прочитана большая — на четыре газетных столбца — статья Еремина. Я перечитываю ее снова и снова, стремясь понять, чем же все-таки вызван арест писателей, длящийся уж несколько месяцев? Фактом опубликования произведений за границей? Но известно, что само по себе это не преступление, что в советских законах нет статьи, запрещающей это. Сатирической направленностью их произведений? Но сатира — необходимое средство общественной гигиены, средство преодоления недостатков, ликвидации застоя. Без нее общество загнивает. Для меня несомненны высокие художественные качества произведений Аржака и Терца, глубокая выстраданность их критического пафоса. Я не считаю вообще, что содержание художественного произведения может быть объектом судебного разбирательства. Да, Н. Аржак и А. Терц не соразмерили размаха своей сатиры с мнениями начальства (как не делали этого в свое время Свифт или Салтыков-Щедрин) и поэтому были вынуждены печататься за границей. Достаточно ли этого, чтобы объявить их клеветниками? Клевета — понятие юридическое, ее наличие необходимо доказать и при

этом не путать (злонамеренно или по недостаточности грамотности) с художественной гиперболой, с сатирическими приемами заострения. Пока что клевету гораздо легче обнаружить в статье самого Дм. Еремина, в его шулерских приемах передергивания вырванных из контекста цитат.

Вот почему возникают тревожные вопросы о причинах напечатания такой статьи сейчас, когда Ю. Даниэль и А. Синявский уже более четырех месяцев находятся в тюрьме, когда предстоит, очевидно, суд над ними. Для чего печатаются «отклики» людей, явно знающих о деле лишь по статье Еремина, судящих о писателях лишь по перетолкованным им цитатам? Для чего создается непосредственно перед судом эта накаленная истерическая атмосфера, хорошо знакомая нам по печально известным кампаниям против Пастернака, против «врачей-вредителей», против «антипартийной группы театральных критиков» и т. п. — обстановка, менее всего способствующая необходимому на суде выяснению истины и установлению справедливости? Возникает и вопрос о том, не базируется ли эта статья на материалах следствия, и не будут ли, в таком случае, обвинения на суде столь же голословными и необъективными, как у Дм. Еремина?

Вот эта тревога и заставляет меня обратиться к Вам с письмом, хотя атмосфера, созданная вокруг дела Даниэля и Синявского не дает мне надежды на то, что оно будет напечатано, а бесцеремонное обращение Вашего автора с цитатами заставляет опасаться того, что и мое письмо может быть подвергнуто подобной операции. Тем не менее, я пишу Вам, потому что считаю необходимым сказать, что среди советской интеллигенции (думаю, что имею право говорить не только о себе, но и о тех, чье мнение по этому поводу мне известно) есть, вопреки утверждению Еремина, люди, глубоко обеспокоенные фактом ареста писателей за их литературную деятельность и возмущенные газетной травлей людей, не имеющих возможности ответить на обвинения и опровергнуть возводимую на них клевету, тем более, что явная недобросовестность статьи Дм. Еремина ясна и многим из тех, кто не имеет возможности его проверить.

Это письмо было в основном написано, когда появилась еще одна обширная статья о произведениях Н. Аржака и А. Терца — статья З. Кедриной в «Литературной газете» от 22 января. На первый взгляд она может показаться попыткой перевести разговор о них в иной, более деловой и приличный план. «Чисто литературоведческий», почти академический разбор художественных про-

изведений, выяснение литературных традиций и влияний — так построена статья. Но при внимательном знакомстве с ней становится ясно, что весь этот академизм лицемерен. Автор не может не знать, что от оценки этих произведений, которая будет принята судом, будет зависеть во многом и судьба обвиняемых, и все силы прилагает к тому, чтобы поставить их вне искусства, вне литературы. Поэтому, устанавливая факт следования литературным традициям, при этом — не тем, на которые опирается большинство наших писателей (традиции Ремизова, Замятина и др., к которым добавляется еще Арцыбашев — уже явно лишь для дискредитации автора), З. Кедрина уверяет, что тем самым творчество Терца лишено всякой самостоятельности, «состоит из надерганных кусков» и т. п.. Она не замечает даже, что ее собственные слова о «многослойной иронии» Терца противоречат ее же утверждениям о плоскости, художественной беспомощности его произведений. Характерно для нее и столь же беззастенчивое, как у Еремина, клеветническое перетолковывание цитат — в частности, той же самой цитаты из повести «Говорит Москва», используемой для чудовищного вывода, противоречащего всему духу в статье... (Пропуск) Кедринной продолжение и расширение клеветнической кампании против арестованных писателей и усиливает тревогу за их судьбу.

(Конец января 1966 г.)

Ю. ГЕРЧУК — искусствовед
Москва, Рублевское шоссе, д. 93, корп. 1, кв. 8.

ПИСЬМО ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА Н. РОДНЯНСКОЙ
В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

В Президиум Верховного совета СССР

*(Копия направлена в редакцию
«Литературной газеты»)*

В «Известиях» и «Литературной газете» недавно были опубликованы статьи Д. Еремина и З. Кедринной о причинах привлечения к судебной ответственности А. Синявского и Ю. Даниэля. Разумеется, сам факт печатной информации о предварительных результатах следствия можно только приветствовать (хотя предпочтительнее было бы получить такую информацию из официальных, полномочных источников). Однако в обеих статьях звучат ноты, которые побудили меня обратиться в столь высокую инстанцию, чтобы выразить свое недоумение и серьезную тревогу.

Я не буду останавливаться на тоне, которым написана статья Д. Еремина. Замечу только, что набор ругательств («бездонное болото мерзости», «грязные помои клеветы», «брызжут ядом» и т. п.) вряд ли годится в качестве оружия для самой непримиримой полемики и в качестве средства для самого безоговорочного осуждения — и не может не унизить того, кто выражает свои чувства подобным образом. Кроме того, явственное стилистическое совпадение этих формулировок с формулировками, принятыми в печати в годы незаконных репрессий, вызывает естественное отталкивание и настороженность. Но это вопрос, в основном, этический.

Я же хочу обратить Ваше внимание на другое — на попытку авторов обеих статей до начала судебного процесса и вместо лиц и органов, ведущих этот процесс, составить собственное, «самодельное», так сказать, обвинительное заключение, обнародовать его и тем самым, вольно или невольно, оказать давление на ход судебного разбирательства.

В самом деле, Д. Еремин формулирует свои обвинения весьма конкретно и четко: провокационный призыв к террору, преступления против советской власти, поступление на службу к оголтелым, самым разнузданным врагам коммунизма, пособничество поджигателям войны. З. Кедринна утверждает, что не претендует на юридическое определение вины Синявского и Даниэля, — че-

рез несколько абзацев дает, по существу, такое определение, произнося слова: «антисоветская пропаганда», «иллюстрация к фашистской программе кровавых войн и спровоцированных путчей». Суду предстоит установить, есть ли в действиях подсудимых состав преступления против советской власти и ее законов; но авторы статей игнорируют эту работу, предстоящую судьям, прокурору, защитнику, свидетелям — всем участникам сложной, юридически обоснованной процедуры; они полагают, должно быть, что такие «тонкости» ни к чему, им все ясно наперед. Мне кажется, это откровенное неуважение к суду, к важности стоящей перед ним задачи — неуважение, граничащее с нигилистическим убеждением, что судебная процедура — не более, чем пустая формальность. Меня поражает факт публикации таких статей ответственнейшими органами центральной печати без каких-либо редакционных оговорок и комментариев.

Хочется подчеркнуть еще одно обстоятельство. Даже человеку, юридически неграмотному, ясно, что уголовному преследованию может подвергаться не факт публикации каких-либо сочинений за рубежом (здесь действует суд *общественного мнения*), а антигосударственный, противозаконный характер этих сочинений. Значит, самый тонкий, серьезный и решающий пункт следственно-судебного процесса — это вопрос о *квалификации* подследственных материалов. Поэтому особенно недопустимо оказывать давление на работников суда в этом вопросе, от решения которого в ту или иную сторону фактически зависит ход процесса и судьба подсудимых. Ведь суд располагает возможностью прибегнуть к услугам любых экспертов, которых он сам изберет.

Между тем, статьи Д. Еремина и З. Кедринной стремятся создать впечатление, что такого вопроса вообще не существует. Между сочинениями, относящимися к области *литературного вымысла* (каково бы ни было идейно-художественное качество этого вымысла), и определенными провокационно-пропагандистскими призывами, лозунгами, программами авторы статей ставят знак равенства с такой легкостью, как будто это нечто само собою разумеющееся. Так, З. Кедринина всю совокупность литературных приемов Абрама Терца (среди которых она называет такие специфические, присущие беллетристике, как фантастика, многослойная ирония, пародийная стилизация и литературные реминисценции из известных писателей), не задумываясь, определяет как *камуфляж*, за которым скрываются два-три тезиса антисоветской пропаганды. В качестве аргументации З. Кедринина пользуется приемом, недопустимым даже в литературно-критической полемике

обычного характера, когда речь идет не о судебном приговоре, а о литературной репутации, — она отождествляет точку зрения автора с речами и поступками персонажей. Она так и пишет: «Терц неотделим от той мерзости, в какой пребывают его персонажи». Тот же прием использует Д. Еремин в отношении Аржака: «Автор устами своего «героя» обращается к читателю с таким призывом...». Кроме того, З. Кедрина для подкрепления своей точки зрения приводит высказывания эмигрантского литератора Б. Филиппова — свидетеля несомненно тенденциозного. Ведь нам известно, что даже «Продолжение легенды» А. Кузнецова было издано во Франции с предисловием, напоминающим филипповское.

Всем еще памятны те времена, когда люди подвергались репрессиям за «переверзевщину» или «вейсманизм-морганизм», когда те или иные взгляды, высказанные в литературных, научных, философских сочинениях, безоговорочно квалифицировались как антисоветские *политические маски*, которые следует *сорвать*. И в интересах советской законности и советской общественности — проявить особенное, быть может, даже подчеркнутое внимание к тому, чтобы всякая возможность подобных прецедентов была исключена из нашей жизни навсегда.

Я не знакома с литераторами, находящимися под следствием, не читала их сочинений (за исключением публиковавшихся в советской печати статей А. Синявского) и, разумеется, не берусь судить о характере и степени их вины. Но я не могу не выразить решительного несогласия с безответственными и бестактными попытками вмешаться в нормальный ход судебного процесса и психологически дезориентировать тех, кому доверено его вести.

1. II. 1966

С уважением

И. Роднянская, член Союза писателей СССР.

Мой адрес: Москва, Студенческая ул., д. 28, кв. 26.

ПИСЬМО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА АН СССР
В. Д. МЕНИКЕРА В МОСКОВСКИЙ СУД

В Московский городской суд

*Копии: ЦК КПСС
Верховный суд РСФСР
Редакция газеты «Известия»*

Из статей, опубликованных в советской и иностранной печати, мне стало известно об аресте литераторов А. Синявского и Ю. Даниэля по обвинению в антисоветской пропаганде.

Поскольку, как мне представляется, на процессе по делу Синявского и Даниэля документами, имеющими силу доказательств их вины (ст. 88 и 83 УПК РСФСР) послужат литературные произведения, опубликованные за рубежом под псевдонимами «Абрам Терц» и «Николай Аржак», то, будучи знаком с этими произведениями, я считаю своим правом (ст. 70, часть вторая и третья) и обязанностью (ст. 73 УПК РСФСР) сообщить все, известное мне по данному делу.

Надеюсь, что, согласно ст. 70 часть третья и ст. 292 УПК РСФСР, суд огласит следующее мое показание или предоставит мне возможность огласить его лично.

Тщательное ознакомление с произведениями, изданными под псевдонимами «А. Терц» и «Н. Аржак», показывает следующее:

1) что эти произведения являются художественной литературой;

2) что политические мотивы, встречающиеся в этих произведениях, связаны с критикой явлений культа личности и его последствий, что соответствует линии КПСС и всего народа, проводимой с XX съезда партии;

3) что являющееся чистой гипотезой использование указанных произведений (полностью или частично) для антисоветской пропаганды (в виде, например, памфлетов, публицистических статей, радиопередач и т. п.) не может быть поставлено в вину авторам, если они не дали на это разрешения.

По первому вопросу я не могу считать себя более компетентным, чем средний читатель, но я позволю себе обратить внимание суда на то, что ни в официальном органе Союза писателей СССР

«Литературной газете» (22. 1. 1966), ни в статье профессионального литератора Дм. Еремина («Известия», 12. 1. 1966) при всей резкости критики произведений А. Терца и Н. Аржака их не отлучают от художественной литературы. При этом даже литературовед З. Кедрина, «с трудом пробравшись через, казалось бы, непроходимые пустыни риторики», весьма невысоко оценивает «пропагандистский заряд» этих произведений и с понятной осторожностью отрешается от определения виновности авторов.

Это понятно, если прочитать их произведения глазами людей, желающих истинной славы и процветания нашей страны.

Действие произведений Терца и Аржака происходит в годы, когда во главе партии и правительства стоял Сталин, во главе органов госбезопасности — Берия. Хронологически действие этих произведений приходится также на годы, когда в нашей стране имели место проявления волюнтаризма и субъективизма в области политики, экономики и культуры.

Насколько мне известно, не существует партийных документов, в которых указывалось бы, что явления культа личности перестали встречаться со смертью Сталина и устранением Берия. Наоборот, само заглавие остающегося в силе постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий», материалы октябрьского (1964 г.) пленума ЦК и пленумов ЦК КПСС 1965 г. свидетельствуют о другом. Вряд ли найдется суд, который заподозрит в антисоветской пропаганде тов. Пальмиро Тольятти, который писал, что в СССР «слишком медленно ликвидируются пережитки культа личности» («Правда» от 18 августа 1964 г.)

Против каких явлений культа личности выступали Терц и Аржак? На этот вопрос трудно ответить кратко. Ни один из советских писателей, включая Солженицына, и даже публицистов, включая Эренбурга, не создал такой галереи ярких художественных образов *конкретных носителей* тех явлений, которые были характерны для культа личности; но ни в одном случае черты культа личности не приписываются всей советской действительности, всему советскому обществу. В каждом случае имеется *конкретный носитель* этих черт, с убедительной, на мой взгляд, художественной силой осуждаемый Терцем и Аржаком. Это политический демагог Леня Тихомиров («Любимов» Терца), циник и иезуит Глобов («Суд идет» Терца), который проповедует принцип «цель оправдывает средства» (как видите, это не просто «советский человек», как уверяет З. Кедрина), аморальный в общественных вопросах и в быту Володя Залесский («Человек из МИНАПа» Ар-

жака), проводник волонтаризма в политике полковник Тарасов («Гололедица» Терца), осведомители и доносчики, кормящиеся вокруг этих людей, трусливые и циничные интеллигенты (адвокат Карлинский, преподаватель истории в «Суд идет» Терца).

Но как известно, «культ личности не мог изменить и не изменил природы нашего общественного строя» («КПСС в резолюциях», стр. 231). В полном соответствии с этим Терц и Аржак показывают лучших представителей советского народа — борцов против культа личности и его проявлений. Это честный юноша Сережа Глобов, возмущенный нарушениями ленинской сельскохозяйственной практики, недоумевающий по поводу теории антинародности восстания Шамиля, его тетка — старая большевичка («Суд идет» Терца), Анатолий Карцев («Говорит Москва» Аржака) — человек, прошедший всю войну и выступающий против бессмысленных убийств. Тех людей, которых он желал бы уничтожить, он ненавидит не за то, что это «люди, представляющие социалистический строй и осуществляющие государственную политику», а за то, что эти люди сделали со страной.

Этот мотив — ненависть к культу личности во имя подлинных революционных идеалов, цинично эксплуатируемых носителями культа личности, полностью опровергает доказательства вины А. Синявского и Ю. Даниэля. Обратимся к недвусмысленным высказываниям этих авторов.

«Память революции священна для тех, кто участвовал в ней, и для тех, кто родился после нее, как память об умершей матери. Нам легче поверить, что всё случившееся после революции — предательство, чем осквернить её память недоверием и подозрением» (А. Терц «О социалистическом реализме» цит. по «Dissent», 1960, № 1).

«И если представить себе, что наши *враги* победят и заставят нас вернуться к дореволюционному образу жизни (или включат нас в западную демократию, что одно и то же), я уверен, мы сразу начнем с того, с чего мы начали. Мы начнем с революции» (там же, подчеркнуто мной — В. М).

«...Нужно защищать настоящую советскую власть от тех искажений, которые произошли после революции» (Н. Аржак «Говорит Москва», цит. по «Reporter», 16 августа 1962 г.).

Таковы основополагающие позиции указанных произведений.

Разумеется, для антисоветской пропаганды можно использовать всё, включая многочисленные материалы, публикуемые в советской печати. Здесь можно вновь сослаться на партийные документы, опубликованные со времен XX-го съезда. Лучше всего

об этом сказано в уже упоминавшемся постановлении ЦК от 30. 6. 56 г.

«Коммунистическая партия Советского Союза, воспитанная на революционных традициях марксизма-ленинизма, сказала всю правду, как бы ни была она горька. Партия пошла на этот шаг, руководствуясь принципиальными соображениями. Она исходила из того, что если выступление против культа личности Сталина и вызовет некоторые временные трудности, то в перспективе, с точки зрения коренных интересов рабочего класса, это даст огромный положительный результат» («КПСС в резолюциях», изд. 7-е, т. 4, стр. 224-225).

В соответствии с этим конкретным указанием партии действия А. Синявского и Ю. Даниэля могут быть квалифицированы по ст. 14 УК РСФСР и, следовательно, не могут признаваться преступлениями, ибо ущерб, причиненный культом личности и его последствиями, значительно превышает ущерб, якобы нанесенный публикацией произведений этих авторов за рубежом.

Обращаю внимание на то, что за рубежом произведения Терца и Аржака названы антисоветскими только в кратких информационных сообщениях и заметках, появившихся после ареста Синявского и Даниэля. Исключением являются писания белоэмигранта Филиппова.

Те же рецензенты в США и Англии, которые мало-мальски вчитались в произведения Терца и Аржака, пишут совершенно обратное:

«Автор (Терц — В. М.) бесспорно воспитан Коммунистической партией в Советской России и принимает идеологию марксизма-ленинизма...» («Soviet Studies», 1960, № 4, p. 434).

«Автор (Терц — В. М.) полностью принимает революцию, не хочет возвращения дореволюционного образа жизни и не разделяет идей западной демократии. Он не согласен лишь с отдельными явлениями советской литературы и жизни» («Russian Review», 1964, № 4, p. 411).

«Несомненна горячая оппозиция Аржака давлению, которое порождает тоталитарное государство. Но, как и в случае с Терцем, заметить только это в его работах было бы большим упущением».

«Имеются сильные просоветские ноты в произведениях Аржака («New Leader», 8. II. 65. p. 18).

Даже польский эмигрант Чеслав Милош отмечает, что А. Терц не отделяет себя от советской жизни и литературы, употребляя выражение «мы», «наше» и т. д. Он рассматривает очерк «О социа-

листическом реализме» как «выступление во внутренней для советских писателей дискуссии...» («Dissent», 1960, № 4).

Аналогичные оценки даются также в журналах — «Нью Лидер» от 13. 5. 63 и 19. 7. 65; «Славик Ревью», 1961, № 3; «Нью-Йорк Таймс бук ревью» от 8. 11. 64. и др. изданиях.

В заключение я хотел бы обратить внимание суда на нарушение правопорядка в связи с публикацией в «Известиях» от 12 января 1966 года статьи «Перевертыши». Дело не только в том, что сама статья может быть квалифицирована по статье 181 УК РСФСР как «искусственное создание доказательств обвинения», т. е. ложный донос. Главное то, что издатель «Известий» Верховный Совет СССР осуществляет через Верховный Суд СССР контроль над деятельностью всех судебных органов страны («Положение о Верховном Суде СССР», ст. 1 и 2). Следовательно, уже до процесса нарушена ст. 16 УПК РСФСР, согласно которой судьи и народные заседатели разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них.

В. Д. Меникер, мл. научный сотрудник Института экономики АН СССР. Домашний адрес: Москва Г-67, Рублевское шоссе, д. 97, корп. 3 кв. 35.

(Начало февраля 1966 г.)

В. Д. Меникер, мл. научный сотрудник Института экономики АН СССР. Домашний адрес: Москва Г-67, Рублевское шоссе, д. 97, корп. 3 кв. 35.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДА В. В. ИВАНОВА В ЮРИДИЧЕСКУЮ КОНСУЛЬТАЦИЮ

*В юридическую консультацию Бауманского района
(В ответ на ее запрос)*

Познакомившись в последнее время с сочинениями Абрама Терца, на основании которых обвиняется А. Д. Синявский, я утверждаю, что в них не содержится ничего, что могло бы дать повод для уголовного преследования.

Большинство произведений А. Терца написано в традиционной для нашей литературы сказовой форме (имеется в виду «сказ» в терминологическом смысле). Особенностью сказа является то, что повествование ведется от лица героя, который отнюдь не совпадает с автором. Поэтому, например, все высказывания, сделанные в повести от первого лица («Любимов»), следует отнести к совершенно конкретному рассказчику-персонажу этой повести, а вовсе не к автору повести. Автор относится весьма критически к этому условному персонажу, что видно в особенности из заключительной главы повести. Как это принято в сказовой прозе, некоторые высказывания рассказчика введены намеренно с целью показать читателю уровень этого рассказчика, существенно отличный от реального авторского. Несовпадение условного автора (т.е. того рассказчика, от лица которого ведется повествование и вставляются лирические куски) и настоящего автора характерно и для повести «Суд идет» (в этом отношении особенно показателен эпилог этой повести). Поэтому отдельные цитаты (хотя бы и сказанные от первого лица в обеих повестях) не могут быть приписаны Абраму Терцу и тем более служить для уголовного преследования автора. Непонимание этого может проистекать только от неумения (или нежелания) разобраться в специфике художественной литературы (в особенности, ее сказовой формы, характерной для русской прозаической традиции), решительно ее отличающей от других видов литературы.

Такая форма сказа с условным рассказчиком, существенно отличным от реального автора, была намечена еще в прозе Пушкина — в «Повестях Белкина» и в «Истории села Горюхина», где всё повествование ведется от имени вымышленного действующего лица.

Далее этот прием сказа был развит Гоголем и его продолжателями, прежде всего Достоевским, отмечавшим в своих письмах, что в его повести говорит не автор, а герой, и Лесковым. Позднее именно эта форма повествования получила особое развитие в советской прозе двадцатых годов и тогда же нашла теоретическое осмысление в трудах В. М. Эйхенбаума, М. М. Бахтина и других наших исследователей структуры художественной речи. Относительно связи этих теоретических структурных работ с практическим использованием сказа в советской литературе мне уже приходилось писать (см. комментарий к кн. Выгодского «Психология искусства», М., 1965, с. 362). После структурных работ указанных советских ученых в отечественной и мировой литературе о языке художественной литературы, можно считать установленным, что в художественной прозе, принадлежащей к сказовой традиции, сознательно выдвигается на первый план «чужое слово» (термин Бахтина), отличное от авторского. Этот бесспорный вывод современной науки следует постоянно учитывать при анализе произведений А. Терца, талантливо продолжающего и развивающего указанную традицию русской литературы. С собственно лингвистической точки зрения особенно интересно то, что в сказовой прозе (в частности, в произведениях А. Терца) личное местоимение первого лица единственного числа и глагольные формы, имеющие эти грамматические значения, заведомо относятся не к реальному автору. Если для наглядности воспользоваться примером из классической русской прозы, можно сослаться на нелепость предположения, что Пушкин говорит о самом себе в таких строках «Истории села Горюхина», как, например: «Звание литератора всегда казалось мне самым завидным. Родители мои люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, никогда ничего не читывали, и во всем доме, кроме азбуки, купленной для меня, календарей и новейшего письмовника, никаких других книг не находилось». Или «Таким образом, уважение мое к русской литературе стоило мне тридцать копеек потерянной сдачи, выговора по службе и чуть-чуть не ареста, а всё даром». Столь же нелепым было бы предположение, что, например, в эпилоге повести «Суд идет» речь идет об аресте реального автора повести, что в повести «Любимов» или в рассказе «Графоманы» можно найти в прямой речи выражение мыслей реального автора.

Эти несомненные положения, вытекающие из анализа художественных приемов сказовой прозы, делают бесспорным то, что цитаты из этой прозы не могут приводиться в качестве доводов для уголовного обвинения автора. Более того, указанные научные

аргументы достаточны для того, чтобы утверждать, что проза, написанная в такой художественной форме, в принципе не может служить основанием для привлечения ее автора к уголовной ответственности по статье закона, где упомянута «литература» вообще, без оговорки, что в данном случае в понятие «литература» может быть включена и художественная литература, в частности, ее сказовая разновидность. Таким образом, сама постановка вопроса о привлечении к уголовной ответственности автора произведения с научной точки зрения является неправомерной.

В повести «Суд идет» и в рассказе «Гололедица» сатирически изображены отдельные сотрудники органов государственной безопасности и прокуратуры периода, предшествующего 1953 году (за исключением эпилога, о котором говорилось выше). Деятельность этих органов в тот период подвергалась позднее еще более суровой критике в нашей печати. Поэтому указанные места сочинений А. Терца ничем не отличаются от очень большого числа художественных произведений, мемуаров и статей, опубликованных у нас после 1956 года. Если автора произведений А. Терца собираются судить за критику органов государственной безопасности и прокуратуры до 1953 года, то об этом нужно объявить открыто. Следует тогда прямо сказать, что речь идет о попытке в ходе следствия пересмотреть сложившуюся у нашей общественности на протяжении последних десяти лет точку зрения по этому вопросу.

Повесть «Любимов» не является политическим произведением и даже отдаленно не может быть истолковано как таковое. В этой повести весь сюжет строится на совершенно фантастических предпосылках, никак прямо не связанных с фактами реальной действительности. Достаточно напомнить о чудесной психологической силе героя повести, о связанных с этой силой чудесах, им производимых, о введении в повесть умершего сочинителя старинной книги, где герой почерпнул источник чудодейственной силы. Разумеется, можно относиться отрицательно к такому фантастическому приему художественного творчества, но за него нельзя судить. При желании непременно истолковывать это повесть не только как вымысел, можно было бы предложить и такое ее истолкование: повесть рассказывает о том, как оказывается тщетной попытка авантюристически настроенного молодого человека изменить характер власти в небольшом нашем городе. Сам этот молодой человек изображен сатирически, как явно отрицательный персонаж. Почему изображение врага нашей власти следует считать опасным для этой власти? Можно спорить о том, насколько

ко образ Тихомирова удался автору, но опять-таки здесь нет никакого повода для судебного преследования.

Элементы фантастики содержатся и в повести «Суд идет», входящей в цикл фантастических повестей, что уже не дает права толковать эту вещь в чисто реалистическом плане. Напомню хотя бы о драге в канализационной сети, фигурирующей в качестве мотивировки эпилога повести и подчеркивающей ирреальный условный план этого эпилога.

Помимо названных произведений и ряда «фантастических повестей», талантливо написанных в сказовой гротесковой форме и заведомо не связанных с политическими проблемами, А. Терцу приписывается статья «Социалистический реализм» (я знакомился с ней по тексту, напечатанному анонимно во французском журнале «Эспри» в 1959 г.). В статье дается критический анализ проблем истории нашей литературы в XIX и XX веках, причем детально разбираются причины появления так называемой «теории бесконфликтности», подвергнутой у нас резкой критике после пятидесятих годов. В статье дается сдержанная полемика с рядом высказываний Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства, что само по себе не дает оснований для уголовного обвинения автора. Вместе с тем, автор касается извращений ряда положений марксизма при культе личности, постоянно указывая, что он не спорит с самыми основами советской власти, которые для него овеяны романтикой революции. Такая постановка вопроса во всяком случае не может быть поводом для уголовного преследования. Следует подчеркнуть, что в статье отмечается победоносность марксизма в наш век и отсутствие такой идеологии, которая могла бы спорить с марксизмом.

Таким образом, ни литературоведческая статья, ни художественные произведения А. Терца не дают никаких оснований для судебного преследования. Если А. Синявский является автором этих произведений, то его судить не за что.

Что же касается критических литературоведческих и искусствоведческих работ, опубликованных А. Синявским в нашей печати, то им неоспоримо следует дать очень высокую оценку. Недавно вышедшая монография о русской поэзии первых лет революции, одним из авторов которой является А. Синявский, представляет собой, по существу, первое серьезное исследование по этой теме, исключительно важное как для научного осмысления первых лет советской поэзии, так и для популяризации ее достижений. К этому труду А. Синявского примыкают написанные им обстоятельные главы истории нашей литературы и издан-

ная в прошлом году монографическая статья о Б. Л. Пастернаке, предпосланная первому в нашей стране научному изданию стихов великого поэта и продолжающая более ранние статьи А. Синявского о Б. Л. Пастернаке (следует отметить, что сам Б. Л. Пастернак высоко ценил работы А. Синявского о своей поэзии, выделяя их из всех советских и зарубежных весьма многочисленных публикаций на это тему). Работы А. Синявского отличает сочетание глубокого проникновения в суть поэтического текста с тщательностью научного анализа законов и структуры текста. В монографической статье о поэзии Б. Л. Пастернака и в других указанных выше работах А. Синявский обосновывал выводы о звуковых и смысловых связях в поэтическом тексте, которые представляют исключительный интерес для современной структурной теории поэтического языка. Для научного (в частности, семиотического) исследования искусства большое значение имеет книга о творчестве Пикассо, одним из авторов которой является Синявский.

В своих критических статьях А. Д. Синявский много сделал для отделения подлинных достижений советской литературы от литературного брака, тщательно показывая отличие подлинного искусства от вредной для общества макулатуры (достаточно вспомнить критику сочинения Шевцова «Тля»). Поэтому перерыв в литературной деятельности А. Д. Синявского не может не сказаться отрицательно на поступательном движении нашей литературы. Вместе с тем, как следует из всего вышесказанного, для этого перерыва, который был бы только вреден для нашей литературы и полезен лишь для ее врагов, нет никаких юридических оснований.

3 февраля 1966 г.

Кандидат филологических наук, заведующий сектором структурной типологии славянских языков Института славяноведения АН СССР, председатель Комиссии по структурной лингвистике Секции семиотики Научного совета по кибернетике АН СССР

В. В. ИВАНОВ

ПИСЬМО ИСКУССТВОВЕДА И. ГОЛОМШТОКА
В ВЕРХОВНЫЙ СУД РСФСР

В Верховный суд РСФСР

*Копии: Редакция газеты «Известия»
Редакция «Литературной газеты»*

Я прошу приобщить это письмо к делу А. Д. Синявского как свидетельство в его защиту.

Я тщательно изучил все напечатанные за рубежом произведения под псевдонимом «Абрам Терц», их критику в нашей прессе (статья Еремина в «Известиях» от 12/1, Кедринной в «Литературной газете» от 22/1 с. г.), отклики на эту критику трудящихся (в «Известиях» от 17/1), и пришел к твердому убеждению, что арест Синявского и предстоящий суд над ним есть плод трагического недоразумения, в котором повинны как неверное понимание характера этих произведений (очевидно, из-за малого знакомства с ними), так и злой умысел отдельных лиц. В первом меня убеждает неверная трактовка их содержания, трактуемого как антисоветское, во втором — чудовищные текстуальные передержки и открытая клевета, содержащая в вышеупомянутых статьях как Кедринной, так и Еремина, умудрившихся усмотреть в них антисемитизм, порнографию, литературное воровство и т. д. Если бы дело шло о литературной дискуссии, то не стоило бы браться за перо: нелепость предъявленных Синявскому обвинений ясна каждому, прочитавшему его произведения. Но дело может прийти к драматической развязке не только для Синявского, которому угрожает незаслуженное наказание, но и для престижа нашей страны. Это побуждает меня письменно высказать оценку его произведений, хотя бы для того, чтобы показать, что не все в нашей стране думают так, как Кедринна и Еремин.

Творчество А. Д. Синявского (печатавшегося под псевдонимом Абрам Терц) можно охарактеризовать как результат глубоких, подчас мучительных раздумий о судьбах современной цивилизации, как плод зрелого писателя, остро видящего противоречия, которые волнуют и мучают человека в современном мире (а не в условиях социалистического общества). Проблемы, которые он поднимает, — разлад между личностью и обществом, противо-

речия между ростом технического прогресса и духовным опустошением человека, соотношение цели и средств к ее достижению и т. д. — стоят в центре современной культуры. Они составляют внутренний смысловой стержень творчества Кафки и Джойса, Фолкнера и Хемингуэя, Бёля и Стейнбека, Бабеля и Пастернака; в иной, более опосредованной форме они выступают в музыке, кино, изобразительном искусстве. Мы сталкиваемся с этими проблемами, когда смотрим картины Пикассо и Леже, слушаем симфонии Шостаковича и Хиндемита, смотрим фильмы Чаплина, Феллини, Кавалеровича, Эйзенштейна. Эти проблемы поставлены перед современным человечеством самой чрезвычайно усложнившейся жизнью XX века, пронизанной такими острейшими противоречиями, подобных которым не знала ни одна эпоха. Утверждать, что эти проблемы не стоят и перед нашим обществом, — значит вступать в противоречие не только с элементарными положениями марксизма, но и с позицией здравого смысла и с данными нашего каждодневного опыта. И каждый, кто претендует на звание современного писателя, не вправе закрывать на них глаза.

Как и всякий писатель, Синявский разворачивает эти проблемы на наиболее близком и знакомом ему материале. Действие его повестей и рассказов происходит не в космосе, не в фантастических странах, а в коммунальных квартирах, в маленьких городах бескрайней России, которую автор не только великолепно знает, но и по-настоящему любит. Но выводимые им события и персонажи — подчас остро конкретные, подчас фантастические — это лишь материал, а не содержание его произведений. Тем не менее, эти понятия (материал и содержание) часто смешиваются людьми, склонными видеть в произведении искусства простую иллюстрацию политической идеи.

Представляется, что квалификация произведений Синявского как антисоветских по характеру есть результат подобного смешения. Обвинять Синявского за то, что он свои идеи разворачивает на материале нашей действительности, так же нелепо, как приписывать, скажем, Пикассо надругательство над человеком на основании того, что он разлагает в своем произведении формы человеческого тела, или трактовать Кафку как борца с австрийскими порядками, а Фолкнера как антиамериканца. Содержание же произведений Синявского слишком сложно и ёмко, чтобы определить его одним эпитетом. Оно требует конкретного анализа.

Сборник «Фантастические повести» открывается рассказом «Графоманы». Это рассказ о извечной человеческой потребности

к творчеству, не зависимо от способностей, данных, возможностей человека, которая сильнее внешних обстоятельств, и которую автор с известной долей иронии называет графоманией. Автор размышляет о смысле творчества как некоей духовной потребности, не имеющей определенной цели, но столь же необходимой, как потребность дышать и облекать свои размышления в плоть конкретного жизненного материала. Не случайно этот рассказ открывает сборник и снабжен подзаголовком «Из истории моей жизни»: именно эта потребность творить (и печататься), а не какая-либо политическая цель, заставила самого Синявского взяться за перо. И то, что не удалось его герою, удалось автору. Поэтому здесь, как, впрочем, и во всех произведениях Синявского, нельзя ни в коем случае отождествлять личность автора с его персонажами, и попытки выдать отчаянно бессильные нападки на классиков литературы бездарного графомана Страустина за точку зрения самого Синявского (как это сделал Еремин) трудно квалифицировать просто как литературное недомыслие.

Рассказ «В цирке» слишком несложен и далек от какого-либо политического подтекста, чтобы нуждаться в трактовке (впрочем, и в нем авторы статей умудрились выискать антисемитизм на том основании, что здесь выведен персонаж с еврейским именем и фамилией).

В рассказах «Ты и я», «Квартиранты» и «Гололедица» передано трагическое ощущение маленького человека — человека вообще — зависимости своей судьбы от темных непонятных сил, принимающих формы то леших и русалок, то таинственного ока, взирающего с высоты и видящего все мысли и поступки персонажа, то полковника Тарасова, проделывающего эволюцию от жандарма к некоему полуорганическому кристаллу будущего. В них можно усмотреть влияние трагического мира Кафки, стилистических черт Ремизова, образов русских народных сказок, но никак не антисоветскую пропаганду.

Более гражданственный характер имеет повесть «Суд идет». Судя по дате (1956 г.), это наиболее раннее произведение автора, и речь в нем идет о временах уже минувших. Но и здесь конкретный сюжет из времен культа личности служит для Синявского материалом для развертывания общей идеи: проблема соотношения цели и средств к ее осуществлению. Проблема эта не нова. Ее мучительно вынашивал Достоевский. О том, что дурные средства оскверняют самую высокую цель, писал Маркс. Эта идея была извращена в период культа личности, и иезуитским лозунгом «цель оправдывает средства» оправдывались массовые аресты и

уничтожение тысяч невинных людей. Критика этих последствий культа личности зафиксирована в партийных документах, в многочисленных статьях, опубликованных на страницах нашей центральной прессы. Критический пафос повести «Суд идет» и направлен как раз против этой антимарксистской и антигуманистической идеи, возрожденной к жизни ежовщиной и бериевщиной.

Признать эту критику антисоветской можно было бы лишь признав, что произвол, массовые незаконные аресты, антисемитизм, которые имели место в период культа личности, являются не извращением идей советской власти, а ее естественными проявлениями. Но это — явная нелепость. К сожалению, практика показала, что можно пойти и другим путем — путем литературного подлога, как это сделала Кедрина, выдав мысли персонажа повести — следователя Глобова, подготавливающего дело «врачей-убийц», за антисемитские выпады самого Синявского, и ввести в заблуждение советский суд и советских людей, не читавших эту повесть. Но на этот счет существует статья УК СССР (о клевете), защищающая советских граждан от подобного рода «аргументов».

Правда, в эпилоге повести автор рисует колымский лагерь 1956 года и помещает сюда повествователя, обвиненного в «порнографии и антисоветчине». На этом основании можно было бы упрекнуть Синявского в искажении фактов нашей действительности, ибо, как известно, к 1956 году политические лагеря уже отошли в прошлое. Но не был ли прав Синявский, увидев в нашем настоящем еще неизжитые потенции этого прошлого? Ведь настоящий, а не вымышленный арест Синявского лишь подтверждает его правоту. Не является ли этот арест опасным рецидивом минувшего? Слишком непонятны мотивы ареста, а тон газетных статей, обвиняющих Синявского и Даниэля, слишком напоминает тон 1937 года.

Наконец последнее, наиболее крупное произведение Синявского — роман «Любимов». Это, пожалуй, наиболее сложное, содержательное и совершенное по форме произведение Синявского. И опять красной нитью в нем проводится идея соотношения цели и средств, определяя всю художественную ткань повествования.

...Велосипедный мастер Леня Тихомиров посредством гипнотической силы свергает законную власть в городе Любимове и устанавливает собственную диктатуру. Он движим благими намерениями создать в городе идеальный общественный строй, а обладает для достижения этой цели единственным средством — напряжением собственной воли. Вскоре он убеждается, что единственно усилием воли нельзя создать счастье на земле. Его воля,

направленная на созидание добра, вдруг начинает производить на свет кошмарные феномены. «Идеальное» общество разваливается, а сам диктатор удирает, мечтая спрятаться от того, что он натворил, хотя бы в собственный карман. Таков фантастический сюжет этого произведения. Можно ли трактовать этот роман как пародию на нашу революцию, на развитие нашего общества? Конечно, нет. Если это пародия, то пародия на всякую единоличную диктатуру, всякий массовый политический гипноз, на идею сверхчеловека, думающего использовать темные массы в своих интересах, — явления, свидетелями которых люди XX века были в разных концах земного шара. Если эта сатира и касается нашей страны, то лишь в той части, в которой данные явления имели место у нас, опять-таки в период культа личности.

З. Кедрина в своей статье ссылается на высказывания белоэмигранта Филиппова, трактующего роман как пародию на коммунистическое общество. Но при этом не мешало бы вспомнить, что «История города Глупова» Салтыкова-Щедрина трактуется некоторыми буржуазными литературоведами как сатира на советский строй. И с каких это пор высказывания белоэмигрантов стали служить аргументами для обвинения советских писателей? Писатель не может отвечать за произвольные трактовки, которые даются его произведениям. Он ответственен только за прямо высказанные им идеи и изложенные факты. А в этом плане невозможно обнаружить в произведениях Синявского ничего антисоветского. Напротив, «Любимов» проникнут горячей любовью к родине (достаточно вспомнить описание картин природы, или окрашенную двойной иронией сцену встречи Лени с американскими империалистами), он написан в лучших традициях русской литературы (которые только такой недобросовестный критик, как З. Кедрина, может выдать за литературное воровство).

В произведениях Синявского подчас действуют и нерадивые сотрудники госбезопасности, и секретарши, «готовые отдаться кому угодно», и озлобленные жизнью неудачники. Но как можно видеть в каждом отрицательном персонаже пародию на советских людей вообще и советский строй? Подобная ошибка уже имела место в оценке творчества таких писателей, как Зоценко, Ахматова, Пастернак, Бабель. Надо ли повторять старые ошибки?

По самому складу своего дарования Синявский очень далек от ампула политического сатирика или публициста. Это писатель — большого философского масштаба, и содержание каждого его произведения далеко перерастает рамки конкретного социального сюжета. Можно не соглашаться с отдельными высказан-

ными им взглядами и идеями, можно было бы упрекнуть автора в излишнем пессимизме, но за пессимизм еще никогда не судили писателя.

Наша литература понесла слишком большие потери в период культа личности. Не следует умножать список этих жертв.

(Начало февраля 1966 г.)

И. Голомшток

искусствовед, член Союза советских художников

ПИСЬМО ПОЭТА-ПЕРЕВОДЧИКА А. ЯКОВСОНА В МОСКОВСКИЙ СУД

В Московский городской суд

Я — Яковсон Анатолий Александрович, поэт-переводчик, член профессионального совета литераторов при изд. «Советский Писатель», намерен был претендовать на роль индивидуального защитника по делу Ю. М. Даниэля, судимого сейчас совместно с Синявским. Однако Ю. Даниэль и его адвокат сочли целесообразным вызвать меня в качестве свидетеля и сделали соответствующее заявление суду. Я считаю своим долгом предать широкой гласности то, что готовился заявить на суде в качестве индивидуального защитника.

Я знаю Даниэля 10 лет. Знаю хорошо, близко, — он мой друг. Знаю и с профессиональной стороны — мы состоим в одном литературном объединении. Юлий Даниэль — человек честный, искренний, свободно мыслящий, душевно щедрый. Он бескорыстен, принципиален, достоин того звания, которое носил во время войны, — звания солдата победившей фашизм страны. Даниэль всегда любил свою родину, свой народ, будучи при этом убежденным интернационалистом. Он всегда считал, что любить свою родину — это значит, прежде всего, не закрывать глаза на творящееся в ней зло, а наоборот — активно бороться со злом. Борьба писателя — это свободное печатное слово. Я до последнего времени не читал опубликованных за границей произведений Даниэля. Но я не мог поверить, зная его убеждения, что эти произведения являются антинародными, клеветническими, враждебными нашему обществу. Я не мог поверить соответствующим газетным статьям. Даниэль не профессиональный политик, а литератор, но его суждения в области гражданской всегда соответствовали духу решений XX и XXII съездов КПСС.

Ввиду предстоящего суда я нашел способ прочесть произведения Даниэля. В ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР, по которой обвиняют Синявского и Даниэля, говорится о том, что антисоветская литература — это литература, содержащая призывы к подрыву или ослаблению Советской власти. И я убедился, прочитав произведения Даниэля, что они не являются антисоветскими. Это прежде всего художественные произведения, не заклю-

чающие в себе никаких призывов, положений, выводов, никакой политической программы — ни антисоветской, ни иной. Но эти произведения имеют гражданскую тенденцию, направленную против сталинизма, против его пережитков и рецидивов в нашем обществе. Эта тенденция связана с сатирическими приемами повествования — с гротеском, с гиперболой, с фантастическим превращением жизненного материала. То, что есть хорошего в нашей советской действительности, не осмеяно, не оскорблено в произведениях Даниэля. Там, где хорошее не выступает объектом изображения — там не вина Даниэля, а закон избранного им — сатирического — жанра (Гоголь, Щедрин, в наше время Ильф и Петров, Зощенко и др.). Предметом сатирического изображения является дурное. И это дурное представлено в произведениях Даниэля намеренно-преображенным, в гротескном виде — в полном соответствии с природой избранного автором литературного жанра. Но автор, бичуя зло, сам не впадает в озлобленность, не придает ни цинизму, ни даже политическому скепсису, он неизменно верит в торжество человечности, справедливости, добра. В повести «ГОВОРIT МОСКВА» за сатирическими негативными образами явственно выступает положительная гуманистическая идея, составляющая главный смысл произведения. Чей-то злой произвол планирует проведение в стране «дня открытых убийств» (вспомним террор 37-38 годов и «открытые» процессы тех лет; вспомним беззакония послевоенного времени: «ленинградское дело», «дело врачей» и проч.). Как должен относиться сознательный советский человек к такого рода «мероприятиям»? Точно так, как герой повести, который идет на улицу, в толпу и примером бестрашия, личной свободы побуждает людей оставаться людьми вопреки безумному указанию. Таково настроение большинства, таков, в конечном итоге, дух всего народа, и потому, как указано в повести, чудовищное дело срывается.

Индивидуальная и коллективная ответственность людей за всё то, что совершается в их государстве, — вот тема повести «ГОВОРIT МОСКВА». И показано, что эта ответственность уже осуществляется в нашем обществе.

Охарактеризую кратко гражданскую тенденцию остальных произведений Даниэля, опубликованных за рубежом. Подчеркиваю: речь идет только о социально-критических тенденциях этих произведений, а не обо всем их содержании, которое значительно богаче этих тенденций.

Рассказ «РУКИ». Здесь осуждены перегибы красного террора первых лет советской власти. Эти перегибы достаточно сурово

осудил в свое время сам Ленин. Вспомним, какой разнос устроил он Дзержинскому и Орджоникидзе за насилия, учиненные ими в Грузии в 1922 г.

Повесть «ИСКУПЛЕНИЕ». Здесь изобличена атмосфера предательства, доносов, клеветы, которая была порождена культом личности Сталина. Показано, как в период, когда воздух страны уже очистился от этой скверны, один честный человек был нравственно задушен ядовитыми испарениями прошлого, вдруг поднывшимися вокруг него в силу трагического недоразумения.

Рассказ «ЧЕЛОВЕК ИЗ МИНАПа». Произведение вообще лишено какой бы то ни было серьезной тенденции. Игривый, озорной, в значительной мере легкомысленный сюжет. Что здесь страшного? Уж не то ли, что имя и внешний облик К. Маркса «без должного уважения» преподносятся в не совсем почтенной ситуации, в воображении сатирически осмеянного героя? Примерно то же самое мы находим в «БАНЕ» у Маяковского. Сам К. Маркс как человек, не лишенный чувства юмора, только посмеялся бы, прочитав этот рассказ. Единственный грех этого произведения, как и всех прочих, — в том, что оно опубликовано за границей.

Но, может быть, издание своих произведений за рубежом, не являясь преступлением, является все же чем-то некорректным, предосудительным? Ни с какой честной точки зрения, если, конечно, сами произведения честны! Разумеется, было бы лучше, еслибы Даниэль имел возможность опубликовать свои произведения в нашей стране, но, к сожалению, это было невозможным ввиду недо конца изжившего себя страха — нашего страха перед открытым, резким изобличением наших недостатков. Эта невозможность сама толкнула писателя на то, чтобы распространять свои произведения «любыми средствами».

Можно ли вменить в вину писателю, как это делается в данном случае, что часть зарубежной прессы использует его произведения для антисоветской пропаганды? А разве не были в тех же целях использованы и материалы XX и XXII съездов КПСС, т. е. живые факты, несущие в себе несравненно ббльшую силу обличения, чем художественное произведение? А произведения советских писателей, опубликованные в нашей стране, — разве их не использовала в своих целях антисоветская пропаганда? Не все то, что хвалят в нашей жизни за границей, плохо для нас (например, XX съезд); и не все то, что ругают за границей, хорошо для нас (например, имевшее место гонение на генетику и кибернетику или травля так называемых космополитов).

Произведения искусства следует рассматривать не с точки зрения их возможного субъективного истолкования кем-то, а с точки зрения их действительного объективного содержания. Между тем, ни в одном из произведений Даниэля нет антисоветского содержания. В нашей прессе имели место попытки доказать антисоветский характер произведений Даниэля с помощью недобросовестных средств. Отдельные цитаты, препарированные определенным образом, — цитаты, принадлежащие персонажам произведений Даниэля, были выданы за авторский текст. Таким образом можно любого писателя обвинить в чем угодно. Можно утверждать, что Пушкин — злодей (цитируя Сальери), что Салтыков-Щедрин — садист и ханжа (цитируя Иудушку Головлева), что Чехов — обскурант и дегенерат (цитируя «Письмо к ученому соседу»), что Шолохов — отъявленный контрреволюционер (цитируя выступления многочисленных персонажей «Тихого Дона», в том числе любимого автором героя Григория Мелехова).

Я тоже приведу отдельные цитаты, но лишь те, которые по смыслу повествования действительно выражают точку зрения автора.

Из повести «ИСКУПЛЕНИЕ».

«Нет, я не относился к войне так, как этот Фриц или Ганс. Я должен был воевать, не только потому, что меня призвали. Эта война была моей войной».

«О чем мы говорили? А, ругали Россию. А мы ее всегда ругали, всю дорогу, со времен Владимира Красное Солнышко. Газетчики пишут, что кто, мол, ведет подобные разговорчики, тот кусает руку, которая его кормит. Идиоты. Рука-то моя».

Из повести «ГОВОРIT МОСКВА».

«— А ты обиделся за советскую власть? Ты считаешь, что за нее следует заступаться?

— За настоящую советскую — конечно, следует.»

«Мой отец в Гражданскую комиссарил, и, я думаю, он знал, за что воевал».

«Я их (письма отца) прочел, и, по-моему, люди нашего поколения не имеют права болтать о тех временах».

«Я иду по улице, по тихому, уютному бульвару, нащупываю в руках тетрадь и думаю о том, что написал. Я думаю, что написанное мной могло бы быть написано любым другим человеком моего поколения, моей судьбы, так же, как я, любящим эту проклятую страну. Я судил о ней и ее людях и о себе самом лучше и хуже, чем следовало бы судить. Но кто упрекнет меня за это?

Я иду и говорю себе: «Это твой мир, твой мир, твоя жизнь, и

ты — клетка, частица ее. Ты не должен позволять запугать себя. Ты должен сам за себя отвечать, и этим — ты в ответе за других». И негромким гулом неосознанного согласия, удивленного одобрения отвечают мне бесконечные улицы и площади, набережные и деревья, дремлющие пароходы домов, гигантским караваном плывущие в неизвестность.

Это — говорит Москва».

Разве не следует отсюда, что автор — истинный патриот своей родины? И я хочу напомнить суду слова другого патриота, П. Я. Чаадаева: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло. Я полагаю, что мы пришли после других, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия».

Я призываю суд прислушаться к голосу совести, к голосу справедливости и голосам зарубежных друзей Советского Союза, выступающих сейчас в защиту Синявского и Даниэля.

Я призываю суд подумать о международном престиже нашей страны.

Я призываю суд оправдать Синявского и Даниэля.

9. II. 66 г. А. Якобсон

Суд отвел меня как свидетеля. Ни один из свидетелей, запрошенных защитой Даниэля, не был вызван в суд.

*2. Дополнительные документы
по судебному процессу*

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛУ Ю. ДАНИЭЛЯ

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ГАРБУЗЕНКО

Прокурор: Вам знаком Даниэль?

Гарбузенко: Да.

Прокурор: Какие у вас отношения?

Гарбузенко: Я знаю его по совместной учебе в университете. Отношения у нас были дружеские.

Прокурор: Известен ли вам Синявский?

Гарбузенко: Ну, с ним я знаком, но меньше.

Прокурор: Какие между ними отношения, между Синявским и Даниэлем?

Гарбузенко: Дружеские отношения.

Прокурор: Знаете ли вы о произведениях, которые Даниэль переправил за рубеж?

Гарбузенко: Да, знаю.

Прокурор: Когда и где вы с ними познакомились?

Гарбузенко: На квартире у Даниэля. Не помню точно, когда. Вначале я не знал, что они печатаются за границей, потом он мне сказал, что одно из произведений будет опубликовано за рубежом.

Прокурор: Как вы относились к этому?

Гарбузенко: К факту публикации отрицательно, и я ему об этом сказал.

Прокурор: А книги изданные вы видели?

Гарбузенко: Да, видел «Говорит Москва» в 64-м году.

Прокурор: Вы говорили на следствии, что не одобрили идею «Говорит Москва».

Гарбузенко: Пока я не знал о публикации этого произведения за рубежом, мы с Даниэлем говорили только о художественной стороне этого произведения.

Судья (читает протокол предварительного следствия): «Когда я читал машинописный вариант, я не одобрил идею, но речь шла больше о художественной стороне. Я считал, что это проба пера. Я рекомендовал ему писать для нашей печати».

Гарбузенко: Я не высказывал ему осуждения этой идеи, я только осудил про себя. Мне она не понравилась, но ему я про это не сказал.

Судья: Как вы относитесь как член партии к этой идее?

Гарбузенко: Меня эта идея испугала. Но эта идея фантастическая.

Судья: Автор клеветает на Верховный Совет. Это, по-вашему, безобидная фантастика?

Гарбузенко: Но ведь убийств не было. Там же никого не убили. (В зале смех).

Судья: Вы считаете закономерным для советского автора выступать с произведением, где основная идея — указ Верховного Совета об открытых убийствах? Вы член партии. Вам не кажется это кошунственным?

Гарбузенко: Хотя там есть и реалии и даты, я мысленно соотнес это с более ранним временем.

Прокурор (читает показания): «Идея воспринималась мной как описание безропотности народа и отсутствие единства между народом и руководящими органами». Вы член партии, завуч учебного заведения, воспитываете молодежь. Как вы это оцениваете?

Гарбузенко повторяет, по сути дела, то, что было сказано раньше: что он «идею осудил, но осудил ее про себя», что «никого не убили» и т. п.

Кисенишский: Сколько лет вы знаете Даниэля?

Гарбузенко: С 46-го года.

Кисенишский: Часто вы с ним встречались?

Гарбузенко: Раньше встречались часто, теперь реже.

Кисенишский: Какие у вас были разговоры?

Гарбузенко: О литературе, о работе, об общих знакомых.

Кисенишский: А на политические темы у вас были разговоры? (Читает показания *Гарбузенко*): «У меня сложилось впечатление, что Даниэль беспартийный человек... В отношении «Человека из МИНАПа» — я не задумывался о содержании этого произведения».

Судья (в ответ на это читает предисловие Б. Филиппова к рассказу «Руки»): Вот перед вами всё, что нужно: где, когда, как опубликовано, как оценено Филипповым. Какое у вас впечатление? У вас, у члена партии?

Гарбузенко: Этого предисловия я не читал.

Судья: Удивительно! Предыдущая свидетельница говорит, что не читала статью. Вы — что не читали предисловия. Ну, всё. Допрос окончен.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ХАЗАНОВА

Прокурор: Как вы знаете Даниэля? Какие у вас с ним отношения?

Хазанов: Я знаю его с конца 57-го года. Этой мой друг и соавтор. В последнее время мы виделись реже, но отношения у нас не портились.

Прокурор: Что вам известно о творчестве Даниэля для заграницы?

Хазанов: Теперь мне известно многое, а до сентября очень мало. У нас был разговор об опубликовании произведений критического характера за границей.

Прокурор: Что за произведения критического характера?

Хазанов: Ну, произведения, критикующие отдельные явления, отдельные периоды жизни страны. Разговор этот был у нас с Даниэлем в связи с Пастернаком. И мы высказали, в общем, разные мнения. Даниэль считал, что произведения такого критического характера, как я говорил, полезно публиковать и у нас, и за границей, ну, где удастся. А я считаю, что наши проблемы надо решать у нас. Конечно, их могут перепечатать за границей, но задача — публиковать здесь такие произведения. Потом он мне сказал, что то ли будет что-то опубликовано, то ли опубликовано, какие-то его произведения за границей, но я в это не поверил. Я вспоминаю, что из всех произведений, о которых идет речь, он мне ничего не читал и не показывал. Я знаю его повесть «Бегство», рассказ о коже, мне кажется знакомым отрывок об официанте из повести «Говорит Москва», но сами эти произведения я не знаю.

Прокурор: Был ли разговор о передаче произведений Даниэля по радио?

Хазанов: Нет, такого разговора не было.

Прокурор читает показания Хазанова, в которых говорится, что Елена Михайловна Закс знала о передаче произведений Даниэля по радио, и вот от нее узнал Хазанов.

Хазанов: Я вспоминаю, что вопрос на следствии был поставлен так: не слышал ли я от Даниэля каких-либо доказательств, что

он автор? Я сказал, что не помню такого. Меня спросили, не могли я слышать об этом в доме Закс. Я сказал, что могло такое быть. В этом случае речь шла о доказательствах того, чему я не верил. Я не верил, что Даниэль является автором этих произведений.

Прокурор: Когда это было?

Хазанов: Я совершенно не помню.

Прокурор: Могло это быть в 62-м году?

Хазанов: Не помню. Может быть, позже.

Судья (целиком зачитывает показания Хазанова). Подтверждаете ли вы эти ваши показания?

Хазанов: Я плохо помню. (Что-то подтверждает, что-то отрицает).

Судья: Это ваше собственноручное заявление в КГБ. Подтверждаете ли, что вы такое заявление в КГБ писали?

Хазанов говорит что-то невразумительное.

Судья (подымает лист бумаги): Вот это ваше собственноручное заявление в КГБ. Подтверждаете ли вы, что давали такие показания?

Опять невразумительный ответ.

Судья: Подойдите ко мне и убедитесь, что это ваше собственноручное заявление в КГБ.

Хазанов подходит, еле живой, к судье.

Судья несколько раз повторяет: «Ваше собственноручное заявление в КГБ».

Хазанов что-то бормочет.

Даниэль (Хазанову): Не можете ли вы сказать, где я впервые сообщил вам о том, что я пишу произведения, которые печатаются за границей?

Хазанов: Не помню.

Даниэль (судье): Можно ли мне напомнить свидетелю, подсказать ему?

Судья: Нет, нельзя.

Даниэль: Ну, я назову обстоятельства. Это были особые обстоятельства. Хазанов должен был бы их запомнить. Я назову эти обстоятельства. Хазанов, может быть, подтвердит, так это было или не так. Это было зимой 62-63-го года за городом.

Хазанов: Да, на самом деле, я вспоминаю, что это было зимой 62-63-го года за городом.

Даниэль: Может ли свидетель категорически утверждать, что разговор о передаче по радио он не запомнил, изложил точно?

Хазанов: Нет, я помню очень неточно, очень приблизительно.

Судья опять читает показания *Хазанова*.

Хазанов не может ни подтвердить их, ни опровергнуть.

Даниэль: Если суду ясно, что требовать точности от этих показаний нельзя, то у меня вопросов к свидетелю нет. *Хазанов* — человек нервный, мог в этой обстановке запомнить или пойти по пути, подсказанному следствием. Я задал ему вопрос лишь для того, чтобы суду стало ясно. Упоминание третьего лица — *Елены Михайловны Закс* — здесь, в этой связи, в этом контексте не имеет никакого отношения к делу.

В зале возглас: «Молодец! А свидетель — трусишка!»

Васильев (*Хазанову*): Вы член Союза писателей?

Хазанов: Нет.

Судья: Допрос окончен.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ХМЕЛЬНИЦКОГО

Прокурор: Как давно вы знаете Даниэля, Синявского? Какие у вас отношения?

Хмельницкий: Синявского я знаю с 33-го года, Даниэля — с 47-го. Отношения у нас дружеские.

Прокурор: Были ли у вас разговоры с Даниэлем в связи с передачей «Говорит Москва» по радио?

Хмельницкий: Никаких разговоров об этом не было.

Прокурор: Не подсказали ли вы Даниэлю сюжет этого произведения?

Хмельницкий: Я поделился с Даниэлем парадоксальной идеей, которая у меня возникла, связанной с психологическим анализом.

Прокурор: Ваша идея... Там было сказано, кем разрешены убийства?

Хмельницкий: Я не собирался писать произведения, меня интересовала только идея, замысел, и поэтому я не разрабатывал никакие реалии.

Судья: А про указ что-нибудь было в вашем замысле? Указ Верховного Совета с разрешением убийств?

Хмельницкий: Это меня не интересовало.

Прокурор: А не было у вас с Даниэлем разговоров о воплощении этого замысла, о воплощении этой идеи?

Хмельницкий: Было два таких разговора. В первый раз я спросил у Даниэля, написал ли он произведение по моей идее? Он мне ответил очень резко, что не написал. Второй раз разговор

Хмельницкий Сергей Григорьевич — архитектор. В 1963 году на защите его диссертации выступили его бывшие друзья Кабо и Брегель, рассказавшие о том, что в 1949 году они были арестованы и осуждены по его доносу. Вскоре после этого Хмельницкий уехал из Москвы. Появление его на суде было неожиданным для обвиняемых. Когда было названо имя Хмельницкого, Синявский усмехнулся, Даниэль подался вперед. Хмельницкий встал на свидетельское место, повернул голову вправо, посмотрел невидящим взглядом через очки на своих бывших друзей — на Синявского, на Даниэля — прямо повернул голову, поднял подбородок и начал отвечать на вопросы.

был связан со следующим обстоятельством. В одном доме я услышал однажды пересказ моей идеи, воплощенной в сюжет «дня открытых убийств». Я воскликнул, что эта идея моя, и я передал ее Даниэлю. Я рассказал об этом Даниэлю и получил заслуженный нагоняй.

Судья: Ну чем же этот нагоняй был заслуженный?

Хмельницкий: Конечно, это была подлость — называть имя человека в связи с передачей антисоветских произведений антисоветскими радиостанциями.

Судья: Допрос окончен.

СВИДЕТЕЛЕЙ ЗАЩИТЫ — НЕТ

ОЧНАЯ СТАВКА ДАНИЭЛЯ С АЗБЕЛЕМ

Ранее отложенную просьбу защиты о вызове в суд свидетелей Якобсона и Воронеля судья отклоняет, заявляя, что они не нужны суду.

Прокурор (ходатайствует): Прошу зачитать протокол очной ставки Даниэля со свидетелем Азбелем.

Зачитывается протокол очной ставки. (Даниэль на очной ставке сказал, что он читал свои произведения Азбелю. Азбель сказал, что, может быть, это и было, но он этого не помнит).

Прокурор (Даниэлю): Вы подтверждаете то, что было на очной ставке?

Даниэль: Я подтверждаю то, что было на очной ставке и хочу объяснить это. Осенью 62-го года я ежедневно Азбелю что-нибудь читал: отрывки из «Бегства», рассказы, упоминавшиеся здесь и не упоминавшиеся. Он мог не запомнить, что именно я читал, потому что через 2-3 недели он уехал, и после этого тяжело заболела его жена и болела в течение полутора лет. Так что последующие события вполне могли стереть в его памяти, что именно я ему читал. Повесть «Искупление» я читал ему в то время, когда он был тяжело болен. Это было не столько для того, чтобы познакомить его с этим произведением, сколько для того, чтобы развлечь больного.

Даниэль (ходатайствует): Прошу дать мне дополнительно высказаться по поводу предъявленных мне обвинений.

Судья: Это вы хотите говорить не то, что будет в последнем слове?

Даниэль: Нет, это не то, что должно быть в последнем слове. Я хочу сказать о существовании предъявленных обвинений и моем к этому отношении. Мне непонятно, зачем обвинение задает мне вопросы. Я отвечаю на эти вопросы, но...

Судья (прерывает): Это не интересует суд — ваша полемика с обвинением.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛУ А. СИНЯВСКОГО

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ПЕТРОВА

Прокурор: Как знакомы вам Синявский и Даниэль?

Петров: Очень хорошо. Это мои лучшие друзья.

Прокурор: Что вам известно по делу?

Петров: Сейчас мне известно очень много, когда поднят такой шум во всем мире.

Прокурор: Я вас спрашиваю не о том, что вам сейчас стало известно, а о том, что вам известно было раньше.

Петров: Раньше я знал произведения Терца, но кто такой Терц — Синявский, или Даниэль, или еще кто-нибудь, этого я не знал.

Прокурор: Как вы прочли произведения Терца?

Петров: Дело в том, что мы с Синявским в таких дружеских отношениях, почти в родственных. Мы свободно бываем в домах друг у друга, у них есть ключ от моей квартиры, у меня — ключ от их квартиры, и я беру с полки у них любую книгу. Ну вот, я взял и прочел. Меня заинтересовало название — «Фантастические повести». Так что я, вероятно, сам познакомился с этими произведениями.

Прокурор: А вы не обратили внимание на то, кем изданы эти произведения?

Петров: Ну, я видел, что эти произведения, изданные за рубежом, но таких книг много.

Судья: Допрос окончен.

Патров: Могу ли я остаться в зале?

Судья: Я думаю, что вам незачем оставаться здесь.

Петров: Я так давно не видел Синявского и Даниэля, что мне хотелось бы посмотреть на них еще.

Петрова выдворяют из зала.

Петров Александр — художник по металлу. Войдя в зал, бодро здоровается с подсудимыми, на вопросы отвечает звонко, задиристо.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ ДОКУКИНОЙ

Прокурор: Как вы знаете Синяевского?

Докукина: С 46-го года.

Прокурор: Какие у вас взаимоотношения?

Докукина: Хорошие.

Прокурор: Синяевский никогда не обращался к вам с просьбой о хранении рукописей?

Докукина: Это неточная формулировка. Он однажды принес некоторые бумаги и просил, чтобы они остались у меня.

Прокурор: Когда это было?

Докукина: Я не помню точно, когда, так как не придавала этому значения. Лет пять назад.

Прокурор: О чем он вас просил, оставляя рукописи?

Докукина: Ни о чем не просил. Просил, чтобы остались у меня.

Судья: Вы знаете, почему он к вам обратился с такой просьбой? Вам не показалось это странным: что человек имеющий квартиру в Москве, в центре города, вдруг просит вас хранить у себя его рукописи?

Докукина: Нет, не показалось странным. Я считала, что это его личные бумаги, которые он не хочет, чтобы видел кто-нибудь, чтобы домашние видели.

Судья: Вы никогда не интересовались, что там такое в этих бумагах?

Докукина: Нет. Он иногда что-то менял, забирал, приносил, но я не придавала этому значения.

Судья: Как эти бумаги оказались на даче у вашей подруги?

Докукина: После ареста Синяевского я отвезла их на дачу, где жила, и сожгла их. Мной руководил, ну, наверное, инстинкт самосохранения.

Судья: Ну зачем вы это сделали? Может быть, там было что-нибудь весьма патриотическое, что могло помочь Синяевскому.

Докукина: Я об этом потом пожалела. Это было импульсивное действие.

Судья: Но вы прочли их перед тем, как сжечь?

Докукина: Нет. Я просмотрела, могу сказать, что там было. Мне показалось, что там то ли конспекты произведений советской литературы, ну вот я увидела, что там о социалистическом реализ-

ме написано, какие-то личные записи. Это были личные записи, и я не могла их смотреть.

Судья: Неужели так и не прочли? Хоть один абзац?

Докукина: Ну один абзац, может быть, я и прочла.

Судья: Очевидно, вы прочли и дальше. Вы же культурный человек, и не может быть, чтобы вы, прочтя один абзац, не заинтересовались, что же дальше.

Докукина: Ну я уже сказала, что я немного там прочла, просмотрела.

Прокурор: А что там было еще, кроме статьи?

Докукина: Я... Если бы даже было доказано, какие там были бумаги, я не могу это подтвердить, не могу это утверждать, потому что они были без имени автора. Я прочла один рассказ из тех, которые там были, рассказ «Пхенц».

Коган: Охарактеризуйте взгляды Синявского как человека.

Докукина: Я знаю его 20 лет. За это время ни разу не столкнулась ни с чем отрицательным в его характере. Он добрый, умный, работоспособный, целеустремленный. Его взгляды на литературу, насколько я их знаю... Ну, он любил в литературе то, что общепризнанно как самое лучшее. Он никогда не высказывал ни контрреволюционных, ни просто резких взглядов. Все, что он говорил, было нормальной реакцией обычного человека нашего круга. О религиозных взглядах Синявского я не берусь судить. На предварительном следствии в ответ на вопрос, который мне был задан, я сказала и могу повторить это сейчас: я полагаю, что, возможно, Синявский верит в Бога, но в некотором философском смысле.

Васильев: Когда вы прочли рассказ «Пхенц», он вам понравился?

Докукина: Нет, не понравился. Я не считаю, что всем должно нравиться одно и то же.

Васильев: Вот вы вытащили один только рассказ «Пхенц» и только его прочли?

Докукина: Да.

Судья: Допрос окончен.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 11 ФЕВРАЛЯ 1966 г.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ РЕМЕЗОВА

Прокурор: Вы печатались за границей? Какие произведения печатали за границей и под каким именем?

Ремезов называет свои произведения, напечатанные за границей под псевдонимом Иванов — «Есть ли жизнь на Марсе» и другие.

Прокурор: Как вы передавали свои произведения?

Ремезов: Через Синявского.

Прокурор: Синявский был знаком с содержанием ваших произведений?

Ремезов: Я читал ему одну вещь — «Есть ли жизнь на Марсе».

Прокурор: Почему вы решили опубликовать свои произведения за границей?

Ремезов: Я решил это еще до 53-го года, но я не видел возможности опубликовать свои произведения за границей. Я знал, что я не могу опубликовать их в советской прессе, так как явления, о которых я писал и которые потом были признаны — сами явления — были признаны антисоветскими, в то время считались советскими. Поэтому мои произведения квалифицировались бы как антисоветские произведения. Я понимал уже тогда, что в нашей литературе царит заведомая ложь и до 53-го года — при Сталине, и немного погодя — при Хрущеве — то же самое. Невозможность выступить против этого привела меня вновь к этой мысли — напечатать произведения за границей. Когда совершаются ошибки и преступления, а нет возможности открыто выступить против них и надо только восхищаться, тогда приходится выступать за рубежом.

Дальше Ремезов говорит о том, что еще в студенческие годы он чувствовал, что вокруг царит ложь, неискренность, что настоящая художественная литература подвергается резкой критике и, по сути дела, уничтожению. Он видел, что не только он это понимает, но и остальные студенты вокруг него были настроены так же, как он, но никто не решался выступить и сказать об этом открыто.

Ремезов Андрей — кандидат филологических наук, научный сотрудник Библиотеки иностранной литературы.

Еще в студенческие годы их, студентов-гуманитариев, толкали на путь лицемерия, на путь двойственной жизни, когда одно говорилось во всеуслышание, а о другом не полагалось говорить никому, разве что близким друзьям. Это и толкнуло его напечатать произведения за границей.

Прокурор: Почему вы обратились с такой просьбой к Синявскому?

Ремезов: Я знал, что он опубликовал статью за границей и, так как я сам собирался сделать то же самое, я попросил его помочь мне.

Прокурор: Вы знали, каким путем он передает свои произведения?

Ремезов: Нет, я только предполагал, что у него есть какие-то знакомые, но я не знал.

Прокурор: Знакомил он вас со своими произведениями?

Ремезов: Что-то я читал: «Фантастические повести», «Любимов», статью.

Прокурор: Как вы их оцениваете?

Судья: Суд это не интересует.

Прокурор спрашивает у Синявского, почему расходятся показания Ремезова и Синявского относительно передачи.

Синявский говорит, что он не передавал произведений Ремезова, и настаивает на своих показаниях.

Прокурор спрашивает у Синявского, нет ли у Ремезова причины его оговорить.

Синявский говорит, что он не знает. Ему кажется, что таких причин у Ремезова не было, во всяком случае, до его ареста.

Прокурор спрашивает Ремезова о взглядах Синявского.

Ремезов: Я могу только предполагать. Я не знаю его взглядов. Я в своих показаниях на предварительном следствии привел эпизод с арестом отца Синявского, когда Синявский сказал, что ему не понятно, почему арестовали отца, а было бы понятней, если бы арестовали его. Я привел этот эпизод в своих показаниях только в связи с тем, что освещал эволюцию своих собственных взглядов. Это соответствовало тому, что я сам думал, и я мог только предполагать, что Синявский думал так же.

Прокурор читает показания Ремезова, данные на предварительном следствии, и спрашивает, подтверждает ли их Ремезов.

Ремезов: Я объяснял, что вся система преподавания на гуманитарных факультетах вела к тому, что мы должны были заучивать неправду, чтобы нас не выгнали. Мы прибегали, я имею в виду сейчас себя, к мимикрии, мы вступали в сделки с совестью.

Прокурор: А после 56-го года вы возвращались к таким разговорам?

Ремезов: Не помню, может, и возвращались. Поколение отцов старалось оправдать все, а мы относились ко всему критически.

Коган: Почему вы не рассказываете суду, что ваши произведения публиковал ваш знакомый издатель Буссено. Как вы установили с ним связь?

Ремезов: Я установил с ним связь, когда был во Франции в 58-м году. Я с ним договорился, что если мне удастся передать какие-либо мои произведения, он их напечатает.

Коган: Когда же были переданы рукописи?

Ремезов: Первая «Есть ли жизнь на Марсе», году в 58-59-м написана. Остальные три — в 63-м году.

Коган: Это верные показания?

Ремезов: Да.

Коган: Как отнесся Буссено к вашему предложению?

Ремезов: Он согласился.

Коган: При каких обстоятельствах и когда вы с ним познакомились и договорились?

Ремезов: В 1960-м году. Или в 61-м.

Коган: Как же вы направили ему рукописи в 59-м году?

Ремезов: Первую рукопись я просто передал Синявскому.

Коган: Вы говорили на предварительном следствии, что все четыре рукописи вы направили Буссено. Это же вы повторили только что в судебном заседании. Были вы знакомы сами с Замойской?

Ремезов: Я видел ее у Синявского.

Коган: Не оговариваете ли вы Синявского?

Ремезов: Нет.

Коган: В связи с чем и когда вы были вызваны в КГБ?

Ремезов: Я был вызван в качестве свидетеля по делу Синявского 6 декабря 1965 года.

Коган: Вам было известно, что Синявский дал о вас показания?

Ремезов: Нет.

Коган: Когда вы давали показания, что вы — Иванов?

Ремезов: 9-го декабря.

Коган: Знали ли вы в это время показания Синявского?

Ремезов: Мне показали четыре строчки, где говорилось, что я был в курсе его дел.

Коган: Каково было ваше эмоциональное отношение к Синявскому после вызова вас в КГБ? Как вы оценивали его поведение?

Не натолкнули ли вас его показания на мысль свалить на него вину?

Ремезов: Нет.

Судья: Вы передали рукописи через Синявского?

Ремезов: Да.

Судья: Это правда?

Ремезов: Да.

Коган: Реальных фактов о взглядах Синявского у вас нет?

Ремезов: Нет.

Судья: Вы знали о тех произведениях, которые Синявский печатает здесь у нас, в нашей прессе, и вы знали его произведения, которые публикуются за рубежом?

Ремезов: Да.

Судья читает показания Ремезова, данные на предварительном следствии: «Постепенно я привыкал к двойной жизни. Я понимал, что я кандидат в тюрьму. То же происходило не только со мной, а, вероятно, и с Синявским».

Судья: Такой вывод вы сделали, зная об истинной жизни Синявского, не так ли?

Ремезов: Я могу только предполагать о Синявском по параллели со мной.

Синявский просит свидетеля подробнее осветить характер отношений Ремезова с Замойской. Как часто он ее видел? Разговаривал ли с ней сам по себе?

Ремезов: Да. Видел ее на квартире у Синявского. Вел с ней разговоры, но разговоры нейтральные.

Даниэль задает Ремезову вопрос: не может ли Ремезов спутать, может быть, он передал рукописи на квартире у Синявского, но не через Синявского?

Ремезов: Нет. Самому Синявскому.

В зале возглас: «Бойтся за себя! Свидетель с петлей на шее!»

Судья: Допрос окончен.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ГОЛОМШТОКА

Прокурор: Как вы знаете Синявского и Даниэля?

Голомшток: У нас хорошие, дружеские отношения.

Прокурор: Знакомы ли вы с произведениями Синявского?

Голомшток: Да, я знаю его произведения «Суд идет», «Фантастические повести», «Любимов».

Прокурор: Когда вы с ними познакомились?

Голомшток: После ареста Синявского.

Прокурор: А Синявский знакомил вас со своими произведениями?

Голомшток: Нет.

Прокурор: Синявский на предварительном следствии показал, что знакомил.

Голомшток: На очной ставке Синявский сказал, что читал мне отрывки из каких-то своих произведений. Когда я прочел эти произведения, мне не показалось, что я когда-либо слышал эти отрывки. Синявский здесь на суде показал, что, возможно, он читал мне отрывки, которые не вошли в произведения. Может быть, я их просто не узнал.

Прокурор: Где вы взяли эти произведения?

Голомшток: Когда был арестован Синявский, и я узнал, за что он арестован, я постарался достать эти произведения и познакомиться с ними. Я достал их у своих знакомых.

Прокурор: Назовите этих знакомых.

Голомшток: Я отказываюсь назвать их.

Прокурор: Я бы не хотел, чтобы вы отказывались. Своим отказом вы способствуете распространению антисоветской литературы.

Голомшток: Я не считаю эти произведения антисоветскими.

Прокурор: Отвечайте на прямо поставленный вопрос.

Судья: Вы прочли их в библиотеке?

Голомшток: Нет.

Судья: Значит, вы достали их нелегальным путем?

Голомшток: Я взял их у знакомых. Это называется нелегальным путем? Я не знаю.

Голомшток Игорь Наумович — искусствовед, соавтор А. Синявского по книге «Пикассо» (М., изд. «Знание», 1960 г.).

Судья: Прокурор неправильно назвал эти произведения анти-советскими. Суду еще предстоит установить, являются они анти-советскими или нет. Поэтому вы можете назвать ваших знакомых, у которых вы их взяли.

Голомшток: Я отказываюсь называть этих знакомых, потому что, хотя я не считаю эти произведения антисоветскими, но вот моего друга судят за то, что... ну, по 70-й статье. Я не хочу вовлекать в это еще кого-то.

Прокурор (делает заявление): Свидетель предупрежден об ответственности за отказ от дачи показаний, и тем не менее он отказался дать показания на суде. Обвинение ходатайствует о вынесении частного определения по отношению к свидетелю Голомштоку, о привлечении его к ответственности.

Судья спрашивает у сторон, какие будут мнения по поводу ходатайства прокурора.

Синявский: Голомшток отказывается дать показания не по поводу того, что разбирается в суде. На все вопросы, связанные с делом Синявского, по которому он вызван, он дал исчерпывающие ответы, а вопрос о том, где он взял произведения после моего ареста, не является вопросом по делу. Поэтому я считаю неправильным ходатайство о привлечении к ответственности.

Даниэль присоединяется к словам Синявского и говорит, что это было бы, мягко говоря, неправильно.

Голомшток: Я хотел бы разъяснить, почему я отказываюсь дать показания.

Судья: Разъяснение не входит в задачи свидетеля.

Коган: Вы были соавтором Синявского?

Голомшток: Да.

Коган: Не обсуждали ли вы вопрос о положении художника в буржуазном государстве, о положении человека в буржуазном государстве?

Голомшток: Да. Такие разговоры у нас были.

Коган: Каковы взгляды Синявского по этим вопросам?

Голомшток: Я не могу повторить текстуально того, что говорил Синявский, но позиция его такова: Синявский хорошо знает западную культуру и всегда достаточно критически к ней относился, даже с моей точки зрения, а я специалист по западному искусству. Синявский считал абстракционизм признаком духовного опустошения. Он скорее славянофил по своим взглядам.

Судья: А как же вот в «Мыслях врасплох» он пишет о русском народе, что русский народ — это народ пьяниц?

Голомшток: Эти слова противоречат всему, что я знаю о Си-

нявском. Видимо, он вкладывал в эти слова другой смысл.

Судья: Ну что ж, поговорим о смысле. (Читает высказывание о русском народе). Это кощунственное высказывание — это славянофильство?

Голомшток: Ну, такого рода высказывания можно найти у Голя.

Судья: Так вы считаете, что это славянофильство?

Голомшток: Да. (Смех в зале).

Судья: Отвечайте по конкретным вопросам. Что вы думаете об отношении Синявского к русской культуре?

Голомшток: Синявский свою деятельность связал с русской культурой, всю свою деятельность.

Судья: А пересылка книг на запад — это защита русской культуры?

Голомшток: Я говорю пока о мировоззрении, а не о поступках.

Судья: Он и о Маяковском писал, Синявский. А Маяковский говорил: «У советских собственная гордость». Так вот, такие поступки — это и есть собственная гордость. Допрос окончен. Вы должны находиться в зале до вынесения частного определения, то есть, до конца процесса.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЗАЩИТЫ ПО ДЕЛУ А. СИНЯВСКОГО

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 12 ФЕВРАЛЯ 1966 г.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ДУВАКИНА

Коган: Как и когда вы познакомились с Синявским?

Дувакин: Я знаком с Синявским с 45-го года. Осенью 45-го года мне сдавал экзамен студент-заочник в шинельке. Я обратил на него внимание как на очень яркого человека. Он учился у меня в семинаре, и я убедился в том, что первое впечатление не было ошибочным. Сначала у нас были отношения учителя и ученика, а потом постепенно отношения стали дружескими.

Коган: Не можете ли вы охарактеризовать деловые и профессиональные качества Синявского?

Дувакин: Деловые и профессиональные качества Синявского — блестящие. Думаю, что с этим согласились бы его сотрудники.

Судья: Эти экскурсы не нужны.

Дувакин: Хорошо. Я знаю его книги, посвященные анализу произведений советской литературы, советских писателей. Мы иногда с ним спорили, я общался с ним преимущественно по вопросам искусства. Два года он читал лекции в МГУ, пользовался большой популярностью. Вначале первые его лекции я просматривал, потом понял, что это уже не нужно. Я почувствовал, что пришел лектор сильнее меня. У меня было такое отношение, как у... ну, как у утки, высидевшей лебедя. Он был гадкий утенок, развернувшийся в лебедя.

Судья: Хорошо лебедь! Скорее гусь. (Смех в зале).

Дувакин: Конечно, можно сострить по этому поводу, но я говорю о своем впечатлении о качествах Синявского. Это человек, ищущий истину, искренний и честный в своих исканиях.

Судья: Искренний и честный. Вот тот человек, которого сейчас судят?

Дувакин: Да.

Судья: И его книжки вы тоже считаете искренними и честными?

Дувакин: Разрешите мне перейти к этим книгам.

Судья: Нет. Это решает суд.

Дувакин: Но именно этот вопрос — о книгах — мне задавали на предварительном следствии.

Судья: Этот вопрос не интересуется суд.

Коган: Ну, обратимся снова к фактам. Вот на предварительном следствии вы говорили об автобиографичности «Графоманов», и в другом месте вы говорили, что Синявского подвела маниакальная влюбленность в слово, желание быть напечатанным.

Дувакин: Синявский как-то говорил мне, что, в сущности, нет границ между писателем и графоманом. Видимо, его...

Судья (прерывает): Все эти «видимо» не нужны. Вы говорите о фактах. Где там автобиографичность?

Дувакин: Его жизнь, очень аскетическая, жизнь человека, погруженного в русское искусство, влюбленного в русское искусство, но живущего трудно — такова была жизнь самого Синявского. А в «Графоманах» — там тоже автор, который на тухлых котлетах живет. Ну...

Судья (прерывает): Допрос окончен.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ О. ТЕМУШКИНА

Перед вами на скамье подсудимых граждане СССР — кандидат филологических наук, старший сотрудник Института мировой литературы, член Союза советских писателей Синявский и Даниэль — поэт-переводчик.

Советская общественность знала Синявского как литературного критика, а Даниэля как переводчика. Что их привело на скамью подсудимых? Оказывается, Синявский — не Андрей Синявский, а Абрам Терц. Этим именем героя блатной порнографической песни он подписывался. Даниэль — это Аржак.

Автор вправе писать под псевдонимом и даже анонимно, но под этими псевдонимами они публиковали то, что не имело ничего общего с их советскими публикациями, с тем, что они делали здесь. В этих произведениях выражено полнейшее недовольство советской системой, советским обществом. Они представляют советское общество, как сумасшедший дом.

Синявский и Даниэль — люди с двойным дном, внутренние эмигранты. Им вменяется в вину ст. 70 УК РСФСР (следует текст ст. 70).

Материалы дела, всесторонне проанализированные, дают основание заявить о наличии и доказанности вины.

Занимая враждебную позицию по ряду вопросов, они с 1956 года писали произведения, порочащие советский государственный строй. Синявский установил связь с Замойской, дочерью военно-морского атташе Франции, и нелегально переправлял рукописи свои и Даниэля. Они издавались всюду реакционными и даже эмигрантскими издательствами. Они были приняты на вооружение и активно используются.

В 1956 году Синявский написал «Суд идет» и «Что такое социалистический реализм», где он допускает прямые выпады против нашей идеологии, клеветает на партию и государство и осмеивает наш народ. В 61-м году — «Любимов», переданный в 63-м году.

Даниэль в 56-57 годах написал рассказ «Руки» — клеветническое изображение классовой политики репрессий в годы гражданской войны. В 61 году написал «Говорит Москва» — злобный пасквиль на советскую действительность, содержащий призывы к расправе, «Человек из МИНАПа» — произведение, направленное против нашего образа жизни, против нашей морали, нашей этики.

«Искушение» — в 63-м году — в нем изображается моральное разложение, упадочнические настроения.

Синявский свел его с Замойской, чем помог ему передавать произведения, часть произведений Даниэля Синявский передал сам. Он содействовал Ремезову в передаче четырех произведений. Кроме того, они виновны в том, что распространяли свои произведения среди близких.

Подсудимые не признали своей вины, но по существу не отрицали, что они писали и нелегально переправляли. Они объясняли это желанием видеть свои произведения изданными, но отрицали наличие злого умысла. Доказательства, которыми доказывается написание ими этих произведений и вина в переправке — свидетельские показания Гарбузенко, Хазанова, Азбеля. Им было известно, что эти произведения написаны и переданы. Гарбузенко читал эти произведения глазами и видел изданными. Из свидетельских показаний Петрова и Ремезова ясно, что они читали произведения Синявского. Читала статью и «Суд идет» Докукина, у которой он хранил свои произведения.

Произведения исследовала экспертиза. О Синявском: «Для всех произведений характерна претенциозность, манерничанье, использование в качестве приема сна, бреда, злоупотребление маниакальными состояниями. Произведения характеризуются кругом идей: фрейдизм, антисемитизм, секс и богоискательство». Экспертиза не оставляет сомнений, что их написание вызвано желанием изложить антисоветскую идею. Это явное политическое выступление.

Экспертиза по произведениям Аржака (под псевдонимом Аржак скрывался Даниэль): «Написание вызвано желанием выразить антисоветскую идею. Приемы банальны и грубы, воплощение плоско. Это политическое выступление, обрамленное литературным сюжетом».

Показаниями Ремезова доказано, что Синявский помог передать его, Ремезова, антисоветские произведения.

Обстоятельства написания и передачи очевидны. Доказать цель и наличие антисоветского умысла — это требует подробного и скрупулезного исследования. Ленин указывал, что о реальных помыслах и чувствах нужно судить по действиям. Содержание произведений Терца и Аржака свидетельствуют о враждебности к строю, партии и государству. Произведения их полны клеветы, нападок на правительство, партию, и только поэтому они при художественной худосочности печатались на западе. Они печатались за рубе-

жом в целях пропаганды и только. Произведения их носят явно антисоветский характер.

Вот «Любимов» (цитирует то место, где едят перец вместо мяса). Советскому государству ничего не стоит одурачить народ. Здесь изображен изголодавшийся народ. Говорится про город Любимов, а читай — про коммунизм.

Товарищи судьи, до какого цинизма и нравственного падения надо дойти, чтобы так изобразить коммунизм, нашу светлую цель. Осмеяние, кощунственное издевательство над всеми прогрессивными идеями — и над Кампанеллой, и над Фурье, и над Оуэном! Все хорошее перечеркивается. Россия представлена как нищее, голодное захолустье на задворках. Народ — забитый, надорвавшийся на тяжелой работе (цитирует то место, где Лёня обращается с балкона: «Выше голову...»).

Повесть заполнена издевательскими извращенными перефразировками Ленина (цитирует о передышке). Положение Ленина о роли денег — комната со сторублевками (цитирует). Какая лютая ненависть! Еще более злобно он рисует последние дни жизни Ленина в Горках. Я избавлю вас от необходимости еще раз слушать все это. Трудно поверить, чтобы советский человек, получивший образование в советской школе, учившийся в университете, ставший кандидатом наук, поднявшись на ноги, писал такое.

Итак, в Любимове коммунистическая идея провалилась (цитирует описание города).

Таким образом, ознакомление с «Любимовым» позволяет сделать вывод: это воинствующее антисоветское произведение, каждой строчкой направленное против советских идей, против советского строя. Гротеск используется как удобный прием, с помощью аллегорий изображена вся наша экономика, всё, вплоть до военной агрессии. Именно так и воспринят «Любимов» на западе. Наши враги получили то, что хотели. Недаром «Свобода» сделала три передачи по «Любимову».

Рассказы Терца не вменяются ему в вину. Они населены шизофрениками, алкоголиками, ворами-отщепенцами. Всё у нас приводит к преступлениям, алкоголизму, психическому расстройству. Но особое место в этом творчестве занимает «Суд идет». По содержанию это произведение банально. Обыкновенная бульварная литература. Повесть заполнена злобной клеветой на марксизм, антисоветскими подонками. Синявский устами одного из своих героев рисует прекрасное будущее (цитирует о рыбках). Исключительный цинизм! Разве не сквозит от всего этого явной прямой ненавистью ко всему советскому? Кому принадлежит будущее? То-

ле и Вите. Эти две фигуры внушают автору ужас и превращены им в символ. (Цитирует эпилог). Это что, о сталинском культе? Нет. Автор говорит, что ничто не изменилось после смерти «хозяина». Эпилог очень важен для понимания антисоветской сущности повести «Суд идет». (Цитирует эпилог большими кусками — как автора поймали, как делят хлеб в лагере на Колыме). Таким образом, при помощи демагогического использования некоторых литературно-художественных штампов автор клеветает на наш строй. Даже такой вопрос, как дележ хлеба в лагере, тоже становится у него символом — образцом коммунистического распределения. Без вины виноватые люди сидят за колючей проволокой, делят хлеб за колючей проволокой — вот наше общество и его идеалы.

В статье автор пытается «анализировать» метод социалистического реализма. Но это камуфляж. Если бы это было только так, то автор не сидел бы здесь. За рассуждениями о несостоятельности метода проступает политическое кредо, анализ которого позволяет разобраться в идеях художественных произведений и в том, что говорят герои, а что — сам автор. Не остается сомнений, что Снявский придерживался резко антисоветских позиций (цитирует кусок про гиперболу). Эти гиперболы — и есть его произведения за рубежом. С целью ниспровержения идей коммунизма и доказательства их лженаучности Снявский пишет (цитирует — «обезьяна встала на задние лапы», «грязь всего мира», «чтоб навсегда исчезли тюрьмы...»). Автор кощунствует.

Требование партийности Снявский отождествляет с требованием святого исполнения, догматизма. «Кто не хочет верить — сиди в тюрьме». Утверждает, что социалистический строй перерождается, идеалы революции противоположны сегодняшнему дню, клеветает на Ленина, злобно и фарисейски сочувствует Маяковскому. Предел кощунства — воющий на Луну Ленин, а в «Опыте самоанализа» (цитирует — «идеальный тип ученого», «символика его жизни и смерти — колоссальный склероз мозговых сосудов и только склероз»). Ленин всех покорял своей человечностью, простотой и искренностью (цитирует Горького о Ленине.) А в трактате — Ленин — «зловещая кибернетическая машина», «статистик революции». Самые привлекательные качества Ленина в совокупности с его логическим аппаратом пугают Терца. Это злобные, клеветнические сентенции. Снявский лицемерно сожалеет, что нельзя создать из Ленина новый культ. Он доказывает, что необходимо обожествление Сталина, так как наше общество нуждается в обмане.

Снявский со всеми своими антисоветскими произведениями

знакомил Даниэля, который также занялся тем же и, пользуясь помощью Синявского, переправил за рубеж «Руки».

Сюжет рассказа «Руки» — неудачливая судьба работника Чека (пересказывает сюжет). Как бы подтверждая достоверность рассказа Аржака, Филиппов рассказывает в предисловии к рассказу «Руки», что он, будучи в лагере на Ухте, сам слышал такую историю. Политика молодого государства — антигуманистическая, калечит людей и духовно и физически.

«Человек из МИНАПа» — грубый пасквиль, порочащий наше общество, его мораль, его этику (пересказывает содержание). Тема, пригодная для пошленького анекдота, так говорит и Филиппов, но Филиппов все же обрадовался, т. к. в этом произведении имеются антисоветские нотки, и потому он говорит, что, мол, из пошленького анекдота автор мастерски сделал...

Выходит, товарищи судьи, что советскому обществу свойственны все приписанные Аржаком качества — ханжество, деградация. Автор пользуется каждым случаем, чтобы поиздеваться (цитирует — «ведь ты же комсомолец»). Заключение пестрит антисоветскими выпадами.

Товарищи судьи, подчеркиваю, я не веду речь о том, что писатель не может описывать теневые стороны. Подчеркиваю следующие обстоятельства: есть у нас и ханжи, и отдельные аморальные личности. Но хочет ли автор выжечь недостатки, как Маяковский, Михалков и другие, или автор соединяет эти нетипичные обстоятельства, гиперболизирует их и переправляет за рубеж, выдавая за рубежом за якобы правду о советской действительности. Это уже досужий пошлый вымысел, в наше время — антисоветский вымысел, ибо выдается за подлинную нашу жизнь.

Еще более антисоветское содержание у рассказа «Искупление» (пересказывает содержание). Наш сегодняшний день изображается как период упадочнических настроений, неверия народа в дело партии. Написано все это как бред больного, сумасшедшего, перемежающийся антисоветскими стихами (цитирует — «Мы россияне...») Как это перекликается с сентенциями Терца в «Мыслях врасплох». Идея утверждения виновности народа за бездействие (цитирует — «Восстанет брат на брата...»). Читатель должен прийти к выводу о необходимости искупления за пассивность при репрессиях. Народ изображен как напуганный (цитирует — «тюрьмы не закрыты».).

Это использует антисоветская пресса. Недаром издатель делает вывод о всеобщей круговой ответственности за зло.

Но наиболее откровенным и оголтелым произведением Аржа-

ка является «Говорит Москва», где автор способен иезуитски смеяться над чем угодно, например, над ростом благосостояния. Вот как там говорит интеллигент (цитирует). Возникает вопрос, зачем нужно было выдумывать такую чушь? Затем, чтобы на этом фоне, клеветнически выдаваемом за действительность, выкрикивать прямые террористические лозунги, оболгать всё советское — быт, печать, демократические принципы. Сначала автор берется за печать (цитирует). Досталось и советским литераторам, которых Даниэль и Синявский люто ненавидят, называя их черносотенцами — Софронову, Безыменскому, Михалкову. А как ведут себя советские интеллигенты? (цитата). Он клеветает на советских людей, называя их антисемитами, только и ждущими, чтобы устроить погром (цитата про «Бабий Яр»). Кому «им», хочу я Вас спросить, Даниэль? Кто расстреливал в Бабьем Яру? С кем Вы сравниваете наш народ? С фашистами?

Даниэль утверждает, что есть вражда между армянами, грузинами, азербайджанцами, среднеазиатами, русскими, что идет резня, что всей этой резней руководит партия. Нападая на коммунистическую партию и народ, автор устами своих героев утверждает, что подобные события свойственны нашему строю, что 37-ой год органически вытекает из сущности советского строя. Это же чудовищный вымысел!

Герой обращается к читателю с рядом зажигательных речей. Герой говорит, кого надо убить. Даниэль пытался нас убедить, что герой не собирался убивать, не убил, но мы знаем, что такое эпитафия (цитирует). Я не могу прочесть этот эпитафия целиком, в нем есть нецензурные места. Против кого эта ненависть? Кто же эти люди — «толстомордые восседающие и заседающие»? Если это не прямой призыв к террору, то что же это тогда?

Чтобы еще раз подчеркнуть логическую связь между отдельными частями, он переносит действие к Мавзолею, и вся эта дикая бредовая выдумка, с великой радостью подхваченная на западе, выдается за реальность Филипповым.

Я много задумывался, что могло толкнуть Даниэля на такой поступок, на такое преступление? Чем привлекло число 10 августа 1960 года? И вот я обратился к подшивке «Правды». В «Правде» за 10 августа имеется постановление по вопросам школьного строительства, об уборке урожая в Кустанайском крае, о подвиге колхозника, спасшего шестерых детей. Но была страница о Пауэрсе. Вот чем заполнена наша жизнь. Непостижимая чудовищная клевета!

Что касается художественных достоинств обоих авторов, то

они одинаково худосочны, низкопробный уровень чтива. Они обливаются грязью самое святое, чистое — любовь, дружбу, материнство (цитирует). А если о женщинах, то это либо уродки, либо самки. А мужчины растленны (цитирует «жена дешевле, но лучше переплатить»).

И я позволю себе процитировать еще один эпитаф из произведения Аржака «Говорит Москва» (цитирует «Они в воде, текущей в душевой...»). А вот из Терца (цитирует «В уборной ты остаешься один...»).

И вот самая настоящая оценка их произведений — это бормотание унитазов.

Ни одно буржуазное издательство не подпустило бы на пушечный выстрел эту безвкусицу, пошлятину и порнографию, но из-за антисоветского содержания покупателя нашлись. Синявского и Даниэля объединяют идеи, способы передачи, совместные обсуждения, политическая оценка буржуазными издательствами. Важно и то, что рукописи хранились не дома, что авторы пользовались псевдонимами. Все это доказывает наличие прямого антисоветского умысла. Они здесь пытались доказать, что они не знали о зарубежной оценке, а если и узнали, то поздно. Но установлено, что о том, какую оценку давала буржуазная пресса и советская печать, они знали, по меньшей мере, с 1962 года. Имеется в виду передача по радио «Говорит Москва» и статья Рюрикова. Но и после этого они не только не приняли мер, но и передали еще ряд работ — «Говорит Москва», «Искушение», «Человек из МИНАПа», «Любимов». В произведениях они вкладывали всю свою злобу и ненависть. Они сознавали, что клеветают, действовали с прямым умыслом и с целью дискредитировать наш строй. Это прямо попадает под статью 70.

Общественная опасность содеянного особенно остро проявляется в наши дни, когда обостряется идеологическая борьба, когда используется вся пропагандистская машина международной реакции, связанная со службой разведок, чтобы заразить ядом нигилизма нашу молодежь, запустить свои щупальцы в среду интеллигенции, хоть как-то, да запустить. Устами таких единиц, как Синявский и Даниэль, посеять вражду, зацепить в свои сети двухтрех, продав за доллары, за серебряники перо, честь и достоинство советского человека. С помощью смердящей писанины стремятся скомпрометировать. Враги поняли, какое отравленное оружие вручили им эти ренегаты. Это показала оценка зарубежной прессы, похвала и капитал в буржуазном банке. Кого нам хвалит враг, в том, видно, проку нет.

Их произведения опубликованы многими издательствами, объединениями послевоенных эмигрантов, разведывательными центрами и т. п. Теперь, лишившись таких своих подручных, обезвреженных органами госбезопасности, они подняли дикий вой. Не им обвинять нас в отсутствии свободы печати. На этом процессе нет нужды говорить о том, какая у них свобода печати. Свобода печати — не абстрактное понятие. Это у нас настоящая свобода, у нас свобода в том, чтобы идти вместе с народом и за народом, на художественных произведениях воспитывать народ и, в первую очередь, молодежь. Свобода воспевать подвиги наших людей. Я хочу сослаться на греческого патриота Теодоракиса (ссылается).

Я обвиняю Синявского и Даниэля в антигосударственной деятельности. Они написали и добились издания под видом литературных произведений грязных пасквилей, призывающих к свержению строя, распространяли клевету, облекши все это в литературную форму. То, что они сделали, не случайная ошибка, а действие, равнозначное предательству. Суд должен учитывать ряд обстоятельств. Я прошу, учитывая всё — и то, что они не раскаялись, и первостепенную роль Синявского, приговорить Синявского к максимальной мере наказания — семь лет лишения свободы с отбытием в лагерях усиленного режима и пять лет ссылки (аплодисменты), а Даниэля — пять лет с отбытием в лагерях усиленного режима и три года ссылки.

Даниэль окончил свой пасквиль словами: «Это говорит Москва!» Нет, Москва говорит другое! Москва вещает миру, Москва говорит о первом луннике, и теми же устами провозглашается позор отщепенцам и клеветникам (аплодисменты)!

Перерыв

РЕЧЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ А. ВАСИЛЬЕВА

Я хочу начать с цитаты из статьи Синявского «А. М. Горький» (первый том «Истории советской литературы»). Приравнивая к Климу Самгину Сашку Епанчика, Мечика, ..., Синявский пишет: «На них лежит печать моральной и духовной деградации, противоречия между словом и делом, они не то, чем хотят казаться, многие из них мечтают о третьем пути». Я не собираюсь приравнивать Синявского и Даниэля к Климу Самгину, они слишком мелки для этого. Но и Синявский, и Даниэль являются не теми, кем они хотят казаться.

В ходе процесса выяснено, что в редакциях, в Институте мировой литературы часто мелькал кандидат наук Синявский. Какую-то часть своего времени он выдавал себя за советского литературоведа. Я бы мог привести много цитат из статей Синявского. Он в своих статьях цитировал Ленина, но теперь мы знаем, что самую большую часть своего времени он тратил на книги и статьи, наполненные злобой и ненавистью.

В редакциях, где есть в смете графа о гонораре, появлялся Даниэль. Он существовал на деньги, полученные за переводы, а трудился над рукописями для мадам Замойской. Даниэля никто не спрашивал, почему он стал поэтом-надомником. Его жалели, понимали, что ему надо подработать. А он, расписываясь в нашей советской ведомости, трудился над рукописями для мадам Замойской.

Некоторые зарубежные деятели называют их честными, порядочными людьми, а это двурушники. Странное понимание честности. Тарсис хоть не двурушничал. Тарсис — джентельмен по сравнению с ними. Синявский и Даниэль сознательно встали на путь измены. Вполне возможно, что их заказчики не знали, откуда взялись эти авторы. Но Филиппов пишет: «наш автор», «наш автор, укрывшийся под псевдонимом...» Филиппову, может быть, неизвестно, но мы-то знаем, откуда появились псевдонимы: из блатных песен. Оба «поставщика» — хотя боюсь, что Синявский не поймет это слово, он же не понял слова «посредник» — оба «поставщика» мадам Замойской нашли свои клички в мусоре блатного жаргона. По Сеньке и шапка. Вот кого западные писатели называют представителями советской интеллигенции. А советская интеллигенция — это академик Курчатов, Келдыш, Товстоногов,

Ландау... — это тысячи, десятки тысяч врачей, инженеров. К этому отряду Синявский и Даниэль не имеют никакого отношения.

Много времени уделялось вопросу: как оценивать их деятельность — как ошибку или как умысел? Даниэль говорил, что в настоящее время он сожалеет о своих действиях. Но он говорил ведь и с Хмельницким, и с Гарбузенко — со своими друзьями. Эти разговоры свидетельствуют о том, что он понимал, что он делает. Вот «Говорит Москва» — все, кто читал, понимают, что говорит автор, только автор не понимает. Я хочу еще раз огласить эти строки. Дело в том, что подсудимые были единодушны не только в выборе псевдонимов, но и в идеях (цитирует из «Говорит Москва» про убийства). Это не изящная словесность, а прямой призыв к убийствам, мы знаем, на кого нацеленный. А Терц? (цитирует об окровавленной гиперболе). Это у кого — «у них»? У советской власти. А «у нас» — у кого? У Аржака и Терца.

В показаниях Синявского говорится: «Я понял, что был слишком пессимистичен, но все же передал рукописи и теперь об этом сожалею». Даниэль тоже говорил, что понял, но тот понял только после знакомства с предисловием Филиппова. Синявский тоже пытался влиять: «Это прием, сатира, гротеск, художественная литература». Сатира? Это оплевательство, это значит — оплевывать русский народ. Перелистайте Гоголя и Щедрина — вы там не найдете ни одного плохого слова о народе. А у Абрама Терца — «нация воров и пьяниц», не способная создать культуру. А вот из «Любимова» (цитирует). Это из «Любимова», «гордости его души», по словам Синявского. По словам свидетеля — «лебединая песнь». Белогвардейцу, врагу именно так хочется видеть наш народ (цитирует — «история заштатного городка Любимова...» — из предисловия Филиппова). Для Синявского-Терца нет ничего святого. Он не пощадил дорогого слова мать, он измывается над матерями. На последней странице они находят утешение у полуграмотного попа — «матери были тут же, под рукой...»

В буржуазных газетах Терца называют «автором шедевров». Я процитирую место, говорящее о «таланте» (цитирует: «У одной девки случился выкидыш...»).

Склонность к матерной брани, порнография, какая-то патологическая. Это, возможно, и привлекло к нему там, на Западе. Синявский говорил, что автор сам по себе, а герои сами по себе. Я процитирую то, что глубоко оскорбит сидящих в зале, но ничего не могу поделать (цитирует из «Любимова» о Ленине). Это из «Любимова», а вот выдержка из статьи «Точка отсчета» (цитиру-

ет про «безобидную бухгалтерскую наружность», «Ленин — статистик революции» и т. д.). Эта статья не ставится в вину, это для прояснения, откуда, из какого источника питались герои произведения. И тут, и там — «счеты», «статистика» и т. п. Синявский пытался внушить, что его идеи связаны с культом Сталина. Это не правда (цитирует «Сталин уютней и понятней, чем Ленин...» из «Точки отсчета»). Весь запас злобы направил Синявский против Ленина. Даже тяжелая болезнь Ильича для Синявского — только повод для издевательства (цитирует оттуда же про «склероз сосудов» — «склероз и только склероз...»). Самые человеческие качества Ильича вызывали у Синявского злобную ярость больше, чем у наших заклятых врагов. Самые, казалось бы, положительные черты пугают его (цитирует — «есть что-то зловещее в этой человечности, простоте...»).

Я должен сделать отступление. Здесь вчера выяснили, что Синявский успел получить от заказчиков две куртки, два свитера, одну белую рубашку и резиновые сапоги, что-то для жены и что-то для сына. Мало? Мало, скажете вы. Но, по-моему, и этого много. Хозяева могли вообще не платить Синявскому, потому что его «труды» списаны с меньшевистских газет восемнадцатого года, которые есть в Библиотеке Ленина. Мы выяснили, что Синявский имел доступ в Библиотеку Ленина. Где уж тут говорить о честности, если даже работая на хозяев, он поступал, как мелкий жулик.

Товарищи судьи! Всё убеждает нас в том, что на скамье подсудимых сидят ярые антисоветчики, сознательные клеветники. Весь ход судебной экспертизы, вещественные доказательства показывают, что перед нами два антисоветчика, понимающие, что они делают. Они понимали. Они знали.

Я выступаю как представитель Союза советских писателей, где, как ни стыдно говорить, состоял Синявский. В семье не без урода. Я от имени всех писателей обвиняю их в тягчайшем преступлении и прошу суд о суровом наказании. Каждый, кто входит в Центральный дом литераторов, видит мраморную доску, на которой золотыми буквами написаны имена писателей, погибших в Великой отечественной войне. Я обвиняю их от имени живых и от имени погибших. Преступление должно быть наказано!

(Аплодисменты)

РЕЧЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ З. КЕДРИНОЙ

Граждане судьи!

Нас уже который день пытаются ввести в мистическую обстановку некоего психического магнита, где происходят чудеса. Не понимают слова «посредник», уверяют, что нет авторских слов в критической статье, и автор не несет ответственности. Написанное пером не вырубешь топором. Их сочинения сами за себя говорят.

Синявский уверял, что его произведения — это безобидные опыты философского содержания — о цели и средствах, о философии власти. Ему, мол, интересно соединить вымысел с действительностью, а что получится — неважно. Чистое искусство без политических целей. Но «искусство для искусства» — это ложь. Эта позиция сама по себе враждебна. Однако в произведениях Синявского есть политический смысл. Представление народа в виде ведьм, воров, графоманов, пьяниц — это активное неприятие нашего государства. Это отношение к советской жизни и определяет ниспровержение настоящей современной литературы.

Вот его обращение к традициям русской литературы: «Классики — вот кого я ненавижу больше всех», — заявляет герой «Графоманов». Герой разделался с классикой. Это говорит герой, но эти слова вложены Синявским. Это место Дувакин называет автобиографическим. В статье — то же самое отношение к классике. Все классики, по Синявскому, — богоискатели и неудачники.

В основе «творческой концепции» Синявского — отрицание самих основ социалистического реализма, в первую очередь, марксизма. (Далее пересказывает статью «Что такое социалистический реализм» по вопросам: цель поставленная и цель достигнутая, противопоставление нам писателей запада.)

Синявский производит переоценку всех лучших достижений советской литературы. Как он пишет про «Русский лес» Леонова! Он отмечает регресс советской литературы. А выпады против Горького!

Ирония — одно из главных средств камуфляжа у Синявского. Он нападает на Блока, нападает на Маяковского. В художественных произведениях он не упускает случая мазнуть Ленина. В статье «Точка отсчета» автор глумится над Ильичом. Досталось и Маяковскому, которого Синявский изобразил как приспособлен-

ца... Противопоставляет русский реализм «фантазмагорическому искусству».

В «Фантастических повестях» — фантазия извращенная, а быт — фальсифицированный. Оборотни, ведьмы, русалки, воры, пьяницы... Невольный ясновидец вместе с полковником Тарасовым (в «Гололедице») строит планы коммунистической агрессии...

(Далее З. Кедрина целиком повторяет собственную статью «Наследники Смердякова» — «Литературная газета» от 22. 1. 66.)

Это всё художества невысокого разбора.

В своих статьях о фантастической литературе он писал о полете в космос, а в «Любимове» у него только баба на помеле, да и та силой воображения. (Смех в зале.)

У всех реалистов России есть положительный герой. У Щедрина — это народ. Он предпослал «Городу Глупову» несколько слов о народе. А «Сказка о том, как мужик двух генералов прокормил» разве не говорит о талантливости русского народа? А у Терца? Единственный рабочий превращен в вора.

РЕЧЬ КИСЕНИШСКОГО, АДВОКАТА Ю. ДАНИЭЛЯ

(Пересказ)

Даниэлю инкриминируется четыре произведения, то-есть всё, что напечатано за границей.

Во всяком случае, три из этих произведений не имеют анти-советского характера, не могут рассматриваться как антисоветские. Это рассказы «Руки», «Человек из МИНАПа» и повесть «Искупление».

Рассказ «Руки», в первом варианте он назывался «Происшествие», это не более как рассказ о частном случае, происшествии с неким человеком, рассказ психологического содержания, вообще не имеющий политической направленности. При желании можно привязать его к каким-то политическим взглядам, можно его истолковать и так. Но поскольку это не единственное возможное толкование, то он не может считаться антисоветским.

Рассказ «Человек из МИНАПа» — это просто анекдот, анекдот, не имеющий никакой политической подоплеки, не дающий оснований для каких бы то ни было обобщений.

Идея ответственности каждого человека за окружающую его жизнь, не только за себя, но и за всё вокруг, идея, которая обнурживается в «Искуплении» — эта идея не является антисоветской.

Что же касается повести «Говорит Москва», то безусловно отсутствие злого умысла у автора произведения. Это подтверждается тем, что в этом произведении неоднократно прославляются основы социализма, советской власти, коммунизма.

Таким образом, три произведения из четырех не являются антисоветскими, а в четвертом, как и в первых трех, отсутствует злой умысел.

При этом следует принять во внимание военное прошлое Даниэля, его трудовую, труженническую жизнь.

Прошу суд принять сказанное во внимание.

РЕЧЬ КОГАНА, АДВОКАТА А. СИНЯВСКОГО

(Пересказ)

Синявскому было предъявлено три пункта обвинения:

- 1) его собственное творчество (изготовление, хранение, распространение...);
- 2) передача произведений Даниэля;
- 3) передача произведений Ремезова.

Обвинение Синявского в передаче рукописей Даниэля уже ни на чем не основано. Синявский отрицает, что он передавал, и Даниэль отрицает, что он передавал через Синявского. Таким образом, нет никаких оснований обвинять Синявского по второму пункту.

По третьему пункту. Ремезов, по сути дела, не должен был бы быть свидетелем на этом процессе, а должен был бы быть подсудимым, потому что у Ремезова та же вина, что и у остальных. Нет никаких оснований разделять их, делая одного свидетелем, а другого подсудимым, и объяснение такому разделению может быть только одно: свидетель обязуется не давать ложных показаний, а обвиняемый имеет право говорить всё, что угодно, и поэтому свидетель должен пользоваться большим доверием, поскольку он обязан говорить правду. Хотя показания Синявского и Ремезова должны были бы быть, по меньшей мере, равновесными, но тем, что их так разделили, сразу сделали показания Ремезова более достойными веры. Синявский говорит, что он не передавал рукописей Ремезова, а Ремезов говорит, что он передавал рукописи через Синявского. Но показания Ремезова на суде достаточно противоречивы: он путается в датах, он не сказал сначала о своем друге Буссено — издателе, с которым у него была связь, он сам бывал за границей, и у него есть знакомые, связанные с заграницей. Ну и можно предположить, что он признался в авторстве, потому что не знал, что имеется в показаниях Синявского, он мог думать, что Синявский сам сказал, что Ремезов это Иванов. Во-вторых, поскольку уже Синявского привлекли к суду, можно на него свалить и передачу. Может быть, для того, чтобы выгородить кого-нибудь другого, еще неизвестного. Таким образом, у Ремезова есть и мотивы говорить неправду, и сами его показания противоречивы. Но подстроено так, что его показаниям

больше веры. Это неправильно, и этот пункт обвинения должен быть снят с Синявского.

Что касается основного пункта обвинения, то поскольку подсудимый взял на себя литературную трактовку своих произведений (о сложной литературной форме адвокату говорить трудно), то об идейной сути говорил во время допроса и будет говорить в последнем слове Синявский, а адвокат берет на себя юридическую часть.

Фантастическая, мистическая направленность психики Синявского подтверждается данными психиатрической экспертизы. В заключении экспертизы говорится о склонности к преувеличениям, к фантастике, к фантастическим построениям. Там говорится, что Синявский — человек, который живет, отчасти, в этом нереальном, сконструированном им самим мире. Поэтому то, что часто обвинение называет клеветой, это своеобразное видение, свойственное такому психологическому типу. Синявский — личность безусловно не патологическая, но он имеет особенности в пределах нормы. Хотя это и не вменялось в вину, но использовалось как характеристика морального облика Синявского — его интерес к сексуальным моментам, к сексуальным сценам. Судья говорил, что это «смакование» этих сцен. В соответствии с характером психики Синявского, это не смакование, а действительно повышенный интерес к этой тематике как к греховному началу. Ну а греху, как известно, придается очень большое значение в религиозном мировоззрении. У Синявского аналитическое отношение к этому вопросу. Наоборот, эти сцены — это постоянное подчеркивание греховности, «черной магии». У Синявского даже имеется прямое высказывание по этому вопросу: «Женщина — это черная магия русского народа, белая магия — это водка».

Из 9 переданных Синявским за границу произведений ему инкриминированы только 3, только 3 вменяются ему в вину как антисоветские. Обвинение основывается на том, что вот же передали они за границу свои произведения. Зачем они их передали, если не затем, чтобы подорвать или ослабить советскую власть, мощь Советского Союза, совершить идеологическую диверсию? Но ведь переданы не только те произведения, которые вменяются в вину Синявскому, а переданы 9 произведений, между которыми сам Синявский не делал для себя различия. Это сразу ставит под сомнение наличие умысла, какого бы то ни было.

Затем сама сложность произведений. Если имеется умысел подрыва советской власти, то, по меньшей мере, нужно было рассчитывать на доходчивость этих произведений, если с их помощью

человек хотел подорвать что угодно. А произведения Синявского на самом деле очень сложны. В них не только простые читатели, спор об их идейной направленности. Что хотел сказать автор, не ясно. Каждое из произведений имеет минимум три толкования, совершенно официальных. (Коган приводит несколько зарубежных толкований произведений Терца, ни в одном из которых эти произведения не признаются антисоветскими, но все эти толкования не совпадают). Даже если произведения Синявского и были антисоветскими, то это следовало бы признать попыткой с негодными средствами, поскольку они недоступны читателю.

Чтобы признать человека виновным по ст. 70 УК, нужно не только доказать антисоветский характер произведений, но и непременно доказать наличие умысла подрыва или ослабления советской власти. А такой умысел не был доказан в ходе судебного заседания.

Прошу суд принять сказанное во внимание.

Следует заметить, что Коган не делает вывода «виновен» или «не виновен» и не касается характера самих произведений. Он просто просит суд принять сказанное во внимание.

РЕПЛИКИ ПРОКУРОРА, А. ВАСИЛЬЕВА И З. КЕДРИНОЙ

Реплика прокурора сводится к тому, что он возражает Когану по поводу пунктов обвинения. Прокурор настаивает на сохранении обвинения Синявского в передаче рукописей Даниэля и Ремезова. Он говорит, что поскольку Ремезов четко и недвусмысленно определил свою позицию, правдивость его не вызывает сомнений. А у Синявского, наоборот, показания такие уклончивые, неопределенные. Поэтому больше веры Ремезову. Он не сомневается, что Синявский оказал помощь в пересылке и Даниэлю. Основывается он на путанице в показаниях на предварительном следствии.

О наличии прямого умысла. Если даже отвлечься от реальности и поверить, что просто хотели быть изданными, то как же тогда то, что вот ясная и недвусмысленная статья Рюрикова в 62-м году не привлекла их внимания. Возможность, что этот журнал не прочел ни Синявский, ни Даниэль, исключена. У юристов всякое печатное слово считается общеизвестным фактом. Мы должны считать, что эта статья была им известна. Но и после этой статьи оба они написали и передали еще и следующие свои произведения. Это подтверждает наличие прямого умысла.

Реплика А. Васильева. Адвокат Синявского Коган прочел здесь письмо литературоведов из Франции Фриу и Окутюрье. Но он прочел его не до конца. А я оглашу, что там есть. Там говорится, что профессора не верят, что Синявский и Терц — это одно лицо. А раз доказано, что это одно лицо, значит, на это письмо нечего и ссылаться.

Реплика З. Кедринной. Вот Коган заявил, что малопонятная форма у Синявского исключает использование его произведений в качестве антисоветской агитации. Есть две формы агитации: плакатная и художественно-эмоциональная. Иногда художественно-эмоциональная форма является более действенной. Здесь мы имеем дело не с плакатной формой, а с художественно-эмоциональной.

Коган говорит, что Синявский не марксист, а идеалист и в своих повестях, и в своих статьях. А когда он писал свои статьи здесь у нас, он выступал как марксист и как марксист тем самым

он объективно выступал против Терца, а сам и был Терцем. Такая двойственность невозможна и недопустима. За нее надо судить уголовным судом.

Коган говорит, что Синявский постоянно уходит от полемики, он обращается скорее к моральным категориям, чем к любым политическим, он призывает вернуть любовь в сердце людей, призывает найти бога. А где же здесь бог? Вот картина, где матери изображаются похожими на сморщенные грибы. Это, что ли, любовь? Или, может быть, в том, как он рисует Ленина, любовь к человеку?

Относительно Аржака и выступления Кисенишского. Адвокат говорил, что в рассказе «Руки» нет политического содержания. Но если я напишу про то, как я собираю цветочки на лугу, то уж здесь политического содержания не извлечешь при всем желании, а раз стало возможным извлечь политическое содержание из рассказа «Руки», то оно и показало себя антисоветским.

Адвокат говорит, что автор относится к герою рассказа Малинину с симпатией и сочувствием. На самом деле нельзя сказать этого. Где ж тут симпатия и сочувствие, когда Малинин рисуется как тупой человек, ограниченный. Сочувствие вызывает не он, а ситуация, в которой он оказался. В этом и есть антисоветский смысл рассказа «Руки».

А вот стоит только посмотреть, с какой художественной силой изображена сцена расстрела. Несвойственно Даниэлю так сильно писать художественно. А тут такая художественная сила! Эта сцена особенно привлекает его, в ней он и проявляет свою антисоветскую сущность.

*3. Документы, отражающие
настроения после процесса*

ПИСЬМО 5-х ГРАЖДАН Л. И. БРЕЖНЕВУ

Первому секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л. И.

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Мы считаем своим гражданским долгом высказать Вам и в Вашем лице Центральному Комитету нашей партии свое мнение о том, что глубоко волнует нас.

Мы имеем в виду дело А. Синявского и Ю. Даниэля, а также некоторые вопросы, в той или иной степени связанные с ним.

Очевидно, было несколько возможных вариантов действий после того, как были раскрыты псевдонимы Синявского и Даниэля.

Остановились на одном из них — на аресте и суде. Идя на это, надо было, вероятно, иметь в виду два обстоятельства.

Первое: все это неизбежно будет подано буржуазной пропагандой на фоне ошибок в нашей культурной политике последнего десятилетия (до октября 1964 года); необоснованная критика романа Дудинцева «Не хлебом единым» (1956); не до конца продуманные шаги в отношении Б. Пастернака (1958); выступления против «Бабьего яра» Е. Евтушенко (1961); некомпетентные высказывания Н. С. Хрущева об искусстве и людях искусства (1962-1963) и, наконец, суд над переводчиком-поэтом И. Бродским, обвиненным в тунеядстве (1964).

Эти действия не принесли нам *ничего* положительного. И потому мы не можем утешаться мыслью, что их положительная сторона перекрывает отрицательную — использование врагом. Для нас они были отрицательными и здесь и там.

Второе и самое главное обстоятельство, которое надо было иметь в виду, идя на арест Синявского и Даниэля и суд над ними, заключается в следующем.

История Советского государства не знает ни одного случая ареста и *открытого суда* над писателем за инкриминируемую ему антисоветскую, антигосударственную деятельность, выражающуюся в написании и издании (здесь или за рубежом) антисоветских, антигосударственных художественных произведений. М. Булгаков написал, а МХАТ поставил «Дни Турбиных» — вещь, по определению И. В. Сталина, — антисоветскую. Однако М. Булгакова не арестовали и не судили за это. Б. Пильняк напечатал за

границей антисоветскую повесть «Красное дерево». Однако его не арестовали и не судили за это. Борис Пастернак опубликовал за рубежом «Доктора Живаго» — роман, который был нами назван антисоветским. Б. Пастернака не арестовали и не судили за это.

Итак, — беспрецедентный случай в истории Советского государства. Более того, история царской России, история Европы и Америки, Азии и Африки нового и новейшего времени, насколько нам известно, не знает ни одного случая ареста и открытого суда над писателем за инкриминируемую ему антигосударственную деятельность, выражающуюся в написании и издании (на родине или за рубежом) антигосударственных художественных произведений.

Итак — случай, не имеющий прецедентов в мировой истории.

Как же тщательно нужно было готовить этот процесс, как надо было всё взвесить, всё обдумать! Какого же сильного государственного обвинителя следовало подобрать! Мы знаем, как в нелегком 1922 году В. И. Ленин наставлял Ф. Э. Дзержинского, и не по вопросу об открытом суде, а по вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции: «...надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглумим. Прошу обсудить такие меры подготовки. Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве. Обязать членов Политбюро уделять два-три часа в неделю на просмотр изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов, добываясь присылки в Москву, без проволочек, всех некоммунистических изданий. Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и др.). Поручить все это толковому образованному и аккуратному человеку в ГПУ». (Сочинения, изд. 5, том 54, стр. 265).

А как происходил процесс Синявского и Даниэля?

До суда в официальном государственном печатном органе — газете «Известия» (№ 10 за 1966 г.) была опубликована статья, написанная в знакомом тоне статей 30-40 гг., где Синявский и Даниэль назывались виновными, и где эпитет «антисоветский» по отношению к их произведениям употреблен много раз — хотя суду еще *предстояло* принять решение по этому вопросу. Между тем, по советским законам — обвиняемый это еще не виновный, и только суду принадлежит право определить наличие вины и степень виновности. И вряд ли печатный орган имеет право пред-

восхищать решение суда. Сами же «Известия» совершенно справедливо пишут о недопустимости заочного вынесения приговора печатью (№ 61, 1966).

Начался суд. В зал не пустили ни одного иностранного корреспондента. Даже из иностранной коммунистической печати. Уравнили журналистов-коммунистов с буржуазными журналистами, журналистов из стран, где уже двадцать лет строят социализм, — с журналистами капиталистических стран.

Антисоветски настроенные люди получили возможность напомнить нам, что в 1936-37 гг. мы допускали иностранную прессу на политические процессы. Они получили возможность спросить: «Почему не пускают? Ведь иностранные журналисты-коммунисты не стали бы клеветать на советский суд, они бы правду писали. Если идет процесс с соблюдением всех процессуальных норм, если состав преступления ясен, улики неопровержимы, если государственное обвинение уверено в своей правоте и в своей способности доказать вину подсудимых, то почему бы не пустить иностранных журналистов посмотреть на торжество советского судопроизводства и правосудия».

Более того, наша печать своевременно не поместила ни стенограммы этого необычного процесса, ни подробной протокольной записи, и тем самым не смогла *нейтрализовать* действия буржуазной пропаганды.

Буржуазная пропагандистская машина делала свое дело. Но и без ее помощи у непредубежденных людей возникло недоумение. К сожалению, то, что писали наши газеты, не могло рассеять этого недоумения, а наоборот, усилило его. Непродуманность, неряшливость, порой прямая ошибочность сказанного в газетах, были просто поразительны. А ведь это единственный источник информации для нас и для всего мира. Укажем на некоторые из напечатанных в газетах несуразности.

1. Газеты пытались внушить, что использование врагом художественных произведений уже само по себе криминал. Но враг использует всё. Враг использовал критику культа личности и обстоятельства снятия Хрущева. Враг использовал критику субъективизма и волюнтаризма и решения сентябрьского и мартовского пленумов. Враг использует наши фельетоны и критические статьи. Использование врагом чего-либо не может считаться *само по себе криминалом*. На кого рассчитана эта нелогичность? Ведь человек, обладающий элементарной культурой мышления, ее не примет. Неужели она рассчитана на тех, чей уровень культуры мышления оставляет желать лучшего. Но

разве советская печать должна ориентироваться на отсталые слои населения, вместо того, чтобы поднимать их до уровня передовых?

2. Газеты пытались внушить, что отправка за границу рукописей (даже художественных произведений) без согласия государственных органов и не по почте, а с оказией, является нарушением закона. 22/II 66 г. «Правда» писала, что Синявский и Даниэль поставляли тайно, в нарушение закона свои антисоветские сочинения за границу. Однако нам неизвестен закон, запрещающий советским гражданам пересылку за границу своих рукописей, если только они не содержат государственной или военной тайны. Если же такой закон есть, то почему газеты не цитировали его или хотя бы не называли. Если же такого закона все-таки нет, то зачем вводить в заблуждение советских людей и давать нашим недругам возможность уличить нас во лжи.

3. Газеты писали, что суду предстоит установить степень виновности, меру вины подсудимых. Опять-таки досадная неточность. Суду, прежде всего, предстояло установить вину подсудимых, а потом уж ее меру.

4. «Известия» от 10/II - 66 г., процитировав статью 70 УК РСФСР, пишут: «Наш закон устанавливает, что антисоветская литература — это литература, содержащая призывы к подрыву или ослаблению Советской власти...». Однако ни одна газета так и не показала, где эти призывы в сочинениях Синявского и Даниэля. То, что цитировалось в газетах, не может служить достаточным основанием, из цитированного вообще не вытекает, что эти *призывы* к подрыву или ослаблению Советской власти, а тем более — призывы самих авторов, что это — авторская позиция. Немногочисленные приведенные цитаты ничего не доказывают даже в отношении нехудожественной литературы, а тем более художественного произведения. Что касается единственного, по-видимому, нехудожественного произведения, инкриминированного обвиняемым — статьи Синявского «Что такое социалистический реализм», то она была в газетах лишь названа антисоветской и клеветнической. Никаких цитат, убедительно подтверждающих эту мысль, не приводилось. И вообще никаких цитат из нее не было в газетах. Так обстояло дело с освещением в газетах содержательной стороны обвинения. Читателям приходилось верить газетам на слово.

А ведь, к сожалению, известно, что вопрос об освещении в советской печати тех или иных событий далеко не прост. По собственному читательскому опыту мы знаем, что в былые годы

газетам часто приходилось ошибаться в оценке лиц и событий. Вспомним, что писали газеты о людях 1936-37 гг., об ученых диверсантах в нашей биологии, о вейсманистах-морганистах и о великом биологе Лысенко, об «одной антипартийной группе критиков-космополитов», о «цепном псе и платном агенте империалистов» Тито, об «убийцах в белых халатах»; вспомним, как газеты превозносили любое решение и указание Хрущева и т. д. Сейчас, когда один из принципов руководства — трезвый продуманный подход к делу, свободный от волюнтаризма и поспешности, основанный на научной оценке фактов, можно было ожидать от нашей печати более обоснованного, убедительного и корректного освещения процесса, тем более, если учитывать его важность и уникальность.

5. В газетах много подчеркивалось, что дело не в литературе, а в уголовных деяниях подсудимых. Но ведь инкриминируемые подсудимым уголовные деяния содержатся в их рассказах, повестях, романах. По-видимому здесь нельзя было обойтись без чисто литературного анализа, без внимательного рассмотрения структуры произведения, его языка и системы образов, без учета художественных условностей. Ведь именно в этом состояла специфика процесса. Можно ли в газетах так все упрощать, в таком облегченном виде представлять задачу, стоящую перед судом?

6. В газетах говорилось, что вина Синявского и Даниэля подтверждается содержанием их произведений, изданных за рубежом, показаниями свидетелей, *заклЮчением экспертизы и вещественными доказательствами*. Но как попала в этот перечень экспертиза, когда в газетах было указано, что ее задачей было установление авторства? Какие могут быть вещественные доказательства, кроме самих произведений? Почему печать не назвала их? Подобные неточности, нежелательные вообще в нашей печати, крайне сожалительны в столь ответственном деле.

7. Если верить «Литературной газете» (12/II - 66 г.), то между Даниэлем и председательствующим произошел такой диалог о клевете на Советское правительство:

Даниэль: «Ну кто же всерьез поверит, что оно может объявить «День открытых убийств». А раз не поверят, то при чем же здесь клевета». — «Но клеветой называется распространение заведомо ложных порочащих измышлений, — замечает председательствующий. — Значит то, что вы написали, — клевета». Пауза. «Нет, — отвечает, наконец, Даниэль, — это художественная гипербола».

Трудно поверить в точность передачи диалога. Ведь клевета

всегда рассчитана на то, что в нее поверят. А явно фантастическое допущение, в которое заведомо никто не поверит, не может квалифицироваться как диффамация. В самом деле, если гражданин А скажет, что у гражданина Б из головы растет тутовое дерево, или что он посадил свою тещу в ракету и отправил ее в сторону Венеры, в это никто не поверит, и это не может расцениваться как клевета. И если это в такой обычной ситуации, то это тем более верно для беллетристики.

22 февраля «Правда» писала в редакционной статье: «Оркестрованная на западе с небывалым размахом кампания в защиту двух диверсантов от литературы дезориентировала кое-кого из честных людей. Видимо, не располагая должной информацией и восприняв писания буржуазной прессы, которая, утратив всякий стыд, ставит Синявского и Даниэля в один ряд с Гоголем и Достоевским и уверяет, будто на суде шла речь о проблемах литературы и свободе творчества, некоторые прогрессивные деятели встревожились».

Разберем сказанное. «Правда» пишет о «честных людях» и «прогрессивных деятелях», не располагающих информацией и дезориентированных буржуазной прессой. Но какой должной информацией эти люди не располагают? Разумеется, они располагают всеми рассказами, повестями и романами Синявского и Даниэля и могут лично познакомиться с произведениями, которым инкриминируется враждебность советскому строю. Помешать этому буржуазная пропаганда не может. Кроме того, честные люди, а тем более прогрессивные деятели капиталистических стран отлично знают, что такое буржуазная пресса и радио. Тогда какого же рода «должной информацией» они не располагают? Получается, что они не располагают информацией о с а м о м процессе, о суде над Синявским и Даниэлем. Но ведь они могут читать наши газеты и наверняка это делали, если они действительно честные люди и прогрессивные деятели. Но почему же при этом они все-таки не располагают должной информацией? Не означает ли это всё, что наши газеты как раз и не содержали «должной информации», что мы сами закрыли и затруднили доступ к «должной информации», и что, печатая краткие репортажи из зала суда, полные недостатков, не публикуя стенограмм или протоколов судебных заседаний, совершенно не допустив даже коммунистических корреспондентов в зал суда, мы сами заставили честных людей и прогрессивных деятелей воспринимать «писания буржуазной прессы»? Наконец из смысла сказанного вытекает, что советские люди, располагая лишь сообщениями наших газет, были информи-

рованы еще меньше, чем честные люди и прогрессивные деятели зарубежья. Как могло появиться такое логически незащищенное, беспомощное выступление в «Правде»?

Неудачное освещение в печати всего дела Синявского-Даниэля привело к публичным протестам не просто честных людей и прогрессивных деятелей, но самых прогрессивных из прогрессивных — наших зарубежных братьев — лидеров зарубежного коммунистического движения. И таким образом, во многих странах мы не имели сочувствия нашим действиям даже со стороны передового общественного мнения, к величайшей радости и выгоде нашего врага.

Получается, что дело Синявского-Даниэля в том виде, в каком оно было подготовлено и рассмотрено, а также освещено нашей печатью, наносит мировому коммунистическому движению, нашему строю, государству, нашей идеологии ущерб бóльший, чем любые антисоветские писания тех или иных частных лиц, ибо писания есть писания («мало ли чего можно в книжке намолоть»), а факты есть факты.

В связи с этим мы не можем не обратить Вашего внимания на взгляды определенной части советских людей, взгляды, с откровенной обнаженностью проявившиеся при подходе к обстоятельствам дела Синявского-Даниэля.

Эти люди рассуждают так: «А нам плевать на то, что у зарубежных коммунистов будут из-за всего этого трудности. Это их печаль и забота. Зачем у нас должна болеть голова за них».

Некоторые из таких людей — коммунисты. Один из них — ответственный сотрудник МИДа, на лекции в МГУ (10/III-66 г.) в ответ на вопрос о заявлении товарищей Арагона и Голлана сказал, что-де пусть они занимаются своими делами, а не чужими.

Эти настроения не случайны. История их не так коротка и не так проста. Еще в 1925 г. руководство нашей партии предупреждало советских людей об опасности, заключающейся в забвении и непонимании некоторыми товарищами элементарного требования интернационализма, согласно которому победа социализма в одной стране — не самоцель, а средство для развития и поддержки революции в других странах. Партия говорила, что люди, одержимые этой болезнью, видят в нашей стране не частицу целого, именуемого мировым революционным движением, а начало и конец этого движения, полагая, что в жертву интересам нашей страны должны быть принесены интересы других стран. Эта опасность не переставала существовать с 1925 года. И поэтому руководство

партии снова и снова возвращалось к этой опасности, предостерегая против нее партию и народ (напр. 1926 г. и 1931 г.).

Нам кажется, что необходимо утратить, удесятерить наши усилия в интернациональном воспитании народа. Другого пути борьбы с этой болезнью нет.

Позвольте перейти к формулировке наших предложений:

1. Нам кажется, что следовало бы поручить философам и социологам серьезно разобраться в социальной причине поступка Синявского и Даниэля. В связи с этим напомним, что тов. Фидель Кастро в письме прокурору, как Вы знаете, просил не требовать смертной казни для кубинских контрреволюционеров-террористов и писал, что основное — это разобраться в причине перехода бывших революционеров в стан контрреволюции.

2. Нам кажется, что следует либо организовать высококвалифицированный компетентный пересмотр судебного дела Синявского-Даниэля, подробно и убедительно освещая его в печати, либо великодушно помиловать этих людей, дав возможность общественности обсудить их поступок.

3. Нам кажется, что следует серьезно продумать все наши ошибки по отношению к творческой интеллигенции и причину этих ошибок с тем, чтоб решительно исправить положение и окончательно выбить козырные карты из рук наших врагов.

(Вторая половина марта 1966 г.)

Э. Ханпира
И. Мельчук
Ю. Апресян
Л. Булатова
Н. Еськов

ПИСЬМО 62-х ПИСАТЕЛЕЙ В ПРЕЗИДИУМ
XXIII СЪЕЗДА КПСС И В ПРЕЗИДИУМЫ ВЕРХОВНЫХ
СОВЕТОВ СССР И РСФСР

*В Президиум XXIII съезда КПСС
В Президиум Верховного Совета СССР
В президиум Верховного Совета РСФСР*

Уважаемые товарищи!

Мы, группа писателей Москвы, обращаемся к вам с просьбой разрешить нам взять на поруки недавно осужденных писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Мы считаем, что это было бы мудрым и гуманным актом.

Хотя мы не одобряем тех средств, к которым прибегли эти писатели, публикуя свои произведения за границей, мы не можем согласиться с тем, что в их действиях присутствовал антисоветский умысел, доказательства которого были бы необходимы для столь тяжкого наказания. Этот злой умысел не был доказан в ходе процесса А. Синявского и Ю. Даниэля.

Между тем, осуждение писателей за сатирические произведения чрезвычайно опасный прецедент, способный затормозить процесс развития советской культуры. Ни наука, ни искусство не могут существовать без возможности высказывать парадоксальные идеи, создавать гиперболические образы. Сложная обстановка, в которой мы живем, требует расширения (а не сужения) свободы интеллектуального и художественного эксперимента. С этой точки зрения процесс над Синявским и Даниэлем причинил уже сейчас бóльший вред, чем все ошибки Синявского и Даниэля.

Синявский и Даниэль — люди талантливые, и им должна быть предоставлена возможность исправить совершенные ими политические просчеты и бестактности. Будучи взяты на поруки, Синявский и Даниэль скорее бы осознали ошибки, которые допустили, и в контакте с советской общественностью сумели бы создать новые произведения, художественная и идейная ценность которых искупит вред, причиненный их промахами.

По всем этим причинам просим выпустить Андрея Синявского и Юлия Даниэля на поруки.

Этого требуют интересы нашей страны. Этого требуют интересы мира. Этого требуют интересы мирового коммунистического движения.

Члены Союза Писателей СССР:

Чуковский К. И., Эренбург И. Г., Шкловский В. В., Антокольский П. Г., Славин Л. И., Каверин В. А., Дорош Е. Я.

Анастасьев А. Н.	Масс В. З.
Аникст А. А.	Михайлов О. Н.
Аннинский Л. А.	Мориц Ю. П.
Ахмадулина Б. А.	Нагибин Ю. М.
Бабеньшева С. Э.	Нусинов И. И.
Берестов В. Д.	Огнев В. Ф.
Богатырев К. П.	Окуджава Б. Ш.
Богуславская З. Б.	Орлова Р. Д.
Борев Ю. Б.	Осповат Л. С.
Войнович В. Н.	Панченко Н. В.
Домбровский Ю. О.	Поповский М. А.
Жигулин А. В.	Пинский Л. Е.
Зак А. Г.	Рассадин С. Б.
Зонина Л. А.	Реформаторская Н. В.
Зорин Л. Г.	Россельс В. М.
Зоркая Н. М.	Самойлов Д. С.
Иванова Т. В.	Сарнов Б. М.
Кабо Л. Р.	Светов Ф. Г.
Кин Ц. И.	Сергеев А. Я.
Копелев Л. З.	Сеф Р. С.
Корнилов В. А.	Соловьева И. Н.
Крупник И. Н.	Тарковский А. А.
Кузнецов И. Н.	Турков А. М.
Левитанский Ю. Д.	Тынянова И. Н.
Левицкий Л. А.	Фиш Г. С.
Лунгин С. Л.	Чуковская Л. К.
Лунгина Л. З.	Шатров М. Ф.
Маркиш С. П.	

ТЕЛЕГРАММА УЧЕНЫХ И ПИСАТЕЛЕЙ В ПРЕЗИДИУМ
XXIII СЪЕЗДА КПСС

Телеграмма

В Президиум XXIII съезда КПСС

Мы работники науки и литературы встревожены возмущены решением Ученого совета филологического факультета МГУ 25 марта об увольнении доцента Виктора Дмитриевича Дувакина известного крупного специалиста по истории русской литературы опытного популярного лектора с 27 летним стажем видного исследователя творчества Маяковского тчк Это решение принято в связи с тем что Дувакин выступал свидетелем защиты на процессе Синявского тчк Столь алогичное решение бросает тень не только на МГУ но и на советское правосудие ибо советское судопроизводство предусматривает наличие свидетелей с той и другой стороны и обязано иметь полное представление о личности обвиняемых как по линии обвинения так и по линии защиты тчк Просим вашего срочного вмешательства предотвращения приказа об увольнении тчк

1. Паперный — доктор филологических наук член ССП
2. Каждан — доктор исторических наук
3. Монгайт — доктор исторических наук
4. Хосе Гарсия — доктор исторических наук
5. Дебец — доктор исторических наук
6. Гулыга — доктор исторических наук
7. Турок-Попов — доктор филологических наук
8. Федоров — доктор исторических наук
9. Горский — доктор философских наук
10. Виленская — кандидат исторических наук
11. Пирумова — кандидат исторических наук
12. Пономарева — кандидат исторических наук
13. Кирносов — кандидат исторических наук
14. Козлов — кандидат исторических наук

15. Маркова — кандидат исторических наук
16. П. Якир
17. Герасимов И. — кандидат философских наук
18. В. А. Катанян — писатель

(29. III — 8. IV 66 г.)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
Л. ЧУКОВСКОЙ М. ШОЛОХОВУ

*В правление Ростовского отделения СП
В правление Союза Писателей РСФСР
В правление Союза Писателей СССР
В редакцию газеты «Правда»
В редакцию газеты «Известия»
В редакцию «Литературной газеты»
В редакцию газеты «Литературная Россия»
В редакцию газеты «Молот»*

МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ, АВТОРУ «ТИХОГО ДОНА»

Выступая на XXIII съезде Партии, Вы, Михаил Александрович, поднялись на трибуну не как частное лицо, а как представитель советской литературы.

Тем самым Вы дали право каждому литератору, в том числе и мне, произнести свое суждение о тех мыслях, которые были высказаны Вами будто бы от нашего общего имени. Речь Вашу на съезде воистину можно назвать исторической. За все многовековое существование русской культуры я не могу вспомнить другого писателя, который, подобно Вам, публично выразил бы свое сожаление не о том, что вынесенный судьями приговор слишком суров, а о том, что он слишком мягок.

Но огорчил Вас не один лишь приговор: Вам пришлось не по душе самая судебная процедура, которой были подвергнуты писатели Даниэль и Синявский, Вы нашли ее слишком педантической, слишком строго законной. Вам хотелось бы, чтобы судьи судили советских граждан, не стесняя себя кодексом, чтобы руководствовались они не законами, а «правосознанием». Этот призыв ошеломил меня — и я имею основание думать — не одну меня. Миллионами невинных жизней заплатил наш народ за сталинское попрание закона. Настойчивые попытки возвратиться к законности, к точному соблюдению духа и буквы советского законодательства, успешность этих попыток — самое драгоценное завоевание нашей страны, сделанное ею за последнее десятилетие. И именно это завоевание Вы хотите у народа отнять! Правда, в своей речи на съезде Вы поставили перед судьями в качестве образца не то

сравнительно недавнее время, когда происходили массовые нарушения советских законов, а то, более далекое, когда самый закон, самый кодекс еще не родился: «памятные двадцатые» годы». Первый советский кодекс был введен в действие в 1922 году. Годы 1917-1922 памятны нам героизмом, величием, но законностью они не отличались, да и не могли отличаться: старый строй был разрушен, новый еще не окреп. Обычай, принятый тогда: судить на основании «правосознания» был уместен и естественен в пору гражданской войны, на другой день после революции, но он ничем не может быть оправдан накануне 50-летия советской власти. Кому и для чего это нужно — возвращаться к «правосознанию», то есть по сути дела к инстинкту, когда выработан закон. И кого, в первую очередь, мечтаете вы осудить этим особо-суровым, не опирающимся на статью кодекса судом, который осуществлялся «в памятные двадцатые годы»? Прежде всего, литераторов... Давно уже в статьях и публичных речах Вы, Михаил Александрович, имеете обыкновение отзываться о писателях с пренебрежением и грубой насмешкой. Но на этот раз Вы превзошли самого себя. Приговор двум интеллигентным людям, двум литераторам, не отличающимся крепким здоровьем, к пяти и семи годам заключения в лагере со строгим режимом, для принудительного, непосильного физического труда — то есть в сущности приговор к болезни, а может быть, и к смерти, — представляется Вам недостаточно суровым. Суд, который судил бы их не по статьям уголовного кодекса, без этих самых статей — побыстрее, попроще! — изобрел бы, полагаете Вы, более тяжкое наказание, и Вы были бы этому рады.

Вот Ваши подлинные слова:

«Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на разграниченные статьи уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием», ох, не ту меру получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора.»

Да, Михаил Александрович, вместе со многими коммунистами Италии, Франции, Англии, Норвегии, Швеции, Дании (которых в своей речи Вы почему-то именуете «буржуазными защитниками» осужденных), вместе с левыми общественными организациями Запада, я, советская писательница, рассуждаю, осмеливаюсь рассуждать о неуместной, ничем не оправданной суровости приговора. Вы в своей речи сказали, что Вам стыдно за тех, кто хлопотал о помиловании, предлагая взять осужденных на поруки. А мне, признаться, стыдно не за них и не за себя, а за Вас. Они просьбой своей продолжили славную традицию советской и досоветской

русской литературы, а Вы своею речью отлучили себя от этой традиции. Именно в «памятные двадцатые годы», то есть с 1917 по 1922, когда бушевала Гражданская война и судили по «правосознанию», Алексей Максимович Горький употреблял всю силу своего авторитета не только на то, чтобы спасти писателей от голода и холода, но и на то, чтобы выручать их из тюрем и ссылок. Десятки заступнических писем были написаны им, и многие литераторы вернулись, благодаря ему, к своим рабочим столам. Традиция эта — традиция заступничества — существует в России не со вчерашнего дня, и наша интеллигенция вправе этим гордиться. Величайший из наших поэтов Александр Пушкин гордился тем, что «милость к павшим призывал». Чехов в письме к Суворину, который осмелился в своей газете чернить Золя, защищавшего Дрейфуса, объяснял ему: «Пусть Дрейфус виноват, — и Золя все-таки прав, так как дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание... Обвинителей, прокуроров... и без них много».

Дело писателей не преследовать, а вступаться...

Вот чему учит нас русская литература в лице лучших своих представителей. Вот какую традицию нарушили Вы, громко сожалея о том, будто приговор суда был недостаточно суровым.

Вдумайтесь в значение русской литературы.

Книги, созданные великими русскими писателями, учили и учат людей не упрощенно, а глубоко и тонко, во всеоружии социального и психологического анализа вникать в сложные причины человеческих ошибок, проступков, преступлений, вин. В этой проникновенности и кроется, главным образом, очеловечивающий смысл русской литературы. Вспомните книгу Федора Достоевского о каторге — «Записки из мертвого дома», книгу Льва Толстого о тюрьме — «Воскресенье». Оба писателя страстно всматривались в глубь человеческих судеб, человеческих душ и социальных условий. Не для дополнительного осуждения осужденных совершил Чехов свою героическую поездку на остров Сахалин, и глубокой оказалась его книга. Вспомните, наконец, «Тихий Дон» — с какой осторожностью, с какой глубиной понимания огромных социальных сдвигов, происходивших в стране, и мельчайших достижений потрясенной человеческой души относится автор к ошибкам, проступкам и даже преступлениям против революции, совершаемых его героями! От автора «Тихого Дона» удивительно было услышать грубо-прямолинейный вопрос, превращающий сложную жизненную ситуацию в простую, элементарнейшую —

вопрос, с которым Вы обратились к делегатам Советской Армии: «как бы вы поступили, если бы в каком-нибудь из подразделений появились предатели?». Это уж прямой призыв к Военно-полевному суду в мирное время. Какой мог быть ответ воинов, кроме одного: расстреляли бы! Зачем, в самом деле, обдумывать, какую именно статью уголовного кодекса нарушили Синявский и Даниэль, зачем пытаться представить себе, какие именно стороны нашей недавней действительности подверглись сатирическому изображению в книгах, какие события побудили их взяться за перо, и какие свойства нашей теперешней, современной действительности не позволили им напечатать свои книги дома? Зачем тут психологический и социальный анализ? К стенке их! Расстрелять в 24 часа!

Слушая Вас, можно было вообразить, будто осужденные распространяли антисоветские листовки или прокламации, будто они передали за границу не свою беллетристику, а по крайней мере план крепости или завода... Этой подменной сложных понятий простыми, этой недостойной игрой словом «предательство» Вы, Михаил Александрович, еще раз изменили долгу писателя, чья обязанность всегда и везде разъяснять, доводить до сознания каждого всю многосложность, противоречивость процессов, совершающихся в литературе и в истории, а не играть словами, злобно и намеренно упрощая и тем самым искажая случившееся.

Суд над писателями Синявским и Даниэлем по внешности совершался с соблюдением всех формальностей, требуемых законом. С Вашей точки зрения в этом его недостаток, с моей — достоинство. И однако я возражаю против приговора, вынесенного судом. Почему?

Потому, что самая отдача под Уголовный суд Синявского и Даниэля была противозаконной.

Потому, что книга, беллетристика, повесть, роман, рассказ — словом, литературное произведение, слабое или сильное, талантливое или бездарное, лживое или правдивое, никакому суду, кроме общественного, литературного, ни Уголовному, ни Военно-полевому не подлежит. Писателя, как и всякого советского гражданина, можно и должно судить Уголовным судом за любой проступок — только не за его книги. Литература Уголовному суду неподсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не лагеря и тюрьмы.

Вот это Вы и должны были заявить своим слушателям, если бы Вы в самом деле поднялись на трибуну как представитель советской литературы.

Но Вы держали речь как отступник ее. Ваша позорная речь не будет забыта историей.

А литература сама отомстит за себя, как мстит она всем, кто отступает от налагаемого ею трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, — к творческому бесплодию. И никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят приговор от Вашей головы.

(Апрель 1966 г.)

Лидия Чуковская

ПИСЬМО Ю. ДАНИЭЛЯ ИЗ КОНЦЛАГЕРЯ В РЕДАКЦИЮ
ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»

В газету «Известия»

Я прошу вас опубликовать в вашей газете нижеследующий текст или, во всяком случае, принять его к сведению в случае дальнейших упоминаний моего имени и имени А. Синявского на страницах вашей газеты.

В течение всего периода следствия и суда я не получал сколько-нибудь объективной информации об общественном звучании произведений Аржака и Терца. Следствие, обвинители, суд старались убедить меня и Синявского в том, что наши произведения читаются и рекламируются только врагами нашей страны, что они — произведения — превращены в орудие идеологической борьбы. Я должен признаться, что почти полгода подобной «обработки» оказали на меня некоторое влияние: я признал себя виновным в «непредусмотрительности» и выразил сожаление по поводу того, что наши произведения используются во вред нашему государству.

После суда и приговора я получил возможность ознакомиться с нашей прессой и получить сведения о прессе зарубежной. Я понял, что только дезинформация была причиной моих «сожалений» и «признаний». Я понял также, что читатели наших газет («Литературная газета», «Известия» и др.) введены в заблуждение относительно смысла, идейной направленности и даже художественных особенностей повестей и рассказов Терца и Аржака. Я не стану перечислять весь набор недобросовестных, жульнических приемов, которыми пользовались журналисты и критики, — об этом я уже говорил в своем последнем слове на суде. Тенденциозное освещение процесса, произведений и личности обвиняемых в нашей прессе, доброжелательность и протесты против суда и приговора, исходящие из прогрессивных кругов широкой общественности, от ряда советских литераторов и деятелей культуры и науки, ставят меня перед необходимостью четко и недвусмысленно сформулировать свое отношение к происходящему. В настоящее время я пришел к окончательному выводу — наши произведения вообще не должны были быть предметом судебного разбирательства; приговор несправедлив и неправосуден; я отказыва-

юсь от своих «сожалений» по поводу якобы причиненного нашими произведениями вреда: единственный вред, который можно связать с именами Синявского и Даниэля, порожден арестом, судом и приговором.

Я благодарю всех, кто принял участие в нашей судьбе. Я не имею возможности снестись и посоветоваться с Синявским, но я глубоко убежден, что он согласится с каждым словом этого письма.

9. IV. 66

Прошу вас, не откажите в любезности подтвердить получение этого письма, не зависимо от того, сочтете ли вы возможным его опубликовать.

Ю. Даниэль

СООБЩЕНИЕ, ПЕРЕДАННОЕ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА «ГРАНИ» ПРЕССЕ

ПРОТЕСТ русской общественности против осуждения Синявского и Даниэля.

ДОКУМЕНТЫ о возмущении общественных кругов России делом Синявского и Даниэля.

ОТКРЫТЫЕ выступления видных деятелей культуры против нарушения прав и законности.

БОРЬБА ведется не только за Синявского и Даниэля, но и за свободу творчества.

*

ЖУРНАЛ «ГРАНИ» публикует вывезенные из Москвы документы, отражающие борьбу между общественностью и властью вокруг дела Синявского и Даниэля. Документы относятся не только к периоду следствия и суда, но и к более позднему времени. Документы свидетельствуют о том, что в России борьба за Синявского и Даниэля продолжается.

*

Вышедший сегодня из печати № 62 литературного журнала «ГРАНИ» (см. прил. № 1) посвящен вывезенным из России документам о деле Синявского и Даниэля. Журнал печатает 38 таких документов и добавляет, что предстоит публикация дальнейших.

Редакция журнала сообщает, что документы ходят по стране в виде сборника — вроде своеобразной «Белой книги» по делу Синявского и Даниэля. Составитель этого сборника предпосылает ему редакционную статью под названием «Письмо старому другу».

В ней говорится, что это «первый открытый политический процесс при советской власти, когда обвиняемые... не признали себя виновными и приняли приговор как настоящие люди... Первый процесс за четыре с лишним десятилетия...»

Автор «Письма старому другу» видит большую разницу между этим процессом и омерзительными процессами 30-х годов. «Нет, сдвиг есть, время идет!» Нет «пресловутых «признаний»... и букет следственных статей был бы совсем другой: 58-я статья — измена родине, вредительство, террор, саботаж». И все-таки, говорится

в конце «Письма», — «советское общество приговором по делу Синявского и Даниэля повергается снова в обстановку террора, преследований».

Автор «Письма» призывает лечить Россию от ее язв. Он считает вредным скрывать их и заканчивает «Письмо» словами: «Для России этот врач — гласность!»

Документы сгруппированы в три раздела:

1. Документы, касающиеся следственного периода.
2. Дополнительные документы по судебному процессу.
3. Документы, отражающие настроения после процесса.

(Полный список документов: см. прил. № 2.)

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ открывается листовкой-обращением явиться на «Митинг гласности» у памятника Пушкину 5 декабря. Митинг намечено было проводить при полном соблюдении законности. Даже после разгона демонстрации (следующий документ) этот мотив не снимается. То же впечатление производят все письма первого раздела — не только жен Синявского и Даниэля, но и всех других, открыто выступивших в их защиту: они требуют не снисхождения, а строгого соблюдения законности и гласности.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ содержит неопубликованные документы суда: опрос свидетелей, речи государственного и общественных обвинителей, пересказы речей защитников. (Основные документы по судебному процессу — допрос Синявского и Даниэля и их последние слова — были опубликованы в журнале «ГРАНИ» № 60).

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ прямо свидетельствует о широком протесте общественности.

Особое внимание привлекает обращение 62-х писателей (среди них Чуковский, Эренбург, Шкловский, Антокольский, Каверин, Дорош, Ахмадулина, Окуджава и др.) к Президиуму XXIII съезда КПСС с просьбой выпустить Синявского и Даниэля на поруки. (Перевод этого документа — см. прил. № 3.)

Глубокой гуманностью дышит открытое письмо писательницы Лидии Чуковской Шолохову, вызванное его позорным выступлением на XXIII съезде КПСС. «Дело писателей не преследовать, а вступаться», говорит она. За отступничество от этого принципа «литература сама отомстит... Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, — к творческому бесплодию. И никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят приговор от Вашей головы».

Мотив законности сильно звучит в телеграмме 18-ти научных сотрудников филологического факультета Московского Государственного Университета, протестующих против увольнения сви-

детеля защиты доцента В. Д. Дувакина. «Столь алогичное решение бросает тень не только на МГУ, — говорится в телеграмме, — но и на советское правосудие, ибо советское судопроизводство предусматривает наличие свидетелей с той и другой стороны...»

С партийных позиций веско протестуют против суда и приговора 5 граждан. Они говорят, что «история Советского государства не знает ни одного случая ареста и *открытого суда* над писателем за инкриминируемую ему антисоветскую, антигосударственную деятельность, выражающуюся в написании и издании (здесь или за рубежом) антисоветских, антигосударственных произведений».

Все документы — свидетельство восстания широких кругов русской общественности против бесправия и произвола, свидетельство, что борьба за Синявского и Даниэля в России продолжается и переходит в борьбу за свободу творчества и соблюдение законности.

Публикуя эти документы, редакция журнала «ГРАНИ» выражает надежду, что западная общественность поддержит своих русских коллег.

Редактирует Редакционная Коллегия
Главный редактор Н. Б. Тарасова

Адрес редакции журнала «Грани»:
Grani c/o Possev-Verlag, 623 Frankfurt/M.-Sossenheim, Flurscheideweg 15

О Б Р А Щ Е Н И Е
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»
К ПИСАТЕЛЯМ, ПОЭТАМ, ЛИТЕРАТУРНЫМ КРИТИКАМ
И ДЕЯТЕЛЯМ ИСКУССТВА И НАУКИ,
К ЛИТЕРАТУРНОЙ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНЧЕСТВУ

Доводим до сведения писателей, поэтов, литературных критиков, деятелей искусства и науки, не могущих опубликовать свои труды у нас на родине, что русское издательство «П О С Е В», находящееся в настоящее время за рубежом, во Франкфурте-на-Майне, *предоставляет* эту возможность.

Повести, романы, рассказы, стихотворения, литературоведческие, публицистические, философские и научные статьи будут опубликованы в журнале «Г р а н и».

Отдельные художественные произведения, сборники стихотворений, сборники статей и научные труды могут быть изданы также отдельными книгами.

В течение последних лет журнал «Г р а н и» опубликовал в 12 номерах №№ 32, 34-35, 36, 39, 43, 47, 49, 54, 56, 57, 58 и 59) стихи, переданные из Советского Союза. Среди них стихотворения из романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» (опубликованы анонимно еще до выхода за границей самого романа) и подпольные литературные журналы московской и ленинградской молодежи «Синтаксис» № 1-3 («Грани» № 58 и «Сфинксы» («Грани» № 59). Пять раз журнал «Г р а н и» публиковал прозу авторов, живущих в СССР (№№ 32, 48, 55, 56 и 57). № 52 целиком посвящен материалам, переданным из Советского Союза, и содержит произведение Валерия Тарсиса «Сказание о синей мухе» и подпольный литературный журнал московской молодежи «Феникс».

Издательство «Посев» уже выпустило отдельной книгой три повести В. Тарсиса: «Сказание о синей мухе», «Красное и черное» и «Палата № 7».

УСЛОВИЯ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»

1. Издательство «Посев» принимает рукописи, *подписанные также и псевдонимами.*

2. Издательство «Посев» обязуется немедленно перепечатывать присланные рукописи на пишущих машинках, чтобы уничтожить малей-

шую возможность установить личность автора по почерку или по шрифту его машинки. После перепечатки рукописи будут уничтожены. Издательство «Посев» гарантирует, что *ни одна рукопись не попадет в чужие руки.*

3. Все права на рукописи авторы передают издательству «Посев», включая сюда разрешение переводить рукописи на иностранные языки и печатать в любых странах за рубежом. Право на заключение договоров с иностранными издательствами также передается авторами издательству «Посев».

4. Издательство «Посев» обязуется откладывать авторский гонорар в размере, соответствующем установленным в издательстве ставкам. Деньги будут храниться в издательстве до того времени, когда автор найдет возможность их получить.

5. Сорок процентов чистого дохода от издания беллетристических произведений или научных трудов как на русском, так и на иностранных языках, поступают в распоряжение автора. Остальные шестьдесят процентов поступают в фонд издательства «Посев» для расширения печатной базы и покрытия расходов по *бесплатному распространению в СССР* через подпольные каналы журнала «Грани» и книг, в том числе и произведений данного автора.

6. Если автор хочет издать свое произведение за рубежом, но не в издательстве «Посев», издательство берет обязательство передавать рукописи в другие русские зарубежные и иностранные издательства по указанию автора. В таком случае *издательство «Посев» берет на себя защиту интересов авторов.*

7. Не принятые издательством «Посев» или другими зарубежными издательствами по каким-либо причинам *рукописи будут храниться в перепечатанном виде* до того времени, пока автор не найдет возможным затребовать их обратно.

8. Во избежание возможных недоразумений при последующем установлении авторского права *рекомендуется прилагать к рукописи «вещественный пароль».* Например: половину узорно разрезанной открытки, копию какого-либо рисунка или чертежа и т. п. У себя автор сохраняет другую половину открытки, оригинал рисунка или чертежа и т. п. Когда автор сможет и захочет — он предъявит этот «вещественный пароль», который совпадает с «вещественным паролем», хранящимся в издательстве, и легко утвердит свое авторство и свои права.

ЧЕРЕЗ КОГО ПЕРЕСЫЛАТЬ РУКОПИСИ ИЗ СССР
В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»?

а) Через моряков торгового и военного флота, плавающих в иностранных водах.

б) Через туристов, посещающих государства свободного мира.

в) Через членов различных научных и общественных делегаций; спортивных команд, артистических групп, выезжающих из СССР за границу.

Примечание: Во всех этих случаях необходимо иметь доверенное лицо или личного друга, который не подведет и не предаст.

г) Через иностранных туристов, посещающих СССР, через иностранных артистов, спортсменов, ученых, моряков. При этом необходимо соблюдать осторожность, чтобы не обратиться по ошибке к ненадежному, нечестному человеку.

д) Через иностранные посольства — при имеющихся определенных связях и возможностях. И в этом случае требуется соблюдение осторожности.

На передаваемой рукописи указать следующий адрес:

Possev-Verlag
V. Gorachek KG
623 Frankfurt/M. - Sossenheim
Flurscheideweg 15

Издательство «Посев»
Франкфурт-на-Майне /Зоссенхайм
Флуршайдевег № 15

ДАЛЬНЕЙШИЙ ПУТЬ РУКОПИСИ ЗА РУБЕЖОМ

Для тех, кто привезет рукопись за границу, имеется два пути ее дальнейшей отправки по месту назначения:

1. ИЗ РУК В РУКИ

Представители издательства «Посев» есть во всех европейских странах, в Австралии, США, странах Южной Америки, Канаде, Северной Африке и др. Представители издательства «Посев» часто встречают моряков, туристов и делегатов, приезжающих из СССР в западные страны.

В связи с этим приехавший за границу имеет возможность связаться непосредственно с представителем издательства «Посев» и передать ему рукопись из рук в руки, указав в устной форме все свои пожелания.

2. ПО ПОЧТЕ

Для этого требуется надписать на пакете указанный адрес издательства «Посев» и бросить в почтовый ящик или сдать на почту в любом западном государстве.

В случае, когда покупка почтовых марок является затруднительной, можно посылать пакет без марок. Рукопись все равно дойдет по адресу, почтовые же расходы по ее отправке в этом случае оплачивает получатель — издательство «Посев».

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Участвуйте в духовной революции нашей Родины — РОССИИ!

Активно, свободно и горячо выражайте подлинное общественное и политическое мнение всей страны!

На российскую интеллигенцию, прежде всего, на молодежь, возлагается историей ответственнейшая задача — стать свободным рупором нашего народа, его стремлений, чаяний, борьбы.

За свободное творчество!

За свободную Россию!

С дружеским приветом.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»